

ЗМЕСТ

НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

<i>Рябцевіч В.Н.</i> Дepasпортызiраванае ожер'елле з сабраня нацыянальнага музея гiсторыі і культуры Рэспублікі Беларусь (паспраба рэпаспортызаванне)	3
---	---

ГІСТОРЫЯ

<i>Дзянісавы А.Р.</i> Прававое становішча праваслаўнай царквы на Беларусі ў XV–XVI стст.	7
<i>Сосна У.А.</i> Перавод манастырскіх сялян у склад дзяржаўных на Беларусі ў 30-х гг. XIX ст.	11
<i>Літвіновскі І.А.</i> Укрепленне электраэнергетычнага гаспадарства Беларусі ў гады доваенных пяцілеток	14
<i>Котай А.І.</i> Аднаўленне і развіццё агульнаадукацыйнай школы ў пасляваеннай беларускай вёсцы (1944–1960)	17

ФІЛАСОФІЯ

<i>Сарна А.Я.</i> Праблема осмыслення камунікатывнай прыроды ўлады ў заападнаеўрапейскай сацыяльнай філасофіі	20
<i>Сокольнік В.Н.</i> К вopcy о генезисе эстетических воззрений древних славян	24

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Мельніков А.П.</i> Політычныя погляды Алексіса дэ Токвіля (1805–1859)	27
<i>Лысюк А.І.</i> Суцэсць палітычнага лідэрства: інтэратывны падход	30
<i>Кечына Е.А.</i> Статыстычныя данныя як ісчонік сацыялагічнай інфармацыі пры ізуванні праблем лчынсці	33

ЭКАНОМІКА

<i>Клюня В.Л.</i> Металогія аналізу аграрных адношэнняў	38
<i>Цехановіч Т.Ф., Дакуко Л.І.</i> Эвалюцыя тэорыі прадпрыемства і мікразэканоміі	42
<i>Боровская Е.А.</i> Інтэлектуальная сабсвеннасць як эканамічная катэгорыя	46
<i>Савенкова Н.А.</i> Модэлі паводнення прадпрыемстваў у савременнай эканоміцы	49
<i>Булавако В.Г.</i> Некаторыя аспекты развіцця эканомікі Рэспублікі Беларусь	53

ПРАВА

<i>Лізагаро В.Е.</i> Прававой рэжым памятнікоў прыроды	57
<i>Марціновіч І.І.</i> Суд прысяжных: атсрочка ввядзення, перспектывы	62
<i>Новікова Е.В.</i> Арганізацыйна-прававыя праблемы кантроля за асуджэннымі з умоўным непрымененнем наказання	65
<i>Савченко М.І.</i> Арест морских судов	68

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ І СУЧАСНАСЦЬ (публікацыі і пераклады)

<i>Гжэгорчык Анджэй (Польша).</i> Рационализм европейской культуры (к 100-летию львовско-варшавской школы)	72
--	----

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

<i>Казімір Адамавіч Рэвяка</i>	77
<i>Аляксандр Віктаравіч Шарапа</i>	78

РЭЦЭНЗІІ

<i>Жылуновіч Л.А., Казакоў Ю.Л., Сосна У.А.</i> У.Емельяничук. Паланез для касінерай: (з падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т.Касцюшкі на Беларусі)	79
<i>Клевечыя А.С., В.Ф.Берков, Я.С.Яскевич, В.И.Павлюкевич.</i> Логика. Учебное пособие для высших учебных заведений	80
<i>Лукашэў А.І.</i> Крымінальнае права Беларусі (закон, злачынства, адказнасць): Навучальны дапаможнік / А.У.Баркоў, І.А.Грунтоў, Т.І.Доўнар і інш.	81
<i>Брыгадін П.І., Рашетніков С.В.</i> А.Н.Данилов. Переходное общество: проблемы системной трансформации	81
<i>Матусевіч Е.В.</i> Политология: Курс лекций / Н.П.Денисюк, Т.Г.Соловей, Л.В.Старовойтова, Е.В.Гречнева, Н.А.Антанович	82

ВЕСНІК

**Беларускага дзяржаўнага
універсітэта**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

**Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права**

1'98

САКАВІК

МІНСК
"УНІВЕРСІТЭЦКАЕ"

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П.М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

П.І. БРЫГАДЗІН (адказны рэдактар),
В.М. ГАДУНОЎ, А.М. ЕЛСУКОЎ, А.І. ЗЕЛЯНКОЎ (нам. адказнага
рэдактара), **Ю.Л. КАЗАКОЎ** (адказны сакратар), **У.Л. КЛЮНЯ,**
С.В. РАШЭТНІКАЎ, У.М. ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА, А.А. ЯНОЎСКИ

Учредитель:
Белорусский государственный университет.

Регистрационный №805

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, №1, 1998

Издательство "Універсітэцкае".

220048, Минск, пр.Машерова, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 220-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар **А.А. Сычоў**

Мастацкі рэдактар **Дз.Я. Дзівін**

Тэхнічны рэдактар і карэктар **Г.І. Хмарун**

Набор і верстка выкананы ў рэдакцыі часопіса **Г.М. Добыш** і **У.А. Сямёнавым**

Падпісана да друку 11.03.98. Фармат 70х108 1/16. Папера афс. Друк афсет. Ум. друк.
арк. 7,0. Ум. фарб.-адб. 7,52. Ул.-выд. арк. 8,87. Тыраж 610 экз. Заказ 593. Цана 20000 р.

Надрукавана з готовых дзялягітваў заказчыка ў друкарні выдавецтва "Беларускі
Дом друку". 220013, Мінск, праспект Ф. Скарыны, 79.

© Веснік Белдзяржуніверсітэта, 1998

Нашы лаўрэаты

Валянцін Навумавіч Рабцэвіч – лаўрэат прэміі імя У.І.Пічэты за 1997 г., доктар гістарычных навук, прафесар кафедры археалогіі, этнаграфіі і даламожных гістарычных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Кола навуковых інтарэсаў прафесара В.Н.Рабцэвіча – нумізматыка, у якой ён з’яўляецца адным з выдатных спецыялістаў. Па гэтай тэматыцы вучоны апублікаваў каля 60 артыкулаў і чатыры манаграфіі. Найбольш вядомыя з іх – кнігі "Нумізматыка Беларусі" і "Российско-польские монетные эмиссии эпохи Петра I".

В.Н.РАБЦЕВИЧ

ДЕПАСПОРТИЗИРОВАННОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (попытка репаспортизации)

IX – конец 80-х гг. X в. – время становления и бурного развития денежного обращения на территории древней Руси, определяемое современной нумизматикой как "период куфического дирхама"¹.

На основе дирхамов и их фрагментов сформировалась древнерусская денежно-весовая система, основные звенья которой известны под названиями "ногата", "куна", "резана", "векша (веверица)".

Монетное серебро являлось не только платежным средством, но и популярным компонентом женских украшений. Арабский автор Мухаммад ибн Фадлан (922) пишет, что славянские женщины носят ожерелья из монет, своеобразно демонстрируя уровень состоятельности своих супругов: "Ежели рус владеет десятью тысячами дирхамов, то он справляет своей жене один ряд мониста, а ежели владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два ряда мониста... Каждые десять тысяч, которые он прибавляет к своим дирхамам, прибавляют ряд мониста его жене, так что на шее иной бывает много рядов монист"². Правдивость этого сообщения подтверждается находками монет с отверстиями или приклепанными ушками для подвешивания не только в инвентарях женских погребений, но и вкладах (в последнем случае эти экземпляры, сменившие денежную функцию на декоративную, вернулись в сферу рыночной жизни).

Эмиссионные даты дирхамов-украшений, найденных в курганах X–XI вв., относятся лишь к X в. Значительное количество дирхамов VIII–X вв. с отверстиями или ушками зафиксировано только в кладах X – первой половины XI в. Эти обстоятельства – свидетельство того, что обычай использования арабского монетного серебра в качестве украшений получил широкое распространение на землях древней Руси не ранее X в.³

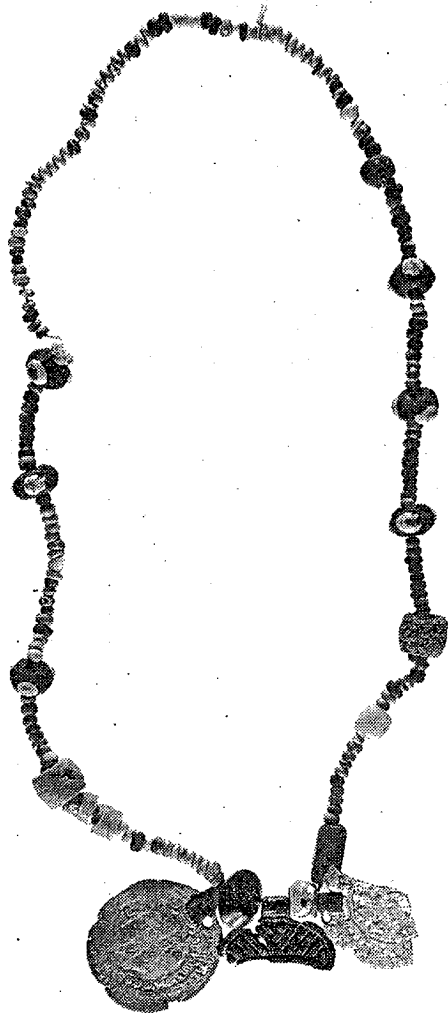

Рис.1. Ожерелье (общий вид; уменьш.)

одной такой же выпуклости перед левой и после правой крайних "палочек"; края корпуса обрамлены замкнутой цепочкой мелкой ложной зерни (рис.2).

Рис.2. Луница.

В фондах Национального музея истории и культуры Республики Беларусь хранится унаследованное от довоенного Белгосмузея ожерелье (рис.1), происходящее, несомненно, из курганного погребения. В годы немецко-фашистской оккупации оно было вывезено в Германию, откуда вернулось в Минск депаспортизированным.

Ожерелье состоит из стеклянных, стеклопастовых, бронзового и серебряных украшений.

Стекло: *бусины* (4 экз.) – боченковидная золоченая, усеченно-биконическая синяя, цилиндрическая светло-оранжевая, "лимонка" светложелтая; *бисер* (181 экз.) – зеленый (80 экз.), желтый (55 экз.), черный (46 экз.).

Паста: *бусины* (10 экз.) – глазчатые "сургучные" (глазки белые, с зелеными пятнышками в центре, 6 экз.); боченковидные оранжевые (2 экз.); прямоугольная "сургучная" со следами желтой эмали; цилиндрическая черная.

Перечисленные бусины и бисер четко "вписываются" в XI в.

Бронза: *луница* литая ширококорая с обломанными рожками; декор рельефный в виде острого угла острием вниз, параллельно сторонам которого – по три последовательно уменьшающиеся "палочки"; внутри угла – три крупные псевдозернистые полусферические выпуклости в виде пирамидки вершиной вниз (2–1) и по

Этот тип орнаментации ширококорых лунниц присущ лишь инвентарям радимичских погребений конца X–XI вв. на западных землях Руси⁴.

Серебро: *дирхамы* (2 экз.), эмитированные Нухом ибн Мансуром (366–387 гг. хиджры = 976–997) из эмирского рода Саманидов. Выполнены они в стандартных канонах серебряной чеканки Арабского халифата (если не считать имеющихся на них дифферентов):

Аверс – трехстрочная легенда "Нет бога кроме / Аллаха единого / нет ему сотоварища"; внутренняя круговая легенда – "Во имя Аллаха выбит сей

дирхам в [название города] в году [дата по хиджре]"; внешняя круговая легенда "Аллаху принадлежит власть ранее и после, и настанет время, когда правоверные возрадутся торжеству Аллаха"⁵.

Реверс – пятистрочная легенда "Во имя Аллаха / Мухаммад / посланник Аллаха / Ат-Таи лиллах"⁶ / Нух ибн Мансур"; круговая легенда "Мухаммад посланник Аллаха; послал он его с руководством и истинною верою, дабы мог он одержать победу над всеми верами, даже если бы противились этому язычники"⁷.

Первая из этих монет отчеканена в Самарканде в 369 г.х. (979/980). Ее дифференты: над первой строкой аверсной легенды – слово "адл", под третьей – имя "Фаик"⁸.

Ушко пластинчатое бронзовое, с одной стороны от него – круглое отверстие диаметром в 2 мм⁹, с другой – след такого же отверстия (рис.3).

Рис.3. Дирхам: Самарканд, 369 г.х.

От второго экземпляра сохранился фрагмент (2/5). Читается лишь дата – 376 г.х. (986/987), имя города – за обломом. Дифферент: имя "Фаик" под третьей строкой аверсной легенды¹⁰.

Ушко пластинчатое бронзовое; с обеих сторон от него – по круглому отверстию диаметром в 2 мм¹¹ (рис.4).

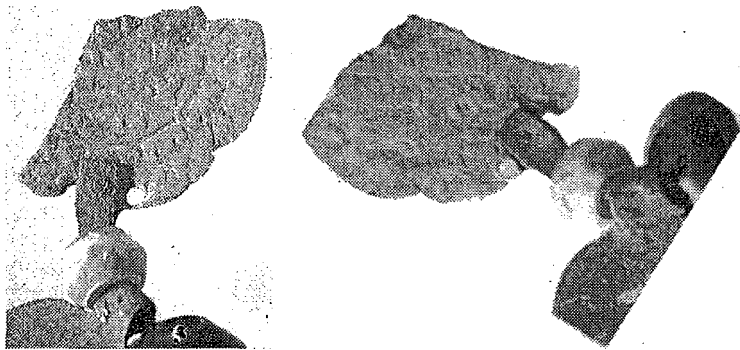

Рис.4. Дирхам: город? 376 г.х.

Полученные атрибутивные данные позволяют датировать публикуемое ожерелье XI в. (его первой половиной?) и высказать убеждение, что происходит оно из радимичского курганный погребения¹².

¹ Куфический дирхам – серебряный монетный номинал Арабского халифата. Верхняя дата этого периода обусловлена временем сокрытия самого позднего из известных кладов куфических дирхамов – д.Красная Миорского района Витебской области (1896). Известно 66 целых и "множество обломков" монет: халифы Аббасиды, эмиры Буиды, Зийариды, Кангариды, Саманиды и Хамданиды. Младшая монета – Саманиды, Нух ибн Мансур, чеканка Нисабура (современный г.Нисапур на с.-в. Ирана), 376 г.х. (986/987).

Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (СПб). Ф.1, д.293 (1895), л.50 об.-51; д.119 (1896), л.4-4 об., 10-11; Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С.136. №1; Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С.113.

² См.: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана. Харьков, 1956. С.141.

³ См.: Рябцевич В. Н. Куфические дирхемы на территории Белоруссии // Древности Белоруссии. Мн., 1966. С.255-256.

⁴ См.: Лысенко П. Ф. Радимичи // Очерки по археологии Белоруссии. Мн., 1972. Ч.II. Гл.8. §3. С.41. Рис.13 (ряд1, №3); Мітрафанаў А. Г., Плавінскі А. М. Каласы // Энциклапедыя. Археалогія і нумізматыка Беларусі. Мн., 1993 (далее – АИНБ). С.294; Плавінскі А. М., Салаўёва Г. Ф. Гадзілавічы // АИНБ. С.147-148; Рыбакоў Б. А. Радзімічы // Працы Секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Акадэміі навук. Мн., 1932. С.92. Табл. VI (№15); Рыер Я. Р. Чавускія археалагічныя помнікі // АИНБ. С.639-640; Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1982. Фото (нелагинированное) перед С.113; С.219. Табл.XLV; Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески: Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Труды Государственного исторического музея. М., 1967. Вып.43. С.100. Рис.16 (№3) и С.121. Прилож. IIIБ.

⁵ Коран. Сура XXX. Стихи 4 и 5.

⁶ Ат-Таи лиллах – аббасидский халиф (363-381 г.х. = 974-991), сюзерен Нуха ибн Мансура.

⁷ Коран. Сура IX. Стих 33.

⁸ Фаик – визирь при дворе Нуха ибн Мансура.

В.Г.Тизенгаузен, автор фундаментального описания денежных эмиссий Саманидов, полагал, что в 369 г.х. они не проводились: после перечня монет 368 г.х. он безоговорочно переходит к 370-му, минуя 369-й (О саманидских монетах // Труды Восточного Отделения Императорского Археологического общества. СПб., 1855. Ч.I [далее – ТВО, I]. С.229).

П.С.Савельев, напротив, сообщает о находке самаркандского дирхама 369 г.х. гр.А.С.Уваровым "в курганах села Шельбова Суздальского уезда Владимирской губернии" (Дополнения к описаниям саманидских монет // ТВО, I. №9. С.242.

А.К.Марков существенно конкретизирует сообщение Савельева: "Владимирской губернии, в Суздальском и Юрьевском уездах в 1852 г. были найдены гр.Уваровым куфические монеты, препровожденные по Высочайшему повелению в Эрмитаж (следует перечень дирхамов, в числе которых назван самаркандский 369 г.х. – В.Р.)... Перечисленные монеты найдены при раскопках... у села Шельбова..." (Топография кладов восточных монет... №23. С.4-5).

В составленном Марковым рукописном каталоге восточных монет Эрмитажа фигурируют два самаркандских дирхама 369 г.х., отличающихся от экземпляра рассматриваемого ожерелья вторым аверсным дифферентом: вместо имени "Фаик" – расположенные в строку буквы "мим", "дад" и пирамидка из трех точек (Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. Литографированное издание [далее – Инвентарный каталог]. №1149-1150. С.163). Один из этих дирхамов, следует полагать, происходит из шельбовского погребения.

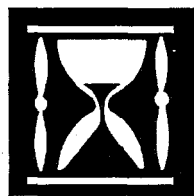
⁹ Ушко, несомненно, было прикреплено на пробитый, т.е. уже ставший деталью ожерелья, дирхам.

¹⁰ Не исключено, что за обломом осталось слово "адл" над первой строкой аверсной легенды.

В.Г.Тизенгаузен утверждает: "Из монет этого года известны... только бухарские фельсы (медные номиналы. – В.Р.) пяти видов" (О саманидских монетах. С.231), но в эрмитажном собрании имеется битый в аш-Шаше (современный Ташкент и прилегающая к нему местность) дирхам 376 г.х. с аверсными дифферентами "адл" и "Фаик" (Инвентарный каталог. №1201. С.165). Вполне вероятно, что фрагментированная монета ожерелья – также аш-шашской чеканки.

¹¹ См. примеч.9. Возможно, есть и второе отверстие, скрытое под ушком.

¹² Племя радимичей занимало территорию бассейна нижнего и среднего Сожа, междуречья Сожа и Днепра.

А.Р.ДЗЯНІСАВА

ПРАВАВОЕ СТАНОВІШЧА ПРАВАСЛАўНАЙ ЦАРКВЫ НА БЕЛАРУСІ ў XV–XVI стст.

Са старадаўніх часоў праваслаўе мела трывалае становішча на Беларусі, якая ўваходзіла ў склад Вялікага княства Літоўскага. У гэтай дзяржаве праваслаўе падтрымлівалася як правячымі коламі, так і ўсім насельніцтвам. Яно ўмацоўвала пазіцыі вялікіх літоўскіх князёў на беларуска-украінскіх землях, якія складалі значную сілу іх дзяржавы. Таму першыя князі падтрымлівалі і апекавалі праваслаўную царкву, бачачы ў ёй саюзніцу. За кошт іх падараванняў яна павялічвала свае багацці – землі, залежных сялян, умацоўвала свае пазіцыі, узводзіла новыя цэрквы і манастыры і да канца XIV ст. не толькі манапольна панавала ў духоўным жыцці Беларусі, але і пашырала ўплыў у Літве.

Крэўская ўнія 1385 г. рэзка змяніла рэлігійную сітуацыю ў Вялікім княстве Літоўскім. Збліжэнне з каталіцкай Польшчай, гібель Візантыйскай імперыі ў 1453 г. і аслабленне ўплыву Канстанцінопальскага патрыярхату, канфрантацыя княства з Масквой, якая здзяйсняла духоўную экспансію пад лозунгам "трэцяга Рыму", прывялі да ўзмацнення сувязей беларускіх зямель з заходнім каталіцкім светам, да больш актыўнага ўключэння іх у агульнаеўрапейскі палітычны і культурны працэс. Каталіцтва ў Вялікім княстве Літоўскім, дзе, пачынаючы з Ягайлы, усе гасудары былі каталікамі, становіцца прывілеяванай рэлігіяй. Аднак на працягу XV і да сярэдзіны XVI ст., нягледзячы на пашырэнне сферы ўплыву каталіцтва, тон у грамадскім жыцці, ідэалогіі, культуры задавала праваслаўная царква. Сказалася тут і шматвякавая традыцыя вернасці праваслаўю правячых колаў і прыналежнасць большасці насельніцтва ўсходнеславянскіх зямель да праваслаўнага веравызнання.

Аднак у руках польска-літоўскіх гасудароў мелася адна небяспечная зброя, якая зусім не была прызначана для нанясення шкоды праваслаўю, але злоўжыванне якой потым прынесла страшнае зло праваслаўнай царкве ў ВКЛ і прывяло яе да крайняга разладу: то было вядомае іх права "подавання столиц духовных и всех хлебов духовных", г.зн. права даравання архірэйскіх кафедраў, манастыроў і цэркваў. Права гэта вызначалася феадальным дзяржаўным ладам, калі вялікі князь прызнаваўся вярхоўным гаспадаром усіх зямель, а значыць, і ўсялякай маёмасці, у тым ліку і зямель царкоўных, на тэрыторыі княства. Паколькі амаль усе царкоўныя пасады ў Вялікім княстве былі надзелены правам распараджэння царкоўнай маёмасцю, часта вельмі значнай, то на гэтай падставе пры замяшчэнні мітрапаліцкай і архірэйскіх кафедраў, а таксама настояцельскіх месцаў у манастырах і некаторых цэрквах патрабавалася, акрамя выбарнага, абавязковае зацвярджэнне на пасадзе вялікім князем, якое называлася "подаваннем".

З цягам часу, па меры бесперапыннага ўзнагароджвання літоўскімі гасударамі служылых людзей (князёў, зямлян і баяраў) зямельнымі надзеламі і пераходу ленаў у прыватную ўласнасць, новыя ўладальнікі здабывалі і права "подавання"

у адносінах да цэркваў і манастыроў, якія знаходзіліся на іх землях. Такое ж права набывалі яны і тады, калі засноўвалі ў сваіх маёнтках новыя манастыры ці цэрквы. Уладальнікі надзелаў маглі перадаваць гэта права іншым асобам праз дарэнне, продаж, залог, арэнду зямель. Такім чынам, права "подавання", якое першапачаткова прыналежала аднаму толькі вярхоўнаму гаспадару, паступова раздрабілася паміж агромнай колькасцю асоб. Цяпер вялікі князь выкарыстоўваў гэта права толькі ў адносінах да епіскапскіх кафедраў і тых манастыроў і цэркваў, якія знаходзіліся ці ва ўласных каралеўскіх уладаннях, ці на дзяржаўных землях.

Першапачаткова і самі літоўскія князі, і прыватныя асобы памяркоўна карысталіся правам "подавання" і таму яго ўплыў на ўзаемаадносіны царквы і грамадства быў амаль непрыметны. Болей усяго захаваў сваю сілу ранейшы парадак адносна замяшчэння вышэйшых іерархічных ступеняў у праваслаўнай царкве: мітрапаліты і епіскапы да пачатку XVI ст. выбіраліся па ранейшых звычаях, гаспадарскае ж права "подавання" праяўлялася толькі тым, што, па-першае, без княскага дазволу нельга было распачаць выбары, а па-другое, князю пакідалася зацвярджаць новаабранага. Хутчэй і лягчэй прывілася права "подавання" у прымяненні да ніжэйшых царкоўных пасадаў. Але і тут яно не адразу выцясніла традыцыйны парадак, а ўвайшло ў пэўнае з ім пагадненне.

У XV ст. значная частка знаці належала да праваслаўнага веравызнання. Сярод іх былі князі Астрожскія, Друцкія, Слуцкія, Пінскія, Мсціслаўскія і інш. Яны звычайна бывалі будаўнікамі і заснавальнікамі цэркваў і манастыроў у сваіх уладаннях, надзялялі іх зямлёй і іншымі крыніцамі пастаянных даходаў, утрымлівалі пры іх "шпіталі" для бедных, давалі забеспячэнне царкоўным прычтам, абаранялі цэрквы і духавенства ад крыўд. Гэтай клапаціласцю аб царкоўных патрэбах і інтарэсах апраўдвалася іх права "подавання". Здаралася, што магнаты выпрошвалі ў караля тую ці іншую царкву ці манастыр, якія знаходзіліся ў яго "подаванні", каб мець гэтыя цэрквы ў сваёй " апеке і абароне" і прывесці іх у лепшае добраўпарадкаванне.

Не абыходзілася і без злоўжыванняў правам "подавання". Найбольш ранняе сведчанне аб гэтых з'явах мы знаходзім у актах вядомага віленскага сабора 1509 г. "Некоторые в нашем законе, скардзіліся айцы сабора, презирая отеческое предание и заповеди, ради мирской славы и властительства, покупают себе, ёшчэ при жизни епископов, их кафедры и принимают эти кафедры без совета и согласия митрополии и епископов и без осмотра и избрания от князей и панов нашего греческого закона"¹. З гэтага тэксту бачна, які шлях для дасягнення іерархічных пасадаў лічыўся тады законным. Таксама набываліся часам, па сведчанні саборнага акта, і настаяцельскія месцы ў манастырах і свяшчэнніцкія на прыходах. Сабор з жалем адзначаў, што некаторыя праваслаўныя князі і паны, якія карысталіся ў сваіх уладаннях правам "подавання" свяшчэннікаў да прыходскіх цэркваў, самі потым і адбіралі гэтыя цэрквы ў свяшчэннікаў, без ведама епархіяльнага архірэя; іншыя па нядбайнасці доўга пакідалі ў сваіх уладаннях прыходскія цэрквы без святароў; іншыя загадвалі святарам свяшчэнна-дзеінічаць у іх цэрквах без благаславення архірэйскага; яшчэ некаторыя адбіралі ў цэркваў уладанні і розную царкоўную маёмасць. Але ў той час такія злоўжыванні прыватных асоб правам "подавання" былі рэдкімі і процізаконасць іх усведмлялася ўсімі. Вось чаму сабор мог энергічна ўзброіцца супраць такіх з'яў, пагражаючы вінаватым нават адлучэннем ад царквы за парушэнне старадаўніх парадакаў і правілаў.

Значна цяжэй было змагацца супраць пакупкі свяціцельскіх кафедраў і іншых духоўных пасадаў, таму што прадаўцом іх з'яўляўся сам "вярхоўны падаўца хлябоў духоўных", г.зн. кароль. Усё, што мог зрабіць сабор супраць гэтага злоўжывання, адлюстравалася ў наступным тлумачэнні: "никому не подкупаться под живыми епископами, архимандритами и священниками, если же кто дерзнет на такое дело, архимандрит ли, или игумен, или священник, или мирянин, то да будет на них церковное неблагословение и отлучение, и на епископство и на всякий священнический сан их отнюдь не поставляют, а ставят на эти степени только достойных; а за недостойного если и господарь будет

ходатайствовать, в таком случае всем нам епископам с митрополитом пойти к господарю и объявить недостойнство того недостойного, не дерзая отнюдь давать такому посвящение"².

Гаспадар, умяшання якога ў царкоўных справы айцы сабора так асцерагаліся, быў Жыгімонт I, вялікі князь літоўскі і адначасова кароль польскі. Ён быў верацярпімым гасударам, але амаль заўсёды жыў у Польшчы і міжвольна пераносіў тамашнія парадкі і паняцці на справы вялікакняжацкія. Як вядома, выбарчы пачатак быў заўсёды непрымальным для рымска-каталіцкай царквы, заснаванай на прынцыпе строгага адзінаўладдзя. Вядома таксама і тое, якімі шматлікімі былі розныя віды сіманіі, подкупаў і злоўжыванняў, якімі суправаджалася ў той час набыццё ад рымскага двара духоўных санаў, бенефіцыяў, пасвячэнняў, бул і іншых даброт. Польскія каралі, таксама як іншыя гасудары Еўропы, вялі ўпартую барацьбу супраць гэтых "искательств" і дабіліся таго, што ўзялі выключна ў свае рукі назначэнне духоўных саноўнікаў і раздачу царкоўнай маёмасці і бенефіцыяў. Разам з тым яны звярнулі ў даходы дзяржаўнай казны і ўсе грашовыя ўзносы, што раней атрымліваў рымскі двор за набыццё царкоўных пасадак. Жыгімонт I старанна аберагаў асабістае права вярхоўнага патрона каталіцкай царквы ў межах сваёй дзяржавы. Карыстаючыся неабмежаваным правам раздачы духоўных пасадак і бенефіцыяў служыцелям рымска-каталіцкай царквы, Жыгімонт быў схільны таксама шырока разумець і сваё права "подавання" у адносінах да праваслаўнай царквы ў Вялікім княстве Літоўскім. Тыя "подкупательства под живыми епископами, архимандритами и священниками", якія абурылі сабор, былі для Польшчы звычайнай з'явай: там можна было лёгка выклапатаць у караля грамату на папярэдняе атрыманне любой царкоўнай пасады з правам займаць яе, калі яна зробіцца свабоднаю. Відавочна, што па меры збліжэння Вялікага княства Літоўскага з Польшчай такія "искательства" сталі пранікаць і ў праваслаўную царкву, і як ні энергічна ўзбройвалася супраць іх у першы час праваслаўная іерархія, выпадкі пакупкі царкоўных пасадак не толькі не зніклі, але сталі хутка павялічвацца, дзякуючы пратэкцыі правячых колаў.

Права "подавання", якое з'яўлялася састаўной часткай патранатнага права, асабліва пашырылася ў XVI ст. Яно зацвердзілася ў дзяржаве, дзе ўрад быў неправаслаўны і праваслаўная царква не была пануючай. Праваслаўныя царкоўныя ўстановы, як і пасады, часта сталі пераходзіць да асоб іншага веравызнання. Таму з цягам часу гэта права набывае такія формы, што, як адзначаў І.Чыстовіч, яно "забруджваецца страшнымі злоўжываннямі і робіцца крыніцай шматлікіх бедстваў для заходнерускай царквы"³.

Аб'ектамі "подавання" былі цэрквы з іх маёмасцю і манастыры. Але ў далейшым крыніцамі "подавання" зрабіліся нават кафедры епіскапаў. Патроны і іх кліенты аднолькава называлі гэтыя крыніцы "хлебама духоўным".

Па асабліва сцях "падавання" манастыры і цэрквы падзяляліся на тры разрады, па прыналежнасці 1) мітрапаліту і епіскапам, 2) панам, 3) каралю.

Даравальнымі граматамі каралёў Аляксандра (1499 г.) і Жыгімонта I (1511 г.) пацвярджаецца права "подання" мітрапалітаў і епіскапаў на манастыры і цэрквы⁴. Мітрапаліты і епіскапы мелі права кіраваць і распараджацца маёмасцю тых манастыроў і цэркваў, якія былі ў іх распараджэнні, прызначаць і ставіць архімандрытаў, ігуменаў, святароў, дыяканаў і іншых асоб свяшчэнніцкага сану. Акрамя гэтага, ім дазвалялася "как духовных, так и светских судить и рядить, и всякие дела духовные справовать и благословлять, а непослушных и выступных встязать и карать, по их праву и уставам Соборной Восточной Церкви"⁵.

Права патранату набывалася праз царкоўнае стараства стварэннем цэркваў і манастыроў і забеспячэннем іх маёмасцю. Але потым яно атрымлівала статус уладання, якім патроны распараджаліся паводле свайго меркавання.

Названыя граматы каралёў Аляксандра і Жыгімонта I загадвалі, што "если бы ж которая церковь была в подании здавна державцы того имения, ино и теперь нехай тот державца подают, з благословением митрополым". Граматы зацвярджалі прававыя адносіны патронаў да цэркваў і манастыроў, якія знаходзіліся ў іх "подании". Такія манастыры і цэрквы поўнаасцю залежалі ад сваіх

патронаў, складаючы іх прыватную ўласнасць. Ад меркавання патрона залежала, хто будзе прызначаны святаром царквы, якая была пад яго апекай. Свяшчэннікі, якія атрымалі прыходы бенефіцыйным парадкам, глядзелі на іх, як на даходныя крыніцы. Яны імкнуліся атрымаць з іх як мага больш карысці і замацаваць у сваім родзе. З гэтай прычыны прыходы пераходзілі як бы ў спадчыну ад бацькі да сына і г.д.

Што датычыцца манастыроў, то ўсе справаздачы па іх кіраванню ігумен ці архімандрыт падавалі патрону. Нават выбар архімандрыта ці ігумена і манахаў амаль цалкам залежаў ад волі патрона, які мог закрыць свой манастыр і зноў адкрыць па сваім меркаванні і нават перадаць каму ён пажадае. Пры продажы ці перадачы вотчыны патранат над манастыром пераходзіў да новага ўладальніка. Злоўжываючы сваім правам, патроны перадавалі манастыры каму жадалі. І незаўсёды гэты выбар падаў на дастойных людзей. Настаяцелямі манастыроў, па волі патрона, маглі стаць як духоўныя, так і свецкія асобы.

Настаяцелі манастыроў, як і прыходскія свяшчэннікі, стараліся атрымаць як можна больш духоўных, гэта значыць даходных месцаў. Так, на віленскім сейме 1551 г. паны-рады Літоўскага княства прасілі, "абы каждая персона стану духовнаго как римскаго, яко и греческаго закону двух альбо трех костелов, т.е. хлебов духовных, не держали". Гасудар адказваў, што "тая речь принадлежит до ведома епископов, от которых и зависит установление добраго в этом порядка"¹.

Каралі аддавалі манастыры як духоўным, так і свецкім асобам "за службу господарскую" у пажыццёвае ўладанне. Уладальнік загадваў не толькі эканамічнымі справамі, але і духоўнымі, і меў пры гэтым у сваім кіраванні ўсіх духоўных асоб манастыра. Для духоўных спраў у манастыры свецкая асоба павінна была мець у ім чалавека духоўнага сану – вікарыя, які б ведаў Свяшчэннае Пісанне. Так, у 1562 г. кароль аддаў полацкі Прадцечанскі манастыр двараніну Баркулабу Корсаку "до его живота". "Маёт он тот монастырь держати со всеми церквами и с именными с селы и с людьми, здавна тому монастырю прислужающими, и со всеми пожитками, маючи у справе своей попов, черниц и чернцов и весь стан духовный"; "и маёт он в том монастыри от себе мети особу духовную, человека наученаго, который бы умел в делах духовных водле закону греческаго справоватися"².

У 1568 г. мітрапаліт Іона прасіў караля, "чтобы достоинства духовныя людем светским не были даваны, а кому бы светскому вряд духовный дано, а он далее в трех месяцах стану и вряду духовнаго на себе принять не хотел, у таковых абы епископы в своих епископиях, а архиепископы в своей архиепископии оныя достоинства и хлебы духовныя отбирали и людем духовным подавали". Кароль не дазволіў гэтага ні мітрапаліту, ні епіскапам, а загадаў даносіць аб такіх сабе: "а его королевская милость отдавати будет иным, кому ся годити"³. І тут, у гэтай справе, кароль па сваім меркаванні адных абавязваў уступаць у манаства, іншых вызваляў ад гэтага.

Злоўжыванні патронацкім правам, часткай якога было права "подавання", з цягам часу пашыраліся. Патронамі царкваў і манастыроў праваслаўных становіліся як духоўныя, так і свецкія асобы, і нават асобы іншага веравызнання. Выбар свяшчэннікаў і настояцеляў падаў на асоб, якія не мелі ніякага прызначання да духоўнага сану і ніякай адукацыі. Усе гэтыя злоўжыванні не маглі не адбіцца на аўтарытэце праваслаўнай царквы. Прэстыж яе да канца XVI ст. значна знізіўся. З аднаго боку, вінаватыя ў гэтым правячыя колы Вялікага княства Літоўскага, а з другога боку, – праваслаўнае духавенства, якое скарыстоўвала гэтыя злоўжыванні. Усе гэтыя абставіны, пэўна, і падштурхнулі праваслаўнае духавенства да ўніі з каталіцкай царквой, якая і была аформлена ў 1596 г.

¹ Цыт. па: Левицкий О. Предисловие // Архив Юго-Западной России. Киев, 1883. Т.6. Ч.1. С.35.

² Там жа. С.36.

³ Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. СПб., 1882. Ч.1. С.197.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т.1. №166. С.189–190; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т.2. №65. С.81–83.

⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.2. №65. С.82.

⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т.3. №11. С.29.

⁷ Там жа. №29. С.115.

⁸ Там жа. №43. С.144.

ПЕРАВОД МАНАСТЫРСКІХ СЯЛЯН У СКЛАД ДЗЯРЖАЎНЫХ НА БЕЛАРУСІ ў 30-х гг. XIX ст.

Манастырскае землеўладанне на тэрыторыі Беларусі складалася яшчэ ў часы Рэчы Паспалітай з падараванняў каралеўскай улады, магнатаў і вышэйшых службовых асоб¹. Утрыманне манастырскага персаналу, гаспадарча-ліхварскія аперацыі духавенства, іх памкненні павялічыць царкоўныя даходы ўсім цяжарам клаліся на плечы сялян. У сістэме іх эксплуатацыі пераважала адработачная рэнта, якая выяўляла ў другой палове XVIII ст. устойлівую тэндэнцыю да павелічэння². Ва ўмовах Расійскай імперыі лёс манастырскіх сялян залежаў як ад ходу рэалізацыі ўрадавай секулярызацыйнай праграмы, распачатай яшчэ Пятром I, так і асабліва ад палітычных узаемаадносін царызму з каталіцкай царквой у цэлым і з іх непасрэднымі ўладальнікамі – манастырамі – у прыватнасці.

У 60-х гг. XVIII ст. урад Кацярыны II адабраў у панаваўшай у Расійскай імперыі праваслаўнай царквы населеныя маёнткі. Лагічна было меркаваць, што на далучаных у 1772–1795 гг. тэрыторыях Беларусі будуць перададзены дзяржаве землі і прыгонныя не толькі праваслаўнай, але уніяцкай і асабліва рымска-каталіцкай царквы. Аднак тут канфіскацыя маёнткаў у духавенства абмежавалася тады агульнымі мерамі, што прымяняліся ў адносінах да прыватных уладальнікаў, якія засталіся за мяжой ці выступілі супраць новай улады. У наказе Кацярыны II губернатарам Пскоўскай і Магілёўскай губерняў ад 28 мая 1772 г. прадпісвалася: “Аб манастырах вы зробіце разгляд: 1) тыя манахі, якія нам не жадаюць прысягаць, а за граніцу пойдучы, пакідаючы манастыры пустымі, тых манастыроў вёскі загадайце ўзяць у казённае кіраванне; 2) тое ж зробіце з вёскамі тых манастыроў, якія за граніцай; 3) іншых пакіньце пры кіраванні іх маёнткамі да далейшага аб гэтым устанавленні”³. У адносінах апошніх царскі ўрад прымаў меры да “захавання цэласці”, імкнучыся не дапусціць як продажу, так і новага набыцця маёнткаў царквой. Так, 27 лютага 1819 г. спецыяльным указам духавенства папярэджвалася, што ўсе акты набыцця манастырамі і царквамі маёнткаў без “Высочайшаго соизволения” афармляцца не будуць⁴.

Пералом у адносінах царызму да царкоўнай маёмасці ў заходніх губернях стаў наступачы пасля нацыянальна-вызваленчага паўстання 1830–1831 гг. у рамках крокаў, якія рабіў Камітэт па справах заходніх губерняў да палітычнага супакоення краю. Адным з важнейшых напрамкаў урадавай палітыкі стала барацьба супраць уплыву каталіцкай царквы, што змыкалася са шляхецкай апазіцыяй. Урад ішоў па лініі змяншэння колькасці каталіцкага духавенства і падрыву яго эканамічнай базы. Ліквідацыя царквы як буйнога феодала-уласніка ставіла яе ў большую залежнасць ад дзяржаўнай улады. “Ва ўсіх краінах, дзе каталіцкае духавенства пазбавілася велізарных сваіх маёнткаў, – пісаў Мікалаю I віленскі генерал-губернатар Ф.Я.Мірковіч, – яно разам з тым траціла палітычнае значэнне і ўплыў на грамадства”⁵. На Беларусі ўрад яшчэ разлічваў, што перавод царкоўных сялян у казну пазбавіць іх ад рэлігійнага уплыву каталіцкага духавенства, забяспечыць паступовы пераход у праваслаўе і тым самым узмацніць палітычныя пазіцыі царызму ў краі.

Пры практычным ажыццяўленні гэтага курсу ўрад аб’ектыўна дзейнічаў у духу палітычнай запіскі магілёўскага губернатара М.М.Мураўёва: “з вялікай асцярожнасцю”, “спачатку быццам бы часова пазбавіўшы багацейшыя манастыры і кляштары нерухомых маёнткаў, калі ж з цягам часу з гэтай думкай звыкнуцца, то рашуча адабраць наогул усе духоўныя маёнткі”⁶.

4 Кастрычніка 1832 г. выйшла сакрэтнае распараджэнне міністра ўнутраных спраў Дз.М.Блудова да беларускага і літоўскага генерал-губернатараў скласці ведамасці аб усіх фондушавых сялянах, што належалі каталіцкаму духавенству, “без ніякай агалоскі”. Пры V Addззяленні Імператарскай канцэлярыі (“штабе па сялянскай частцы”) пад старшынствам яго начальніка, будучага міністра дзяржаўных маёмасцей П.Дз.Кісялева, былі створаны камітэты па адабранні ў каталіцкага духавенства населеных маёнткаў і ўладкаванні ў заходнім краі быту праваслаўнага духавенства⁸. Да канца 30-х гг. яны сабралі “сакрэтна, без абвяшчэння

намераў“, падрабязныя апісанні духоўных маёнткаў па ўсіх губернях. Гэтыя падрыхтоўчыя матэрыялы, дастаўленыя чынамі земскай паліцыі, выявілі цяжкае становішча сялян царкоўных маёнткаў, дзе захоўваліся традыцыі жорсткай эксплуатацыі.

Яшчэ ў 1821 г. урадженец Віленскай губерні Ю.Янушэвіч, які працаваў настаўнікам у дваранскіх дамах Беларусі і Літвы, пасля беспаспяховых спробаў трапіць на прыём да цара, выклаў міністру ўнутраных спраў наступнае: “Духавенства, якое павінна было б падаць прыклад набожнасці, дабрачыннасці і чалавекалюбства ў польскіх губернях зусім насупраць гэтаму, можна сказаць, што алтары іх паліты крывёю і слязьмі сялян, што ў залежнасці ад іх знаходзяцца. Амаль няма няшчасней селяніна, як належачага духавенству”. Адзначаючы, што асноўная частка даходаў паступае ў распараджэнне вышэйшага духавенства, у той час як маса святароў жыве ў бядоце, ён прапаноўваў адабраць маёнткі ў царквы і прызначыць духавенству дзяржаўнае жалаванне⁹. Згодна данясенню чыноўнікаў, што абследавалі вялікі (1332 мужчынскага і 1027 жаночага полу душ) маёнтак ліквідаванага за дапамогу паўстанцкім атрадам Картуз-Бярозскага манастыра, “сяляне... знаходзяцца ў вельмі пасрэдным і большай часткай у кепскім становішчы; многія з іх не маюць ні коней, ні валоў”¹⁰. У ананімным лісце, прадстаўленым 15 ліпеня 1834 г. Мікалаю I, адзначалася: “многія і вельмі многія рымскія папы маюць у сябе прыгонных праваслаўнага веравызнання сялян і абыходзяцца з імі, як інквізітары з ератыкамі”¹¹. Мясцовая адміністрацыя атрымлівала даносы на злоўжыванні ксяндзоў ад духоўных асоб праваслаўнай царквы, незадаволеных эканамічнай і палітычнай перавагай каталіцызму ў краі.

Зразумела, царызм не пакінуў без увагі спачуванне і падтрымку рымска-каталіцкімі манастырамі паўстанцкіх дзеянняў. У дакладзе Камітэта па справах заходніх губерняў ад 28 лістапада 1831 г. ухваленым Мікалаем I “для паступовага выканання”, прапаноўвалася зменшыць іх колькасць на Беларусі і пакінуць толькі ў гарадах і некаторых мястэчках, а маёнткі наогул ва ўсіх манастыроў адабраць, замяніўшы іх штогадовымі грашовымі выплатамі¹².

19 ліпеня 1832 г. выйшаў указ аб ліквідацыі некамплектных (што не мелі поўнага складу манахаў) рымска-каталіцкіх манастыроў і перадачы іх маёнткаў у склад казённых¹³. Цікава, што ў папярэдніх намётках указа меркавалася гэтыя маёнткі перадаць у агульную масу каталіцкіх, але пасля, пад уплывам думкі, што ў такім выпадку “уряд не дасягне галоўнай сваёй мэты”, было вырашана перадаць епархіяльнаму начальству толькі капіталы скасаваных манастыроў, а маёнткі з прыгоннымі сялянамі – у казну¹⁴.

Закрыццё манастыроў, што праходзіла пад непасрэдным наглядом Мікалая I, было ажыццёўлена ў верасні 1832 г., а ў хуткім часе складзены вопісы іх маёмасці¹⁵. Па Віленскай губерні было ліквідавана 40 манастыроў і паступіла ў казённае ведамства 2270 мужчынскага полу душ, па Віцебскай адпаведна 8 і 1509, па Гродзенскай – 31 і 2066, Мінскай – 21 і 2151, Магілёўскай – 21 і 2848. У 1837 г. па Віцебскай губерні дапаўняльна секулярызавалі ў казну 4 маёнткі (2347 рэвізскіх душ), што належалі манахіям-бернардынкам і магілёўскай семінарыі¹⁶.

У складзе дзяржаўных паманастырскія маёнткі (так іх сталі называць) паступілі ў распараджэнне Дэпартаменту дзяржаўных маёмасцей Міністэрства фінансаў, а на месцах, у губернях, – казённых палат. Урад, імкнучыся да павышэння казённых даходаў з гэтых маёнткаў, стараўся прымусіць арандатараў аказваць сялянам дапамогу і зрабіў шэраг распараджэнняў для аблегчэння іх становішча. Так, па маёнтку Шклоўскага манастыра Міністэрства фінансаў дазволіла выдаць у пазыку сялянам хлеб з эканамічных запасаў. Ён пакідаў на аброку невялікія маёнткі, дазволіўшы сялянам кароткачасовыя адлучкі на заробаткі. Дэпартамент дзяржаўных маёмасцей прадпісаў віцебскай і гродзенскай казённым палатам надзяляць дадаткова сялян зямлёй, расчышчанай з-пад лясных зараснікаў¹⁷.

Для кіравання паманастырскімі маёнткамі часова прызначаліся адміністратары, але, паводле прызнання надворнага саветніка Архіпава, камандзіраванага Міністэрствам фінансаў у Гродзенскую губерню, “казённая палата, нават пры самым строгім наглядае, не ў стане адхіліць злоўжыванні, якія там могуць

быць". Ён даносіў 9 сакавіка 1833 г., "што дваранін Косця, прызначаны адміністратарам у фальварак Квацеры, без дазволу казённой палаты прадае таемна розны хлеб і авечую воўну і ўтрымлівае за кошт таго маёнтка вялікую колькасць людзей, што складаюць уласных яго слуг"¹⁸.

Віленскі генерал-губернатар М.А.Далгарукаў прапаноўваў адразу ж адмяніць арэндную сістэму і перавесці паманастырскіх сялян на аброчнае становішча, каб "сяляне, якія заставаліся ў распараджэнні ўладальнікаў духоўнага звання", адчулі "невыгоднасць свайго становішча ў параўнанні з першымі"¹⁹. Міністэрства ж фінансаў, спасылаючыся на нязначнасць, раздробленасць і раскіданасць паманастырскіх маёнткаў, адмовілася ад люстрацыі (апісанне маёнткаў з вызначэннем сялянскіх надзелаў і павіннасцей) і, пакінуўшы павіннасці сялян на вырашэнне губернатара, аддавала іх з 1833 г. у кароткатэрміновую арэнду. Улічаныя даходы прызначаліся на ўтрыманне прытулкаў, вучылішчаў і духавенства скасаваных манастыроў. 15 Верасня 1838 г. ужо Міністэрства дзяржмаёмасцей распарадзілася аддаваць паманастырскія вёскі ў 12-гадовае арэнднае трыманне з умовай правядзення люстрацыі ў рамках агульнай рэформы дзяржаўных маёнткаў²⁰.

Царскі ўрад паступова рыхтаваў зліццё уніяцкай царквы з праваслаўнай, што было завершана Полацкім царкоўным саборам 1839 г. У 1828 і 1835 гг. быў закрыт шэраг манастыроў уніяцкага ордэна базільянаў, але маёнткі іх, што належалі арэндаванню на ўзор казёных, прыпісваліся да ўніяцкіх прыходскіх цэркваў²¹. Урад праяўляў крайнюю асцярожнасць і пакідаў на некаторы час уніяцкаму духавенству маёнткі. Толькі ў 1833 і 1834 гг., калі ў Віцебскай і Магілёўскай губернях узніклі хваляванні на рэлігійнай глебе, былі адабраны ў рымска-каталіцкага і уніяцкага духавенства пяць маёнткаў і ўстаноўлена казёнае кіраванне яшчэ адным у сувязі з пераводам сялян у праваслаўе. Паўніяцкія вёскі, дзе па восьмай рэвізіі (1834 г.) лічыліся 2894 мужчынскага полу душы, аддаваліся ў арэнду, а з 1838 г. праводзілася іх люстрацыя паводле правіл, устаноўленых для маёнткаў, канфіскаваных у паўстанцаў 1830–1831 гг.²²

Манастырскія сяляне спакойна, з надзеяй на паляпшэнне свайго прававога і маёмаснага стану, пераходзілі ў распараджэнне дзяржавы. Незадавальненне і пратэст выклікалі толькі злоўжыванні старой і новай адміністрацыі і кабальная арэндная сістэма эксплуатацыі казёнай вёскі, што прымянялася на Беларусі да сярэдзіны 40-х гг. XIX ст. Так, летам 1833 г. бунтавалі сяляне, належаўшыя раней чавускаму кармеліцкаму манастыру, што ў Магілёўскай губерні. Яны выступілі супраць перадачы маёнтка ва ўпраўленне памешчыка Сіпайлы, адмовіліся яму падпарадкоўвацца і не выйшлі на работу. Засядацель чавускага суда дакладваў губернатару, што сяляне "робяць змову, каб адміністратару не падпарадкоўвацца і тым пазбавіцца ад яго і ад арэнды, яны хочуць, каб іх пасадылі на плату і таму адмовіліся прынесці прысягу арандатару". Завадатарам выступлення быў сялянін вёскі Любань Сямён Паўлаў²³.

Перавод на аброк меў важнае значэнне для сялян. Яго, да прыкладу, упарта дабіваліся манастырскія прыгонныя маёнтка Свіраны Віленскага павета, уладання віленскіх базільянаў. Большая частка сялян тут адбывала цяжкія паншчынныя павіннасці, меншая была на аброку. Каб не правакаваць незадавальненне большасці, настаяцель манастыра ў 1835 г. загадаў перавесці ўсіх аброчнікаў на паншчыну, чым выклікаў адкрытае выступленне сялян супраць дваровай адміністрацыі і падтрымаўшаў яе мясцовай улады. У чэрвені 1835 г. многія сяляне маёнтка з'явіліся ў Вільню да губернатара, аднак сілай былі адпраўлены на месца жыхарства. Тым не менш яны ўсё лета працягвалі адмаўляцца ад выканання паншчыны. У жніўні земская паліцыя паспрабавала арыштаваць завадатараў, але сяляне, узброіўшыся сякерамі і палкамі, аказалі ёй актыўнае супраціўленне. Тады губернскае праўленне запатрабавала ўвесці ў маёнтка вайсковую каманду. У 1836–1837 гг. хваляванні тут аднавіліся з новай сілай²⁴. Але не заўсёды ўмовы пераходу на аброк, дзе гэта аказалася магчымым, задавальнялі сялян, аб чым сведчаць хваляванні ў 1834 г. сялян маёнтка Пlosкае, належаўшых магілёўскім місіянерам. Вымушаць іх да грашовага чыншу прыходзілася з дапамогай салдат²⁵. Перавод дзяржаўных сялян з пан-

шчыны на аброчнае становішча ("на плату") ажыццявіўся на Беларусі толькі ў другой палове 40-х—пачатку 50-х гг.

У 40-х гг. XIX ст., пасля таго, як царскі ўрад адмяніў дзеянне Статута Вялікага княства Літоўскага і распаўсюдзіў на заходнія губерні агульнаімперскае заканадаўства, была праведзена секулярызацыя ўсіх астатніх царкоўных маёнткаў.

¹ Гл.: Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795). Мн., 1971. С. 116, 146.

² Гл.: Ён жа // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Сб. 8. С. 152 і наст.

³ Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1961. Т. 3. С. 27.

⁴ Архіў бібліятэкі імя Ф. Скарыны ў Лондане. Манастыры Мінскай епархіі. № 8.

⁵ Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 429.

⁶ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вильна, 1887. (Вып. 2. С. 306.

⁷ Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы ў Вільні. Ф. 378, 1832 г., спр. 2279, арк. 1.

⁸ Лебедев Н. А. // Русская старина. 1880. № 11. С. 630.

⁹ Расійскі дзяржаўны ваенна-гістарычны архіў у Маскве. Ф. ВУА, спр. 761, арк. 20–21.

¹⁰ Нацыянальны гістарычны архіў (далей НГА) Беларусі ў Гродне. Ф. 31, воп. 2, спр. 11, арк. 7–9, 62–63.

¹¹ Русская старина. 1897. № 11. С. 384.

¹² Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1979. Т. 4. С. 102.

¹³ Гл.: Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 7. № 5506.

¹⁴ Зинченко А. Л. // Исторические записки. М., 1985. С. 103–104.

¹⁵ Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1896. Вып. 8. С. 48.

¹⁶ Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў у С. Пецярбургу (далей РДГА). Ф. 379, воп. 3, спр. 1395, арк. 61–76; спр. 1403, арк. 69–76; спр. 1415, арк. 68–85; спр. 1420, арк. 3–4; спр. 1424, арк. 88–102; Ф. 384, воп. 1, спр. 7, арк. 21–22.

¹⁷ Там жа. Ф. 379, воп. 3, спр. 1403, арк. 84–85; спр. 1424, арк. 43–54; Ф. 384, воп. 1, спр. 7, арк. 74–75.

¹⁸ Там жа. Ф. 379, воп. 3, спр. 1415, арк. 21, 48–49.

¹⁹ Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. 1864. Кн. 1. Отд. 5. С. 196.

²⁰ РДГА. Ф. 384, воп. 1, спр. 888, 890, 923; НГА Беларусі ў Гродне. Ф. 31, воп. 2, спр. 47.

²¹ Русская старина. 1870. Кн. 1. С. 533–534, 548–549; Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. С. 122.

²² Общее обозрение состояния государственных имуществ по губерниям, подведомственным второму департаменту. СПб., 1841. С. 4.

²³ Чепко В. В. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX в. Мн., 1972. С. 169.

²⁴ Неупокоев В. И. // Ученые записки Вильнюсского государственного университета. Сер. обществ. наук. Вильнюс, 1954. Т. 1. С. 131.

²⁵ НГА Беларусі ў Мінску. Ф. 1430, воп. 1, спр. 4619 (факт прадастаўлены А. Ф. Самусікам).

И. А. ЛИТВИНОВСКИЙ

УКРЕПЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

В перспективном плане народного хозяйства и культурного строительства в БССР на 1928/29–1932/33 гг. представлена программа строительства и расширения районных, фабрично-заводских, коммунальных и сельских электростанций.

Строительство значительного числа крупных станций развернулось уже с самого начала пятилетки. Большинство из них были теплоэлектроцентралями промышленного типа, предназначенными для обеспечения потребителей не только электрической, но и тепловой энергией. В 1929/30 г. в эксплуатацию были введены две промышленные станции – в Борисове, при спичечной фабрике "Красная Березина", и в Бобруйске, при лесокомбинате. В 1931 г. была пущена новая ТЭЦ при Добрушской бумажной фабрике, а в 1932 г. – ТЭЦ Могилевской фабрики искусственного волокна. В конце пятилетки началось строительство мощной тепловой электростанции в Минске и крупной электроцентрали в Кричеве.

За годы первой пятилетки качественные изменения в производстве электроэнергии выразились в концентрации мощностей на важнейших предприятиях. Это привело к тому, что на конец 1932 г. 80% мощностей всех станций было сосредоточено на 9 крупных для Белорусской ССР (свыше 1000 кВт) энергообъектах, в то время как к началу пятилетки суммарная мощность таких станций составляла около 35%¹.

Строительство крупных электростанций вызвало переход к установке взамен мелких агрегатов (турбин до 500 кВт, дизелей и паровых машин) турбогенераторов мощностью до 10 000 кВт. Процент турбогенераторных установок в общей мощности электростанций БССР поднялся с 42,8 в 1927/28 г. до 84,8 в конце пятилетки².

Рост удельного веса крупных электростанций в электробалансе республики способствовал повышению надежности электрообеспечения народного хозяйства и значительному снижению себестоимости электрической энергии.

По темпам белорусская электроэнергетика несколько превосходила развитие промышленности республики в целом. Если за годы первого пятилетия валовая продукция белорусской промышленности возросла в четыре раза, то валовая продукция электростанций – более чем в четыре с половиной раза³. Однако их возможности все еще значительно отставали от возрастающих запросов промышленности, коммунального хозяйства и сельских потребителей.

Недостатки и трудности в работе и строительстве электрических станций были проанализированы в постановлении Экономического совещания БССР от 3 мая 1932 г. В нем отмечались медленные темпы строительства Минской ТЭЦ, ряда промышленных станций и намечались меры по улучшению электрохозяйства. В частности, обеспечение строек недостающими материалами и оборудованием, выделение дополнительных финансовых средств. Для обеспечения кадрами как строящихся, так и действующих электростанций требовалось большое количество рабочих и специалистов высшей и средней квалификации. В связи с этим ЭКОСО постановило максимально укомплектовать учебные заведения, готовящие кадры специалистов-энергетиков, а также организовать краткосрочные курсы для повышения квалификации специалистов и рабочих-производственников⁴.

Энергетическая база, созданная в БССР в годы первой пятилетки, была призвана обеспечить крупные реконструкционные сдвиги в промышленности и высокие темпы индустриализации. Освоение новых энергетических мощностей и дальнейшее их расширение обеспечивало успешное завершение технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства. Огромное значение для прогресса народного хозяйства республики приобретало завершение строительства Минской ТЭЦ, второй очереди БелГРЭС и других крупных станций БССР.

Разработка проектов строительства Минской ТЭЦ началась еще в 1930 г. с учетом перспектив развития промышленности белорусской столицы. Для обеспечения будущей станции топливом намечалось с 1931 г. широко развернуть торфоразработки на Судобольских массивах в 50 километрах от Минска⁵.

В течение 1932 г. на строительстве ТЭЦ велись земляные работы, возводилось здание насосной станции и жилье для строителей и эксплуатационников будущей станции. В течение же 1933 г. предстояло выполнить основную массу работ: вывести главный корпус электростанции, построить сложные гидротехнические сооружения, смонтировать оборудование.

К концу 1934 г. строительство первой очереди Минской теплоэлектроцентрали было закончено, а 12 марта состоялся ее торжественный пуск.

Сооружение Минской ТЭЦ явилось серьезным вкладом в электрификацию БССР. Ввод в эксплуатацию новой мощной станции значительно ослабил напряженность городского электробаланса, ее энергию получил ряд крупных предприятий столицы республики.

Расширялась энергетическая база промышленности и других городов Белоруссии. После установки нового оборудования, изготовленного по заказу гомельских энергетиков ленинградскими машиностроителями и электриками, мощность городской ЦЭС в 1934 г. достигла 8000 кВт⁶. В строй действующих вступила первая очередь электроцентрали Кричевского цементного завода, а Белорусская ГРЭС и ТЭЦ Могилевской фабрики искусственного волокна с конца того же года начали отпускать энергию в единую систему линий электропередач. На Белорусской ГРЭС с 1933 г. развернулись работы по реконструкции ее первой очереди

параллельно со строительством второй очереди. Предполагалось установить четыре новых турбогенератора, что позволяло довести общую мощность БелГРЭС до 92 000 кВт⁷.

В 1934 г. началось строительство здания для размещения агрегатов второй очереди станции. Окончание его постройки и монтаж оборудования были запланированы на 1936 г., но из-за нехватки строительных и электротехнических материалов, а также финансовых затруднений строительство второй очереди завершилось только в 1940 г.

За годы второй пятилетки улучшилось снабжение электрической энергией предприятий и населения как больших, так и малых городов Белоруссии, одним из которых является Слуцк.

В докладе председателя Совнаркома Н.М.Голодеда на XI съезде Советов Белоруссии строительство Слуцкой электростанции было названо в числе наиболее важных объектов электрификации. Ввод в действие в 1936 г. новой электростанции мощностью 1000 кВт (до этого в Слуцке работала дизельная электростанция мощностью 150 кВт) позволил обеспечить электрическим освещением жилые дома, улучшить электроснабжение предприятий и коммунального хозяйства города⁸.

В 1935 г. началось строительство крупной электростанции в Мозыре, были введены в строй Дзержинская электростанция и станция в г.Дрисса, сооружались станции в Речице, Красной Слободе, Наровле, Черикове⁹.

В апреле 1934 г. Совнарком БССР принял постановление о развитии мелкого гидростроительства в Белоруссии, для осуществления которого при Белводхозе создавался Гидроэнергетический отдел. В его задачи входило проектирование и строительство гидростанций, техническая и организационная помощь колхозам и совхозам при постройке ими малых гидроэлектростанций, а также составление планов гидростроительства в республике и систематическое изучение энергоресурсов.

Гидроэнергетическим отделом Белводхоза уже в первый год его существования были созданы проекты первых в Белоруссии малых гидростанций: Городокской, Мстиславльской, Чаусской и Костюковичской¹⁰.

В годы третьей пятилетки планировалось поднять электрификацию республики до такого уровня, чтобы полностью обеспечить постоянно возрастающие потребности народного хозяйства в электроэнергии. К концу 1942 г. наличные мощности электрических станций планировалось увеличить более чем в два раза. Для ликвидации отставания в развитии электрификации Полесской области планировалось построить здесь крупную ГРЭС на 24 тыс. кВт или же несколько мелких теплоэлектроцентралей такой же суммарной мощности. Намечалось строительство районной электростанции в Могилеве, расширение Минской ТЭЦ-2, Бобруйской, Слуцкой и Полоцкой электростанций, строительство 30 крупных электростанций в районных центрах. Дальнейшее развитие получало местное гидростроительство на основе электростанций колхозного и межколхозного значения¹¹.

Ускоренные темпы развития электрохозяйства позволили увеличить мощность электростанций республики к концу 1940 г. до 128,8 тыс.кВт, а количество вырабатываемой ими электроэнергии составило 508,4 млн кВт·ч¹².

Проблемы дальнейшего развития электрификации Белоруссии обсуждались в мае 1940 г. на заседании Народного комиссариата электростанций СССР, который подтвердил обоснованность выдвигаемых правительственными органами республики планов строительства районных электростанций на базе Василевичского и Смолевичского торфомассивов, двух теплоэлектроцентралей в Витебске и Могилеве, а также проекта расширения Бобруйской электростанции. Наркомат электростанций вынес решение о выборе площадки для Василевичской ГРЭС¹³.

Несмотря на весомые успехи, достигнутые к 1940 г., в энергетике Белоруссии имелся еще ряд нерешенных задач. В республике действовала только одна районная электростанция — Белорусская ГРЭС. Относительно велик был удельный вес местных коммунальных и промышленных станций, недостаточно мощных и экономичных. В очень незначительной степени использовались гидро-

энергоресурсы. К началу 1941 г. в Белоруссии работало 32 гидростанции суммарной мощностью 1400 кВт¹⁴. Это были небольшие предприятия, построенные преимущественно в сельской местности, энергия которых использовалась для освещения общественных построек, домов колхозников и электрификации трудоемких процессов производства. По потреблению электрической энергии на душу населения республика еще значительно отставала от среднесоюзного уровня.

¹ См.: Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства БССР. Мн., 1933. С.31.

² Там же.

³ Там же. С.38, 107.

⁴ ГА Гомельской области. Ф.296, оп.1, д.237, л.92–94.

⁵ Рабочий. 1930. 18 июля.

⁶ См.: Матэрыялы к дакладу ўрада БССР XI з'езду Саветаў. Мн., 1935. С.48.

⁷ См.: Звязда. 1930. 29 кастр.

⁸ НА РБ. Ф.700, оп.2, д.81, л.167.

⁹ НА РБ. Ф.69, оп.3, д.50, л.7, 10; Матэрыялы к дакладу ўрада БССР XI з'езду Саветаў. С.48.

¹⁰ Сацыялістычнае будаўніцтва. 1935. №1–2. С.44.

¹¹ См.: Основные итоги развития народного хозяйства БССР за 2-ю пятилетку и наметки на 3-е пятилетие. Мн., 1939. С.23–24.

¹² См.: Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет. Мн., 1957. С.99–100.

¹³ См.: Советская Белоруссия. 1940. 16 мая.

¹⁴ См.: Гидроэнергетические ресурсы Белоруссии. Мн., 1957. С.138.

А.І.КОТАЎ

АДНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ АГУЛЬНААДУКАЦЫЙНАЙ ШКОЛЫ Ў ПАСЛЯВАЕННАЙ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСЦЫ (1944–1960)

Вырашэнне задач пасляваеннага адраджэння Беларусі патрабавала павышэння ўзроўню духоўнай культуры людзей, іх свядомасці і стваральнай працоўнай актыўнасці. У сувязі з гэтым важнейшае значэнне набывала дзейнасць агульнаадукацыйнай школы ў вёсцы, жыхары якой складалі ў 1940–1959 г. абсалютную большасць насельніцтва рэспублікі (79–69%)¹.

Аднаўленне работы школ у рэспубліцы пачалося ўжо восенню 1943 г. Па стану на 15 лістапада заняткі вяліся ў 259 школах вызваленых раёнаў Віцебскай, Гомельскай, Магілёўскай і Палескай абласцей².

У ліпені 1944 г. уся тэрыторыя Беларусі была вызвалена ад акупантаў. І ўжо 3 жніўня 1944 г. ЦК ВКП(б) прыняў пастанову "Аб бліжэйшых задачах партыйных арганізацый КП(б) Беларусі ў галіне масава-палітычнай і культурна-асветніцкай работы сярод насельніцтва", у якой абавязаў СНК БССР і ЦК КП(б)Б аднавіць у вызваленых раёнах да пачатку 1944/45 навучальнага года сетку пачатковых сямігадовых і сярэдніх школ, ахапіць навучаннем усіх дзяцей школьнага ўзросту.

Аднак гэта задача ў ваенных умовах не магла быць вырашана ў поўным аб'ёме: асноўныя сродкі і намаганні народа накіроўваліся на барацьбу з фашысцкай Германіяй. У 1944/45 навучальным годзе ў рэспубліцы ўдалося адчыніць 1146 пачатковых, 267 няпоўных сярэдніх і 45 сярэдніх школ, у якіх прыступілі да вучобы 1200 тыс. вучняў (супраць 1691 тыс. у 1940/41 навучальным годзе)³. У асабліва цяжкім стане знаходзілася сельская школа: не хапала педагогічных кадраў, школьных памяшканняў, падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў.

Адразу пасля заканчэння вайны пачалося паскоранае вырашэнне шэрагу карэктных праблем дзейнасці школ, падрыхтоўкі настаўніцкіх кадраў для вёскі, удасканалення вучэбна-выхаваўчай работы. Напрыклад, у маі 1945 г. было зацверджана Палажэнне аб узнагароджанні выпускнікоў сярэдніх школ залатым і сярэбраным медалямі, цераз некалькі месяцаў публікуюцца пастановы аб завочным абучэнні настаўнікаў і г.д. Найбольш поўна задачы развіцця агульнаадукацыйнай школы рэспублікі вызначыў Закон аб чацвёртым пяцігадовым плане (на 1946–1950 гг.). Ставілася задача давесці колькасць пачатковых сямігадовых і сярэдніх школ у сельскай мясцовасці БССР да 10839⁴.

Нягледзячы на эканамічныя цяжасці, расходы на асвету ў 1950 г. павялічваліся ў параўнанні з 1946 г. больш чым ў 1,7 раза. А паколькі ў сельскай мясцовасці знаходзілася 94% школ і 71% школьнікаў, то, натуральна, большая частка асігнаванняў прызначалася гэтым школам. У далейшым асігнаванні на асвету штогод павялічваліся і ў 1960 г. склалі 2918981 тыс.руб., або на 82,1% больш, чым у 1950 г.⁵

Аднак, хаця дзяржаасігнаванні былі значнымі і пастаянна ўзрасталі, усё ж асноўны ўклад у школьнае будаўніцтва ў самыя першыя пасляваенныя гады ўносілі самі сельскія жыхары, працоўныя калектывы калгасаў, саўгасаў і МТС. Яны аднаўлялі, рамантавалі і ўзводзілі новыя школьныя збудаванні, нарыхтоўвалі паліва, выдзялялі прадукты харчавання навучэнцам, у першую чаргу дзецям-сіратам. На працягу 1946–1950 гг. толькі на сродкі калгасаў было ўзведзена 2764 школы на 2333 тыс. вучнёўскіх месцаў, у той час як на дзяржаўныя – адпаведна 205 школ і 62,5 тыс.месцаў⁶. Гарадскія прадпрыемствы і арганізацыі-шэфы, воінскія часці дапамагалі сялянам набываць будматэрыялы, выдзялялі транспарт, удзельнічалі ў суботніках і нядзельніках па будаўніцтву школ і іншых ачагоў культуры ў вёсцы.

Істотную дапамогу ў будаўніцтве і арганізацыі работы школ на Беларусі ў гэты перыяд аказвалі народы ўсіх рэспублік Савецкага Саюза і ў першую чаргу Расійскай Федэрацыі. Толькі ў 1945 г. Міністэрства асветы РСФСР выдзеліла беларускім школам 1,2 млн падручнікаў, 3 млн шыйткаў, вучэбных дапаможнікаў і абсталявання на суму 5 млрд руб.

У выніку настойлівых намаганняў дырэктывных органаў, калектываў настаўнікаў, шырокай дапамозе насельніцтва школьная сетка ў рэспубліцы хутка аднаўлялася, павышалася якасць вучэбна-выхаваўчай работы. Важнае значэнне ў гэтым меў пераход да ўсеагульнага 7-гадовага навучання. З восені 1949 г. абавязковае навучанне ў аб'ёме 7 класаў, ужо завершанае ў асноўным у гарадах рэспублікі, было ўведзена і ў сельскай мясцовасці. У пачатку 1950/51 навучальнага года тут працавала 2761 сямігадовая школа (супраць 1517 у пачатку пяцігодкі). Колькасць навучэнцаў у іх павялічылася з 337 да 589 тыс. чалавек. Асабліва ўвага ўдзялялася развіццю школ у заходніх абласцях Беларусі. Калі ў сярэднім па рэспубліцы за пяцігоддзе колькасць сямігадовых школ павялічылася на 177,6%, то ў заходніх абласцях – на 223,6%. Вялікая работа праводзілася па ліквідацыі непісьменнасці і малапісьменнасці дарослага насельніцтва заходніх абласцей. Паўсюдна адкрываліся пункты і групы лікбезу, навучаннем непісьменных займаліся не толькі настаўнікі, але і спецыялісты прамысловасці і сельскай гаспадаркі, служачыя і ваеннаслужачыя, старшакласнікі. Да канца пяцігодкі непісьменнасць дарослага насельніцтва ў гэтых абласцях была ў асноўным ліквідавана.

На пачатак 1950/51 навучальнага года ў сельскай мясцовасці дзейнічала 11167 агульнаадукацыйных школ, у якіх навучалася 1172 тыс.чалавек⁷. Акрамя таго, вялікую ролю ў павышэнні агульнаадукацыйнага ўзроўню жыхароў вёскі без адрыву ад вытворчасці адыгралі школы сялянскай моладзі.

Работа па расшырэнні сеткі школ у вёсцы, умацаванні іх матэрыяльна-тэхнічнай базы працягвалася ў гады V і VI пяцігодак. З сярэдзіны 50-х гг. пачалі стварацца школы новага тыпу – школы-інтэрнаты, а таксама групы падоўжанага дня. У 1960/61 навучальным годзе ў сельскай мясцовасці Беларусі працавалі 10672 агульнаадукацыйныя школы з 842 тыс. навучэнцаў⁸.

Бострай праблемай пасляваеннага часу было забеспячэнне школ кадрамі кваліфікаваных работнікаў. З-за іх недахопу да выкладання запрашаліся дэмабілізаваныя і рээвакуіраваныя настаўнікі, і нават усе, хто праяўляў схільнасць да педагагічнай работы.

Ужо ў 1944 г. спачатку ў Мазыры, а затым ва ўсіх абласцях рэспублікі адкрыліся настаўніцкія інстытуты. Хутка аднавілі работу Мінскі, Гомельскі, Гродзенскі, Віцебскі, Магілёўскі педінстытуты⁹.

Ажыццяўленне абавязковай сямігадовай і пераход да агульнай сярэдняй адукацыі, увядзенне палітэхнізацыі выклікалі патрэбу ў высокакваліфікаваных педагагічных кадрах. У сувязі з гэтым ствараюцца новыя педінстытуты, у тым

ліку Мінскі педінстытут замежных моў, Брэсцкі педінстытут, адноўлена некалькі педвучылішчаў. З 1957/58 навучальнага года настаўнікаў для пачатковых школ пачалі рыхтаваць педагагічныя ВНУ. У 1960/61 навучальным годзе колькасць настаўнікаў сельскіх школ Беларусі склала 62 тыс. чалавек, альбо ў 2,4 разы больш, чым у даваенны перыяд¹⁰.

Адначасова з умацаваннем вучэбна-матэрыяльнай базы, падрыхтоўкай і павышэннем кваліфікацыі кадраў удасканальваліся арганізацыйныя формы кіравання асветай. Раённыя і абласныя аддзелы народнай адукацыі сталі больш кваліфікавана і аператыўна забяспечваць арганізацыйную і метадычную дапамогу сельскім школам.

Трэба адзначыць, што ў пасляваенныя гады закладваліся асновы вырашэння праблемы арганізацыі грамадска-карыснай працы навучэнцаў. Асноўнымі відамі грамадска-карыснай дзейнасці сельскіх школьнікаў у 1943–1945 гг. былі: пасільны ўдзел ў аднаўленні вёсак і калгасных гаспадарак, дапамога сем'ям загінуўшых воінаў і партызан, шэфства над ваеннымі шпіталямі, збор лекавых раслін. У 1946–1960 гг. сельскія старшакласнікі працавалі сумесна з дарослымі ў час пасяўных і ўборачных кампаній. З сярэдзіны 50-х гг. на сяле шырокае распаўсюджванне атрымалі вучнёўскія вытворчыя брыгады.

У адпаведнасці з пастановай ўрада "Аб мерах па ажыццяўленню палітэхнічнага навучання ў школах Беларускай ССР" (ад 28 мая 1956 г.) у вясковых сярэдніх школах уводзілася вывучэнне асноў сельскагаспадарчай вытворчасці, працоўная практыка на прадпрыемствах. Ставілася задача, каб кожны выпускнік сельскай школы ўмеў, карыстаючыся сучаснай тэхнікай і тэхналогіяй, апрацоўваць зямлю, рыхтаваць насенне да сяўбы, вырошчваць расаду, прышчэпліваць плодковыя дрэвы, даглядаць за жывёлай.

Усё гэта садзейнічала абуджэнню цікавасці школьнікаў не толькі да сельскагаспадарчай працы, але і развіццю здольнасцей арыентавацца ў машыннай тэхніцы і хутка прыстасоўвацца да патрабаванняў розных галін народнай гаспадаркі і культуры.

¹ Численность, состав и движение населения в Белорусской ССР: Стат.мат. Мн., 1966. С.13,14.

² Гл.: НА РБ. Ф.42, воп.4, спр.5, арк.5.

³ НА РБ. Ф.4, воп.20, спр.216, арк.6.

⁴ Гл.: Закон аб пяцігадовым плане аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі БССР на 1946–1950 гг. Мн., 1946. С.26.

⁵ Разлічана па: Культурное строїтельство СССР: Стат.сб. М., 1956. С.74; Наука, образование и культура в СССР: Стат.сб. М., 1977. С.39–40; Расходы на социально-культурные мероприятия по государственному бюджету СССР. М., 1958. С.23; НА РБ. Ф.93, воп.9, спр.846, арк.127–128.

⁶ Гл.: Народное хозяйство Белорусской ССР. М., 1957. С.213.

⁷ Гл.: Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977. С.40.

⁸ Разлічана па: Народное образование и культура в СССР. Стат.сб. М., 1989. С.51; Народное образование, наука и культура в СССР: Стат.сб. М., 1977. С.40,41.

⁹ Гл.: Короткевич А.Т. Минский пединститут и сельская школа. Мн., 1980. С.10; НА РБ. Ф.42, воп.4, спр.281, арк.881; спр.40, арк.40,41.

¹⁰ Разлічана па: Народное образование, наука и культура в СССР. С.41.

А.Я. САРНА

ПРОБЛЕМА ОСМЫСЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРИРОДЫ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Современная трактовка феномена власти в западной социальной философии "стремится учитывать общественный характер власти, интерпретировать ее как специфическую разновидность общественного взаимодействия, а не просто как способность добиться проведения своего личного решения"¹. Это позволяет рассматривать власть в предельно широком плане – не только как политический, но и как социокультурный феномен с его универсальной функцией опосредования всех общественных отношений. В таком случае власть становится явной или скрытой предпосылкой коммуникативных процессов, происходящих при взаимодействии агентов или групп в сфере социальных практик. При этом новые подходы не опровергают тех постановок вопроса о власти и ее природе, которые сложились в классической традиции, "они скорее конкретизируют их и рассматривают в качестве частного случая, подчеркивая лишь то обстоятельство, что власть в любом современном обществе как бы разлита по всему социальному пространству, сосредоточиваясь в его некоторых центральных местах в особо концентрированной форме"². Более того, заслугой современной социальной теории следует считать скорее не "открытие" коммуникативных аспектов феномена власти, но лишь акцентирование внимания на них как на приоритетных в анализе данной проблемы. В данной статье рассматриваются их общие черты на нескольких этапах теоретического движения западной традиции, соответствующих применению различных мыслительных схем и когнитивных процедур по выявлению и "опознанию" посреднических функций власти, а также философские и мировоззренческие основания этого движения.

Такой подход предполагает абстрагирование от конкретного контекста рассматриваемых теорий (культурные традиции, политическая ситуация, мистический опыт) и акцентирует внимание на следующих моментах: 1) осознанные или неосознанные допущения (посылки) как основы концепций; 2) специфика интерпретации власти как объекта исследований; 3) методы, соответствующие специфике объекта; 4) уровень анализа, зависящий от степени обобщения и абстрагирования от эмпирического материала.

Рассмотрим условно три периода развития представлений о природе власти в классическом наследии социальной и политической философии, представленном трудами Платона, Ф.Ницше и М.Фуко. Их отличает специфический тип рефлексии над фундаментальными понятиями социальной философии, сохраняющими свою значимость и поныне. Поэтому будем считать именно эти фигуры ключевыми в развитии теорий власти, признавая, что каждый из названных мыслителей своей концепцией открывает новую парадигму в данной исследовательской традиции: Платон – классическую, Ницше – модернистскую, Фуко – постмодернистскую.

Первые версии социального знания возникли в древнегреческой философии и опирались на представления о разумном, логически упорядоченном устройстве

всего мироздания в соответствии с вневременными, идеальными моделями-образцами, как это зафиксировал Платон в своих диалогах "Федон", "Пир", "Федр", "Государство". Такое расчленение единого универсума на "потенциальное" и "актуальное", "бытие" и "сущее", "причину" и "следствие", "форму" и "содержание" становится основным методом в метафизической традиции, для которой характерно решительное отстранение от всего "чувственного" и акцентирование внимания на чисто "рациональном", опознаваемом как "объект" лишь интеллектом. "Позже Филоном Александрийским и Платином эта сложная сфера платоновской умопостигаемой реальности будет названа "ноэтическим космосом". Здесь Платон выстраивает некую тотальность бытия, мыслимого во всех его связях и отношениях, – того, что в диалоге "Федр" названо Гиперуранией или Долиной Правды, т. е. некой обители, где души блаженствуют, созерцая³. При этом Платон понимал свой "мир идей" как иерархически организованную систему, в которой идеи нижнего яруса подчинены более высоким вплоть до идеи Блага на вершине иерархии, которая есть условие всех остальных, т.е. абсолютна. Считалось, что для достижения наилучших форм общественного устройства следует привести их в полное соответствие с "идеями" и упорядочить таким образом, чтобы получилась точная копия идеальной гармонии "небесной иерархии". Такая процедура конституирования социальной реальности с необходимостью предполагала у Платона следование закону как высшей форме идеального соответствия гармонии с целью возникновения "космоса" из "хаоса". Для объяснения этого процесса Платон вводит фигуру посредника – Демиурга, который, взяв за образец "мир идей", сотворил "мир вещей" (материальный космос). Схема универсума в целом представлена следующим образом: модель (идеальный мир), копия (материальный мир) и творец – Демиург, автор копии модели. Модель-образец вечна и неизменна, вечен также творец, но чувственный мир рожден изменчивым "для добра и из любви к благу". Тем самым наибольшими властными полномочиями (вплоть до креационистских возможностей) наделяется фигура Демиурга, выполняющего коммуникативные функции, – установление всех видов связей и отношений между идеальной и материальной сферами универсума. Демиург в качестве посредника обладает абсолютной властью утверждать космический порядок, поддерживать единство и целостность универсума. Таким образом, в философии Платона власть есть средство объединения отдельных частей в единое целое, реализации и регуляции взаимодействия элементов системы между собой. Здесь носителем власти и ее субъектом становится антропоморфное существо, персонифицированное в образе "идеальной личности", признаки которой сохраняются у всех персонажей политического пантеона европейской культуры вплоть до нашего времени: Бог в христианской традиции, Государь у Макиавелли, Левиафан у Гоббса, Господин у Гегеля и т.п. Такому абсолютному (трансцендентальному) субъекту была необходима и абсолютная форма организации правления: стремление к "должному" подменяло "сущее" и проявлялось в целевой направленности этических и политических концепций. Здесь предпочтение отдавалось рациональному началу в политике и всех общественных отношениях – вплоть до их нормативно-правовой регламентации.

Принципиально новое понимание природы власти как феномена изначально иррационального открыл Ф.Ницше, осуществивший модернизацию классической западной традиции социальной философии. В критической теории Ницше развенчиваются все попытки идеализации и абсолютизации разумно постигаемых и рационально объясняемых форм культуротворчества: все эти формы суть лишь инструменты тотальной "воли к власти", которая бессознательно проявляется в любых претензиях на утверждение истины. При этом Ницше однозначно устранил сверхчувственный и гиперрационализированный "мир идей" как "истинный мир". С этого момента любая попытка утверждать нечто "истинное" сразу вызывает подозрение и идентифицируется как "воля к истине" – частный случай "воли к власти". Ницше убежден, что "волю к истине" нужно исследовать психологически, поскольку она "не есть моральная сила, но форма воли к власти, которая... пользуется средствами метафизики"⁴. Принципом изучения власти

скорее не как политического, а общекультурного феномена теперь может служить указание на ее опосредованный характер, обусловленный влиянием более фундаментальной биологической детерминанты ("жизни"). Такая позиция означает попытку преодолеть классическую парадигму, ее традицию формализации власти в праве и законах, а также переход от политических теорий государства к проблемам культурной антропологии и социальной онтологии власти. Однако необходимо отметить, что у Ницше при этом сохраняется метафизическая традиция рассечения универсума на "подлинный" мир *жизни* и "ложный" мир *культуры*, а соответственно — и стремление проникнуть в "глубинную суть" явлений, выяснить "истинные" цели и мотивы поведения людей, не "искаженные" культурным влиянием, а затем убедительно объяснить их. Заслуга Ницше в том, что он поменял метафизический ракурс на антропологический, но, проецируя вслед за Шопенгауэром психологическое понятие *воли* на весь окружающий мир, опять возвращается к "антропоцентристской идиосинкразии", которой так стремился избежать. В результате построенная им "коммуникативная модель" универсума сохраняет свою формальную структуру при общей содержательной смене ее элементов: позиции "идеального" и "материального" миров в ней занимают "культура" и "жизнь", а функции посредника, связующего звена между ними выполняет теперь не Бог-Демиург, а *человек* как объективный носитель субъективной "воли к власти". Именно он становится "неявной предпосылкой", "скрытым источником" всякого стремления к господству в любых формах деятельности. Таким образом, используя понятие "воля к власти" в качестве "методологического принципа при истолковании процесса мирового бытия"⁵, Ницше абсолютизирует его, возвращаясь тем самым в лоно метафизической традиции. Поэтому для последователей Ницше становится ясна необходимость полного отказа от любых претензий на установление исчерпывающей дефиниции феномена власти.

При такой радикальной постановке вопроса в постмодернистской парадигме исключается любая возможность порядка, что придает работам мыслителей этого направления анархическую окраску. "Представление о хаотичности и текучести мира отрицает саму возможность социального теоретизирования, поэтому постструктуралисты, занимающиеся социальными науками, вносят в него определенные коррективы. Они вынуждены определять для себя определенные источники порядка или, по крайней мере, "точки", в которых значения приобретают фиксированный характер. Для создателя постструктуралистской социальной теории Мишеля Фуко такими точками выступает понятие "власти"⁶. Феномен власти у Фуко соотносится с обыденной жизнью общества и рассматривается на "микроуровне" — это власть, посредством которой человек как физическое, биосоциальное существо вовлекается в режим своего повседневного существования. Она осуществляется скорее при помощи административных мер, чем правовых понятий, при помощи нормализующих методов, а не закона, контроля, а не наказания — и тем самым не может быть обнаружена средствами традиционного классического анализа, относящего власть к правовой сфере государства. Власть, по мнению Фуко, — не институт и не структура, но также и не способность навязывать другим волю немногих избранных. Вместо того чтобы выводить все из одного источника (господства класса буржуазии или идеалов метафизики), мы должны исследовать не мотивы и интересы обладателей власти, а практику ее применения и средства воздействия. Поэтому нужно предпринять "анализ власти по восходящей, начав с бесконечно мелких механизмов власти, у каждого из которых своя история, собственный путь развития, особая техника и тактика, и затем посмотреть, как, каким образом эти механизмы власти инвестировались, колонизировались, усложнялись, применялись, изменялись, расстраивались, расширялись (и продолжают это делать) под воздействием более общих механизмов и форм глобального господства"⁷.

Такое исследование предусматривает выполнение двух основных условий: наличие определенного рода знаний и форм властных отношений, а также взаимозависимости между этим знанием и этой властью. "Здесь Фуко стремится различать два уровня — смысловую преемственность, выраженную в "истории

понятий", зафиксированных в классических гуманитарных науках, и борьбу, при которой господствующее сознание ставит под вопрос подчиненное сознание в самом его бытии⁹. Истоки европейской культуры – в метафизике Платона, который абсолютизировал первый уровень как неизменный "мир идей", противопоставляя его миру борьбы и становления "вещей" (второму уровню). Ницше совершил обратную операцию, обнаружив полную обусловленность "метафизического" уровня "физическим" в виде одной из возможных форм его проявления. При этом он ссылаясь на понятие "жизнь", которая в системе его рассуждений не могла быть обусловлена ничем. Но теперь уже Фуко, в свою очередь, увидел в такой процедуре признаки идеализации, поскольку для него "действия власти в наше время затрагивают саму жизнь. В этих условиях сам факт существования становится объектом политической нормализации"⁹. Таким образом, выводимая Фуко конфигурация отношений "власти" и "знания" соответствует уже использованной ранее модели взаимодействия различных сфер универсума. Но теперь эта модель может выступать объектом теоретического анализа, поскольку включает в себя все возможные комбинации выбора исследовательских процедур на различных уровнях обобщения и абстракции – что, в свою очередь, соответствует трем типам сменяющих друг друга исследовательских парадигм. При этом у Фуко функции посредника выполняет уже не Демиург или Бог, устанавливающий раз и навсегда заданный порядок мироустройства, и не человек, трактующий этот порядок так или иначе в соответствии со своими интересами. Теперь это предельно деперсонализированные анонимные структуры, выявляющие некоторые закономерности, условия появления и правила реализации конкретных речевых практик и языковых полей¹⁰. Налицо "смерть субъекта" власти, который трактуется уже не как носитель уникально-индивидуального начала, но как точка пересечения коммуникативных потоков, без/раз-личных типов дискурса.

Таким образом, коммуникативные аспекты феномена власти в неявной (имплицитной) форме были обозначены западноевропейской социальной философией еще во времена античности. Этому способствовал анализ посреднических функций власти в общественных отношениях еще до возникновения применительно к данной ситуации самого понятия "коммуникация" и осмысления ее как проблемной. Однако лишь после изысканий Фуко происходит экспликация исходных предпосылок для такого рода анализа и понимания природы власти именно как "коммуникативной". При этом менялся сам статус и содержание понятия, весь объем которого в разное время последовательно раскрывался в диапазоне от *онтологического* до *социального* типов коммуникации. Соответственно меняется и понимание природы коммуникативной составляющей феномена власти. Трём парадигмам развития данной теоретической традиции (классической, модернистской и постмодернистской) теперь соответствуют три различные когнитивные операции или познавательные процедуры, которые использовались тремя названными мыслителями: у Платона это было *описание*, у Ницше – *объяснение*, у Фуко – *интерпретация*. Если Платон описывает власть как феномен политический, опираясь на его "метафизическую природу" и "божественное происхождение" (атрибут Демиурга), то Ницше объясняет власть как феномен культуры, исходя из психологических характеристик человека (субъекта власти), а Фуко остается "всего лишь" интерпретировать власть в качестве социального феномена, отмечая ее коммуникативный характер, поскольку за всякого субъекта "говорит" сам язык.

Итак, в процессе спецификации феномена власти в социальной философии при расширении на содержательном уровне границ проблемного поля происходит их сужение на уровне формальном в качестве конкретизации объекта изучения: власть последовательно предстает как политический (Платон), культурный (Ницше) и социальный (Фуко) феномен в зависимости от метафизической, антропологической или коммуникативной трактовки ее природы.

¹ Клименкова Т. А. От феномена к структуре. М., 1991. С.35.

² Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1995. С.152.

³ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: В 4 т. СПб., 1994. Т.1. С.107.

- ⁴ Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994. С.273.
⁵ Рачинский Г. Предисловие // Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994. С.14.
⁶ См.: Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996. С.237.
⁷ Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992. С.361.
⁸ Клименкова Т.А. От феномена к структуре. С.45.
⁹ Там же. С.46.
¹⁰ См.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1994. С.23 и след.; Он же. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

В.Н.СОКОЛЬЧИК

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Эстетические воззрения древних славян (предков русских, белорусов, малороссов, литовцев и т.д.) способствовали формированию своеобразного славянского менталитета, оказали существенное влияние на культурно-историческое развитие наших народов. Сквозь призму эстетического, вероятно, было воспринято славянами и новое для них христианство, поэтому оно не только нашло у многих славянских народов душевный отклик, но и приобрело неповторимый колорит православия.

Интересно, что, изучая истоки славянской эстетики, исследователи чаще всего выделяют так называемый ранний период, очерчивая его временные рамки довольно широко (иногда вплоть до XVI века). В таком подходе проявляется довольно грубое смешение двух абсолютно различных тенденций культуры и эстетики: магической природно-символической линии древнего язычества и духовно-сакральной христианской. Первая преобладала до IX века нашей эры, вторая – в последующие времена; хотя языческое начало ни в коей мере нельзя считать утраченным, а в сфере эстетического отношения к действительности оно даже преобладает.

Не пытаясь определить приоритетную роль христианской или языческой тенденции для формирования облика и духа славянской культуры, необходимо подчеркнуть, что языческая как более древняя нередко "скрыта" от современного исследователя более поздними наслоениями и потому ее значение незаслуженно умаляется. Некоторые ее реминисценции сохранились в народном искусстве, но, как правило, видоизменились под влиянием христианизации.

Наиболее значимой характеристикой древнеязыческой культуры можно считать архетипическую связь человек – природа. Архаичный синкретизм проявлялся, в частности, в незыблемом единстве человеческого существа и макрокосма. Основа этого единства – мировая гармония. Она предусматривает равновесие микро- и макроуровней, добра и зла, красоты и безобразия. Впрочем, выделение подобных полярных категорий – лишь определенная уступка современному сознанию. Для древнего славянина-язычника высшая гармония отражала высшее единство мира, где нет противоположности добра и зла, красивого и ужасного, смешного и печального.

Особенно убедительно это проявляется в русских сказках, где в образной форме, через персонажи сказочных героев проводится идея гармоничной целостности мира. Такова, например, популярная сказка о Кощее бессмертном. Волшебное яйцо, которое таит в себе кощееву смерть, – это прообраз вселенной, необходимо включающей в себя и зло.

В образах древнеславянских языческих божеств также отразилось представление о единстве противоположного и целостности многообразия. Наидревнейшим представляется поклонение славянским божествам Живе и Море. Соответственно их "царствию" на земле год делился на период рождения – цветения и плодоношения – умирания. Важно, что наши предки никогда полностью не разделяли этих божеств, считая их двумя ликами природы-матери. В образной форме древний язычник объединял понятия жизни и смерти, девств-

венности и плодородия. В более позднее время, также относящееся к языческому периоду славянской культуры, эта специфическая целостность мышления частично сохранилась в различных культах и обрядах. Например, разнообразие дошедших до нас обрядов, посвященных Яриле-солнцу¹, вовсе не свидетельствуют о том, что славяне разных местностей по-разному представляли себе это божество. Ярила воспринимался одновременно молодым красавцем и уродливым стариком, ездившим верхом на козле. Жизнь неизбежно движется от рождения к смерти и уже в своем зародыше таит неизбежность гибели, и все творчество древних славян отражало идею такой "двойственной целостности".

Подобные идеи современному человеку помогает осознать музыка: полифония – это прообраз многоголосия мира, слитого в единую мелодию жизни. Древние "нецивилизованные" славяне воспринимали это сложное многоголосие не через музыку, а непосредственно через осознание мелодии природы. Выражать его они научились в своей поэзии, сказках и даже в декоративно-прикладном творчестве.

Понятие красоты у славян также нельзя считать сугубо эстетической категорией. Красота здесь – жизнеутверждающая сила, магия добра. Невозможно было назвать нечто прекрасным (красивым), не указав на его магическую защищенность от зла, гармоничность. Прекрасными древний славянин мог называть те творения природы, в которых отражалась ее могучая жизненная энергия добра. Например, прекрасно солнце, несущее свет, тепло, жизнь (поэтому, вероятно, оно получило в народном фольклоре устойчивый эпитет "красное" или "красно" в значении красивое).

С течением времени прекрасно-добрые природные силы и объекты трансформировались в языческом творчестве в магические символы; позже сакральная значимость их была позабыта, а сохранилась только собственно эстетическая. Так, конские головы на крышах строений, резные изображения солнца на наличниках окон, солнечные и лунные знаки на кондитерских изделиях, одежде, бытовых предметах – все это рудименты архаичной защиты человека и его микрокосма с помощью охранительной символики.

Древние предания, сказания, песни живо и образно рисовали природную жизнь, используя понятные всем иносказания, метафоры, символы. Когда же метафорическое значение языка в народе было утрачено, за художественными эпитетами уже не осознавали реалий опозитизированной природы. Непонимание их породило чудовищные суеверия и заблуждения, которыми, к сожалению, буквально переполнены современные славянские культуры. Например, древние мифические сказания о небесных светилах (солнце и луне – "золоте и серебре"), скрываемых облаками и туманами ("темными пещерами"), послужили причиной возникновения легенд о существовании в темных пещерах древних кладов. Или, например, предания о Вие². Согласно преданию, если поднять веки Вия, то он своим взглядом испепелит, уничтожит все вокруг. Этот демонический образ – достаточно позднее творение народной фантазии. Несложно найти параллели между Вием и архаичной образной связью "солнце – свет – глаз". Древние убеждались, что знойный блеск солнечного "ока" может породить засуху и ее последствия – болезни, голод. Позднее эта идея переродилась в суеверное представление о "сглазе", "призоре", а также олицетворялась в образе Вия. Таким образом, современные трудности в "прочтении" древней славянской культуры чаще всего связаны с семантикой языка, точнее, с непониманием его метафоричности. И рассмотрение генезиса древнеславянских эстетических воззрений невозможно без попытки осознания архаичных словесных смыслов.

Слово для древнего язычника было не просто знаком, а символом, отражающим глубинную суть объекта. Достаточно явно это можно проследить даже по архаичным названиям (именованиям). Большая часть их дана народом под наитием художественного творчества (например, в древнерусском языке "холоднянка" – лягушка, "леи" – проливные дожди). Со временем метафорические выражения языка утратили первоначальный образный смысл и стали устойчивыми оборотами речи. Например, во многих языках арийского происхождения "солнце всходит", "ветер свистит", "буря воет" и т.д.³ Изучение древнейшего

творчества периода создания метафорического языка позволяет предположить, что обожествлению природы предшествовало ее художественно-поэтическое постижение.

Слияние с природой в процессе творчества и осознание единства с ней выразилось прежде всего в мифах. Наиболее древние мифы, относящиеся к отдаленному времени протоариев, отнюдь не сакральны. Они воплощают художественное видение мира. Лишь утрата смысла метафорических значений и символов привела к тому, что архаичные мифы начинают пониматься буквально, и силы природы не только обожествляются, но и олицетворяются в человеческих образах. Характерно, что у славян языческая религия не достигла того уровня развития, когда окончательно разъединяются художественно-творческое и религиозное восприятия природы; и определяющим в течение многих веков (а возможно, и сегодня?!) оставалось эстетическое начало. С утверждением христианства языческое влияние в славянских культурах возвратилось из сакральной в породившую его эстетическую стихию.

Конечно, сакральное значение древнеславянского язычества и сегодня еще угадывается в отдельных элементах народной культуры. Так, ворожба, гадания – остатки древних обрядов и ритуалов, заговоры – "обломки" древних молитв и заклинаний. Эстетические же смыслы архаичного язычества оживают в фольклорном творчестве: сказках, песнях, эпосе, художественной символике – и даже в вечном философском стремлении к постижению мировой гармонии.

Исследование генезиса древнеславянских эстетических представлений невозможно ограничить рамками собственно эстетики и отмежеваться от проблем языческой религии, языка, иных общекультурных реалий. Кроме того, нельзя забывать, что древняя эстетика не может быть адекватно выражена современным языком и тем более невозможно ее рассмотрение на основе современных эстетических категорий. Древняя эстетика – это архаичная система знаний о мире, воплощенная в метафорическом языке и художественно-магических образах и символах.

Творчество – главное связующее звено между человеком и миром, поэтому изучение архаичного прошлого народов немыслимо без осознания их творческой деятельности по законам природной красоты и гармонии.

¹ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965; Мифологический словарь / Под ред. Мелетинского Е. М. М., 1990.

² См.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т.1. Гл. IV.

³ См.: Gooseva N. R. On the genetic affinity and similarity of cultures of the proto-slavs and proto-aryas (XXIX International Congress of Orientalists). Paris, 1973.

Паліталогія, Сацыялогія

А.П.МЕЛЬНИКОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АЛЕКСИСА де ТОКВИЛЯ (1805–1859)

Токвиль – французский политолог, историк и политический деятель, теоретик либерализма. Родился в аристократической дворянской семье, граф по происхождению. Политическую карьеру начал мелким судебным чиновником.

В 1835 г. Токвиль опубликовал работу "Демократия в Америке", в которой попытался выяснить основы политического строя США и особенности происхождения и развития американской республики. За этот труд он был избран в 1836 г. в академию нравственных и политических наук, а в 1841 – во Французскую академию. Кроме этого, им написаны исследование "Старый порядок и революция" (имеется в виду революция 1789–1794 гг.), а также "Воспоминания", которые он посвятил революции 1848 г. Рассмотрим эти работы подробнее.

В книге "Демократия в Америке" Токвиль, осознавая неизбежность буржуазно-демократических преобразований, рассматривает соотношение в буржуазном обществе свободы и равенства, взаимодействие политической власти и общества в целом. Под политической свободой он разумел права и привилегии господствующих классов, в частности дворянства, ограничивающие произвол центральной власти. Демократия, с его точки зрения, создает угрозу привилегиям имущих, так как предоставляет формальное равенство или политические права всем гражданам независимо от материального положения. Токвиль питал недоверие к демократии. Он считал, что она неизбежно порождает тиранию, т.е. сильную деспотическую власть, при которой сохраняется формальное равенство граждан, но исчезает свобода, отчего страдают прежде всего имущие классы, так как массы, якобы, равнодушны к свободе и охотно жертвуют ею ради равенства¹.

Таким образом, выделяя негативные элементы эгалитаризма, Токвиль считал его источником деспотизма. С его точки зрения, политическая централизация как оружие равенства в борьбе с привилегиями феодальной аристократии, соединяясь с административной централизацией и бюрократизацией, резко усиливает власть государства. С другой стороны, равенство рождает индивидуализм, который замыкает людей в рамках частной жизни и создает благоприятную почву для деспотизма. "Извращенная склонность" к равенству, по мысли Токвиля, низводит всех до уровня массы и приводит к "равенству в рабстве"².

Токвиль полагал, что демократии присущи два негативных момента: 1) невозможность дать народу самое искусное правительство; 2) осуществление большинством политической тирании.³

По его мнению, индивидуализм отрывает граждан от участия в общественной жизни, ибо в демократическом обществе личная жизнь так переполнена заботами и трудами, что у людей почти не остается ни сил, ни времени для участия в политике. Политическая апатия, утверждал Токвиль, означает начало процесса политической централизации и сильного подчинения. Вместе с тем он полагал, что представительная власть во многом корректирует негативные тенденции

демократии. Он рассматривал движение от прямой к представительной форме народного правления как значительное совершенствование классической республиканской теории и практики. В то же время Токвиль считал, что хотя представительной формы власти недостаточно для противостояния отрицательным последствиям демократии, последняя сама в состоянии хотя бы нейтрализовать их.

Характерно, что сущность демократии в разные периоды своей деятельности Токвиль толковал по-разному. У него не было однозначного представления об этом явлении. Сначала это понятие означало для него стремление к уравниванию всех сторон жизни общества. Он полагал, что это стремление является наиболее важным и неизбежным следствием Французской революции, и именно этому феномену он уделял самое пристальное внимание. В то же время он употреблял этот термин для обозначения представительной формы правления. Иногда это понятие обретает у него значение народовластия, особенно когда он говорит о непокорных массах. Этим же термином он обозначил всеобщее избирательное право, а также быстрое движение общества к равенству, которое сметало все привилегии и т.д. Несмотря на эти разночтения, Токвиль выделял два основных преимущества демократии над другими формами правления: 1) демократия способствует благополучию наибольшего числа граждан и 2) обеспечивает свободу или широкое участие масс в политической жизни⁴.

Для предотвращения деспотии, по мнению Токвиля, граждане должны сознательно культивировать искусство социальной кооперации. Разобщенные и слабые люди могут создавать посреднические учреждения, функционально эквивалентные учреждениям аристократического общества. Таким образом, Токвиль провозглашал реконструкцию феодальных аристократических посреднических органов, но уже на демократической основе. Органами демократического общества он считал добровольные политические и гражданские ассоциации. Он рассматривал административную децентрализацию и свободу ассоциаций как гарантии против деспотии большинства и центральной власти. Однако Токвиль сосредоточил свое внимание лишь на защитных функциях этих институтов. Он утверждал, что с их помощью люди могут непосредственно участвовать в управлении обществом, генерировать политическую культуру и гражданский дух.

Восхищаясь американской демократией, Токвиль видел причину ее успеха не столько в совершенстве конституции страны, не в ее геополитическом положении и благоприятных природных условиях, сколько в присущих американцам нравах⁵. Это понятие Токвиль заимствовал у Монтескье, однако вложил в него более широкий смысл, понимая под нравами всю совокупность знаний, представлений, мнений, т.е. умственный "строй народа", который мы сегодня обозначаем термином "менталитет".

Истоки свободных и демократических нравов он видит прежде всего в исторически сложившейся системе местного самоуправления. Именно здесь он усматривает начало народного суверенитета⁶. Важной заслугой основателей США Токвиль считал конкретное закрепление ими принципа разделения властей, а также системы сдержек и противовесов⁷.

Особый интерес представляет оценка Токвилем внешней политики США того времени. Отделенные от соседей двумя океанами, Соединенные Штаты, по мнению Токвиля, не имеют врагов и их интересы только изредка приходят в столкновение с интересами других народов земного шара. Американцы пожинают плоды своей миролюбивой политики; они не знают всеобщей воинской повинности, не испытывают бремени военных расходов. Токвиль полагал, что США останутся такими навсегда. Он считал мир неперменным условием процветания американской демократии, в войне же видел прямую угрозу для нее, ибо она предоставляет государственной власти право управлять всеми и распоряжаться всем⁸. Но еще большая опасность войны, по мнению Токвиля, состоит в том, что она доводит до отчаяния большие массы людей и может вызвать революцию. Вооруженного народа всегда следует опасаться, а в годы войны многие становятся солдатами.

Окончательно сформировались политические взгляды Токвиля под воздействием революции 1848 г. во Франции, которой он посвятил свои "Воспоминания"

и утверждал, что был одним из немногих, кто предвидел приближение революции и предупреждал об этом соотечественников. Вся французская история, начиная с 1789 г., представляется Токвиллю парламентской революцией, в начале которой буржуазия боролась с дворянством, а с 1830 г. наступил новый период в истории Франции – период борьбы буржуазии с рабочим классом. Основную причину революции 1848 г. Токвиль видит в монопольной власти буржуазии, которая больше заботилась о своих собственных "удовольствиях", нежели об общем благе⁹.

Подавление революции во Франции заставило Токвиля задуматься о том, какая государственная форма (монархия или республика) окажется наиболее способной обезопасить общество от возникновения будущих революций. И бывший монархист Токвиль приходит к выводу, что наиболее оптимальной формой правления для борьбы с революцией является республика и что он не видит, чем ее заменить. Он рекомендует ввести республиканскую форму правления, невзирая даже на то, что среди имущих классов Франции того времени было очень мало республиканцев¹⁰.

Таким образом, в республиканской форме правления Токвиль видел прежде всего спасение от революций. Кроме того, его оппозиционность по отношению к наполеоновской монархии имела еще одну существенную причину. В этой монархии Токвиль увидел победу всегда претившего ему равенства, потому что крестьянство в 1848 г. поддержало Наполеона III, ставшего впоследствии императором путем переворота.

Токвиль в этой позиции крестьянства увидел подтверждение своего старого тезиса о том, что народ больше всего ценит не политическую свободу, а равенство. Равенство социальное может быть установлено только революцией, что же касается равенства политического, то для его достижения революция – не единственный путь; еще в "Демократии в Америке" Токвиль писал, что существуют два способа установить равенство в политическом мире: или дать права каждому гражданину, или не давать никому¹¹. Переворот Наполеона III Токвиль относил ко второму варианту равенства.

Народные массы, прежде всего крестьянство, не получив политического равенства от республики, обратились к монархии, ибо народ, который, по мнению Токвиля, не дорожит свободой и тяготеет к исполнению общественных обязанностей, охотно откажется от всего этого в пользу любого диктатора, только бы он взял на себя бремя власти и пообещал установить всеобщее равенство. В этом, как полагал Токвиль, и состоит основной смысл поддержки народом наполеоновского переворота. Политическая централизация в форме монархии, по Токвилю, является оборотной стороной равенства и народоправления.

В бонапартистской демагогии Наполеона III он находил подтверждение своего взгляда на эту монархию как "тиранию народного большинства". В то же время он считал, что единоличная наполеоновская власть, ограничивая политическую самостоятельность дворянства и буржуазии, связывала им руки в борьбе против "тирании народного большинства". Итак, сердцевина политической теории Токвиля в итоге свелась к тому, что в республике господствует политическая свобода, и эта государственная форма лучше всего подходит для господства аристократии, в то время как монархия есть не что иное, как форма "народной тирании" и всеобщего политического равенства.

Последняя крупная работа Токвиля "Старый порядок и революция" – лишь первая часть задуманного им объемного труда. В ней он описывает функционирование дореволюционного (1789–1794) французского режима. По мнению исследователя, демократизация общества, начавшаяся в середине века, привела Францию к политическому крушению феодализма и усилила королевскую власть. К XVIII в. здесь укрепился так называемый "старый порядок" – сращение королевского абсолютизма с феодальным сословным строем. Высшие сословия не только сохраняли все прежние, тяжелые для крестьян привилегии, но и обрели новые. Общество разделилось на ряд сословных групп, ревниво оберегавших свою обособленность, что поощрялось правительством, которое видело в этом залог прочности своего господства¹².

Однако, несмотря на это, демократизация общества продолжалась. Высшие феодальные сословия беднели и приходили в упадок, земельная собственность раздроблялась, а буржуазия обогащалась и возвышалась, происходило сближение господствующих классов. Перед революцией имущее французское общество представляло собой почти однородную массу, и поэтому бессословный строй мог установиться почти безболезненно. Между тем общество уже давно было лишено политической свободы: генеральные штаты не собирались с начала XVII в. Уничтожая феодальные учреждения, короли насаждали бюрократическую централизацию, местное самоуправление, по существу, было ликвидировано, массовое недовольство возбуждал союз духовенства с королями. Правительство, разобщая классы, глушило всякий дух общественной самодеятельности и держало общество под так называемой "стеснительной опекой". В такой обстановке разразилась революция 1789 г.¹³

В своей работе Токвиль стремился показать, что революция, нацеленная на уничтожение феодально-монархических порядков, на самом деле очень многое заимствовала из них и оказалась как бы продолжательницей того дела, которое медленно и постепенно совершала абсолютная монархия. Многие из того, что принято считать результатом революции (создание сильной централизованной власти, уничтожившей остатки средневековой раздробленности, уравнивание граждан в правах), постепенно осуществлялось еще дореволюционным правлением. Если бы революция не осуществилась, социально-политические преобразования все равно совершились бы, но постепенно. Монарх, по мнению Токвиля, менее опасный новатор, нежели революция. Революция же, утверждает Токвиль, породила деспотизм, создав столь могущественную абсолютную власть, какой не знала монархия¹⁴. Убедительно выявляя генетическую связь нового со старым, Токвиль ставил под сомнение прогрессивное значение революции и подводил читателя к тому выводу, что предпочтительнее для общества – эволюция.

¹ См.: Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С.199–200, 371–372, 496–497.

² См.: Там же. С.373.

³ См.: Там же. С.201–202.

⁴ См.: Там же. С.191–192, 195.

⁵ См.: Там же. С.214 и след.

⁶ См.: Там же. С.64 и след.

⁷ См.: Там же. С.102 и след.

⁸ См.: Там же. С.178–179, 181–182.

⁹ См.: Токвиль А. Воспоминания. М., 1893. С.19–21, 71–73.

¹⁰ См.: Там же. С. 230–232.

¹¹ См.: Токвиль А. Демократия в Америке. С.371–373.

¹² См.: Он же. Старый порядок и революция. М., 1911. С.34–61.

¹³ См.: Там же. С.68, 110 и след.

¹⁴ См.: Там же. С.200 и след.

А.И.ЛЫСЮК

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Категория "политическое лидерство" относится в современной политической науке к числу тех дефиниций, содержание которых все еще дискуссионно. В первую очередь объясняется это относительной новизной, что естественным образом предопределяет гносеологические трудности ее терминологической идентификации, тем более, что родственные дефиниции – "власть", "господство", "руководство", "управление", "авторитет" – имеют уже многовековую традицию.

Кроме этого, однозначность определения термина "политическое лидерство" существенно осложняет и тот факт, что его генезис исторически восходит к психологическому стереотипу лидерства, характеризующему интеграционные процессы в малой группе. Некритическое же применение психологической дефиниции "лидерство" к большим социальным образованиям не только чрезмерно психологизирует феномен политического лидерства, но и неизбежно порождает ошибки в выборе базовых переменных.

Адекватное понимание феномена политического лидерства затрудняло и то, что исторически он исследовался в рамках категориальных систем, отличных от современных, что потребовало от современных исследователей тонкой "реставрационной" работы, направленной на выявление его специфического содержания.

В результате сложилась ситуация, когда, несмотря на огромное количество работ по лидерству в целом и политическому лидерству в частности, в современной политической науке отсутствует общая теория политического лидерства как методологическая основа прикладных исследований. Для решения данной проблемы, по нашему мнению, целесообразно свести множество трактовок лидерства к неким общим интегративным основаниям, имеющим универсально-исторический характер. Для этого следовало бы в качестве первого исследовательского шага вычленить группу характеристик лидерства, о содержании которых, как и о формах их проявления, наблюдается своеобразный консенсус исследователей.

Во-первых, речь идет о единстве исследовательских подходов к рассмотрению политического лидерства как субъектно-объектного взаимодействия, в процессе которого между лидером и последователями осуществляется коммуникативная и интерактивная связь, обмен ресурсами, символами и возможностями. Особое значение здесь приобретает сопряжение их мотивов, целей и ценностей при активном включении механизмов социальной перцепции¹.

Во-вторых, проявляется некоторое единство точек зрения и в определении основных структурных компонентов лидерства (лидер – последователи – способ их взаимодействия – институциональная и социокультурная среда – ситуативные обстоятельства)². Различия же между исследовательскими позициями заключаются в степени акцентации, т.е. придания наибольшей (детерминирующей) значимости тем или иным структурным элементам лидерства, а также способам взаимосвязи и взаимозависимости между ними.

В-третьих, концептуальная идентичность наблюдается и в признании властной природы политического лидерства. Классическим в этом отношении является суждение Дж.Блонделя, определяющего лидерство как власть, осуществляемую сверху вниз с тем, чтобы побудить членов нации к действиям³. При этом политологов интересует не власть как таковая, а те ее проявления, которые сфокусированы, сконцентрированы в деятельности конкретной политической персоны, что неизбежно предполагает: а) волевой акт лидера; б) признание последователями его права на осуществление власти; в) асимметричное распределение между ними социальных ресурсов. Политическая власть в системе лидерства всегда конкретно персонифицирована.

В-четвертых, тождество точек зрения проявляется и в признании за функциями политического лидерства их ориентированности на выполнение координационно-интегративной и управленческой деятельности.

Приведенные универсальные характеристики политического лидерства в силу их абстрактности и схематичности позволяют выделить только внешние, эскизные контуры лидерства, пересекающиеся к тому же с родственными феноменами. Для того чтобы четко обозначить сущностные параметры лидерства, его качественную определенность, необходимо эти универсальные характеристики дополнить содержательно-специфическими. Так, по нашему мнению, феномен лидерства присущ только обладателям первых властных позиций, независимо от уровня и специфики политической иерархии. Поэтому политическим лидером является как глава государства, так и формальный или неформальный лидер малой группы, деятельность которой политизирована. При подобном подходе лидер является частью политической элиты, и основная функция его проявляется в принятии политических решений. Реализовывать эти решения призвана бюрократия, а разрабатывать варианты решений – интеллектуалы.

Политическому лидерству имманентно присущ субъективно-индивидуализированный характер. В соответствии с этим в теориях лидерства в первую очередь анализируется, как личность воздействует на политический процесс. Политические же институты, социальные и правовые нормы, традиции, средовые

и ситуативные обстоятельства выполняют при этом лишь роль внешнего фона и инструмента реализации целевых установок лидера. Именно этой особенностью политическое лидерство отличается от политического господства, которое практически полностью исключает из сферы своего интереса личностные характеристики политических деятелей, акцентируя внимание на осуществлении власти посредством социальных институтов, норм и идеологий. В соответствии с рассматриваемыми особенностями политическое лидерство носит преимущественно легитимный характер, т.е. основанный на социально-психологическом принятии последователями власти лидера. Здесь легальность выступает лишь внешним обрамлением лидерства, в то время как при политическом господстве именно легальность является его ключевой конструкцией, обеспечивая формально-юридическое закрепление властных полномочий за определенными институциональными политическими субъектами. В целом же политическое лидерство и политическое господство являются взаимодополняющими сторонами целостного механизма осуществления политической власти.

Отличительной особенностью политического лидерства является активная роль в его системе последователей, т.е. определенных групп людей, для которых политическая воля лидера является непосредственным импульсом политического поведения⁴. Объясняется это самой природой лидерства, сущностно основанной на "сцепке". "сопряжении" деятельности лидера и его последователей. Последователи в этом взаимодействии являются объектом, но объектом своеобразным, "инверсионным", т.е. периодически трансформирующимся в субъект. В этом случае взаимодействие лидера и последователей приобретает более сложную, субъект-субъект-объектную форму, где в качестве объекта выступают цели и ценности, по поводу которых осуществляется взаимодействие. Коммуникационная связь при этом утрачивает монологичный характер и осуществляется на диалогичном уровне. Активно воздействуя друг на друга, лидер и последователи создают конкретное проявление и конкретную стилистику политического лидерства, в котором переплавляются в новую целостность первоначально порознь существующие их мотивы, ценности и действия.

Взаимозависимость и взаимовлияние деятельности лидера и его последователей предполагают и специфические способы их взаимодействия. Если в системе политического господства иерархические связи осуществляются по институционально формализованной оси "приказ-подчинение", которой присущи официально узаконенные санкции и вознаграждения, то в системе политического лидерства на первый план выходят личностные способы подчинения последователей, основанные на субъективном оправдании и переживании политической власти лидера. Речь идет и о различных способах психологического воздействия (подражание, заражение, внушение, убеждение), и о ментально-ценностной идентификации, и об умении лидера распоряжаться социальными ресурсами, и о представительстве им интересов последователей.

Перманентное сопряжение деятельности лидера с деятельностью последователей обязывает его постоянно обосновывать свое право на осуществление власти и убеждать, что для этого он обладает соответствующей силой и ресурсами. Даже средневековый монарх, при всей устойчивости монархии как социального института, вынужден был каждодневно подтверждать свои властные полномочия в борьбе с внешними врагами, знатью, церковными институтами, ересями и пр. И совсем уж прозрачно и определенно выступает в современном либеральном обществе необходимость демократическому лидеру заручиться политической поддержкой соответствующих групп населения для овладения и сохранения властной позиции.

В свою очередь, последователи находятся в состоянии перманентной оценки деятельности лидера и соответствующего влияния на него. Разумеется, возможности их влияния на политических лидеров в разных конкретно-исторических ситуациях существенно отличаются. Однако в целом, в той или иной степени, в той или иной форме, плебисцитарный характер политического лидерства сохраняется на протяжении столетий.

Специально следует остановиться на широко распространившихся в последние годы концепциях, которые вводят в систему политического лидерства ценностно-нравственные характеристики. Например, согласно М.Бернсу, лидерство может быть только нравственно-воспитательным, так как обращено к фундаментальным желаниям, ценностям, нуждам, устремлениям последователей⁵. По этому критерию, аналогично Аристотелю, различавшему тирана и царя по степени отражения в их деятельности совокупного интереса социума, проводится разграничительная линия между лидером и тираном. В свою очередь, сторонники "провидческого реализма" закрепляют лавры лидера за таким политиком, который, обладая даром ставить перспективные цели и их реализовывать, берет на себя ответственность за их осуществление⁶. Со своей стороны, Ю.Ходыко различает лидеров и псевдолидеров, последние из которых, обладая ролевыми властными позициями, в отличие от первых, не могут именоваться лидерами из-за своей безвольности, безликости, неспособности воздействовать на политическую ситуацию и соответственно брать на себя ответственность⁷.

На наш взгляд, введение ценностно-нравственных параметров в систему политического лидерства контрпродуктивно и существенно осложняет понимание этого феномена, ибо в таком случае определение его содержательных характеристик будет предельно субъективизировано и зависимо от идеолого-теоретической оптики исследователя.

Таким образом, политическое лидерство содержательно является одной из форм субъектно-объектного взаимодействия, направленного на организацию и интеграцию деятельности определенного социума посредством концентрации политической власти, влияния и воли у отдельного политика, занимающего доминирующую властную позицию. Основным средством реализации властной воли является искусство лидера оперировать находящимися в его распоряжении личностными и социальными ресурсами.

¹ См.: Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996. С.9–10; Fidler F.E. A Theory of Leadership Effectiveness. New York, 1976; Herrzog D. // Eliten in der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1990. S.45.

² См.: Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-н-Д., 1993. С.229–230; Лысюк А.И. // Человек и политика. Брест, 1996. С.44–45; Херманн М. // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов. М., 1992. С.98.

³ См.: Блондель Ж. Политическое лидерство. М., 1992. С.9–10.

⁴ См.: Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982. С.126; Пригожин А.И. // Общественные науки и современность. 1996. №3. С.26.

⁵ См.: Burns M. Leadership. New York, 1978. P.4.

⁶ См.: Штукина Т.А. // Вестник МГУ. Сер.12. Социально-политические исследования. 1994. №4. С.33–34.

⁷ См.: Ходыко Ю.В. // Материалы научно-практической конференции "Формирование общественных лидеров в посткоммунистическом обществе". Мн., 1997. С.35–36.

Е.А.КЕЧИНА

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ

Возможности и творческий потенциал человека как личности являются важнейшим фактором развития общества. Направление этого развития, прогресс или регресс человеческих сообществ во многом определяются личностными качествами людей, их творческими способностями, возможностями, которые предоставляет им общество для раскрытия и проявления этих способностей. Поэтому научно-объективные, комплексные, затрагивающие различные стороны жизнедеятельности людей исследования проблем развития человека как личности в определенных конкретно-исторических условиях являются важнейшими задачами современной науки, и социологии прежде всего.

Сложность и многогранность личности, большое количество факторов, влияющих на процесс социализации, своеобразие и разнообразие явлений, сопутствующих формированию человека как личности, требуют накопления и

анализа большого количества фактического материала. Одним из важнейших источников социологической информации являются данные социально-экономической статистики, которая охватывает широкий спектр явлений в жизни общества: от его людских и материальных ресурсов, деятельности экономической сферы до условий жизни людей, их социальной среды.

Вместе с тем сегодня возникли достаточно серьезные проблемы применения материалов социально-экономической статистики в социологии. Их можно условно разделить на две группы: проблемы использования статистических данных социологами и проблемы представления статистической информации специалистами в области статистики.

Статистические данные как источник информации еще не в полной мере используются социологами. Основными причинами этого являются, во-первых, недостаточная осведомленность социологов о наличии статистических показателей, относящихся к изучаемой проблеме, во-вторых, трудности интерпретации количественной статистической информации, в-третьих, незнание источников статистической информации. Все эти причины легко устранимы при реализации комплекса мероприятий методического и методологического характера по совершенствованию подготовки специалистов социологического профиля.

Определенные трудности возникают и при использовании данных, которые статистика уже сегодня может предоставить социологу. В системе статистической информации имеются существенные недостатки как содержательного, так и организационного характера, значительно затрудняющие эффективное использование ее материалов в социологических исследованиях. В процессе решения конкретной исследовательской задачи социолог, как правило, сталкивается, во-первых, с недостаточностью имеющихся статистических показателей, во-вторых, с неудобными для пользователя формами предоставления статистической информации, из-за чего возникают проблемы ее поиска и обработки, в-третьих, с разбросанностью статистических материалов определенной специфики по разным отраслям социально-экономической статистики, в-четвертых, с трудностями получения оперативной, неустаревшей статистической информации.

Все это препятствует использованию в социологии статистических материалов, что, естественно, сказывается на качестве социологических исследований. Поэтому важнейшая задача использования статистических данных как источника социологической информации состоит в адаптации, приспособлении их к потребностям социологической науки. Эта задача может быть решена посредством дальнейшего развития теории социально-экономической статистики, а также совершенствования системы организации статистической информации.

В последнее время все большее количество социологических исследований затрагивает проблемы социального развития человека, формирования его как личности. При этом особое внимание уделяется не изучению единичных проявлений участия человека в жизни общества и индивидуального пути жизнедеятельности личности, а анализу жизненного пути больших совокупностей людей, социальных групп, когорт.

Для эффективного социологического изучения проблем человека необходима новая система статистических показателей, объединяющая как уже имеющиеся показатели государственной статистики, так и новые, устраняющие недостатки характеристики процесса социального развития человека. Новые показатели должны представлять собой прежде всего числовые характеристики жизнедеятельности когорт, которые могут быть демографическими или строиться по любому статистически значимому признаку.

Таким образом, традиционную систему статистической информации о жизни людей в обществе необходимо дополнить новыми статистическими показателями, выделив при этом статистические характеристики человека в самостоятельную систему показателей социальной статистики, новое направление ее исследований – статистику личности. Это позволит расширить спектр социологической информации по проблемам личности; обеспечит социолога сопоставимой, объективной, структурированной статистической информацией; устранил разрозненность и недостаточность статистических данных для изучения человека.

Важнейшая особенность статистики личности проявляется в том, что в центре ее внимания – человек, живущий в определенных социально-экономических, политических условиях, в то время как в других статистических науках человек рассматривается как фактор, оказывающий влияние на протекание различных процессов в обществе.

Основными методами сбора информации в статистике личности являются перепись населения, специальные статистические обследования населения, выборочные обследования, текущий учет населения (или регистры населения), система статистического мониторинга. Надо подчеркнуть, что статистика личности складывается как за счет извлечения необходимой информации из других отраслей статистики, так и за счет своих собственных методов получения информации.

Для статистической характеристики человека как личности необходимо наличие специальной системы статистических показателей. Теоретической основой системы показателей статистики личности является теория социализации личности. Под понятием "личность" в социологии подразумевается обобщенная характеристика человека как представителя некоторой социальной группы. Понятия "формирование" личности и "социализация" личности при построении системы показателей рассматриваются как тождественные. Эти процессы изучаются на протяжении всей жизни людей. Основные этапы временной периодизации в системе показателей – это дошкольный период, стадия социализации молодого человека, стадия социальной зрелости и послетрудовой период. Границы этих периодов и их внутренняя периодизация в целом совпадают с возрастными группировками, используемыми в практике статистических обследований. Это позволяет использовать различные повозрастные коэффициенты из других отраслей статистики и сопоставлять их с показателями статистики личности.

Построение системы означает не просто выделение группы показателей: система статистических показателей является и моделью исследуемого объекта, в нашем случае – массовых процессов формирования человека как личности, и ее наличие позволяет углубленно изучать проблемы социального развития человека не только статистикой, но и другими науками.

Система показателей статистики личности состоит из двух частей: постоянные подсистемы и подвижные подсистемы показателей, которые "примыкают" к постоянным подсистемам в тех случаях, когда необходимо изучение области действительности, связанной с изучением человека как личности. Любая подсистема, постоянная или подвижная, в своем составе также имеет постоянные, или инвариантные, и подвижные показатели. Такая многоуровневая структура системы показателей, сочетающая постоянные и подвижные показатели, позволяет быстро реагировать на различные изменения в жизни общества, в то же время сохраняя определенный набор показателей неизменным, что обеспечивает их сравнимость во времени и пространстве.

Система показателей статистики личности содержит три блока:

- подсистема институциональных элементов социальной инфраструктуры, характеризующая возможности, которые общество в данных социально-экономических условиях предоставляет индивиду для развития его способностей;

- подсистема показателей, характеризующая реализацию человеком своего личностного потенциала в сфере социальной деятельности;

- подсистема показателей социального статуса, характеризующая результаты социальной деятельности индивида с точки зрения его положения в общественной иерархии.

Социальную, экономическую и политическую обстановку в обществе на определенный момент времени характеризует комплекс соответствующих показателей, дающих макрохарактеристики экономической и социальной сфер. Эти показатели не входят в систему показателей статистики личности, но служат статистическим фоном и общей характеристикой внешних условий жизни людей.

Особенности построения выделенных подсистем состоят в следующем:

- для подсистемы показателей институциональных элементов социальной инфраструктуры применяется институциональный подход, при котором с помощью статистических показателей характеризуются важнейшие на данной стадии формирования индивида как личности институты социализации;

- при отборе показателей социальной деятельности людей, или их массового поведения, учитываются элементы поведения людей, изменяющие социальную структуру общества; для каждой стадии социализации характерны свои специфические элементы массового поведения, на основе выделения которых и базируется данная подсистема показателей;

- подсистема показателей социального статуса на разных этапах формирования индивида как личности также имеет различное содержание: на ранней стадии социализации социальный статус определяется статусом родителей, т.е. рассматривается "наследуемый" социальный статус; на стадии социализации молодого человека появляются элементы "приобретенного" социального статуса, доля которых на последующих этапах формирования человека как личности увеличивается.

Система статистических показателей представляет собой конструкцию количественных величин, характеризующих существенные стороны процесса социальной жизнедеятельности человека. Важнейшими характеристиками этой системы являются целостность, логичность и внутренняя взаимоувязанность ее показателей. Система показателей строится для произвольной статистической когорты ровесников.

Основные типы статистических показателей, входящих в систему показателей статистики личности, в соответствии с их содержательной структурой делятся на три вида: показатели институциональных элементов социальной инфраструктуры, показатели поведения и показатели социального статуса членов когорты.

Математически все показатели, входящие в эти блоки, делятся на следующие группы: абсолютные, относительные, структурные показатели, индексы динамики и характеристики одномерных частотных распределений.

Важнейший принцип при построении системы показателей – это их временная структуризация и взаимоувязанность в соответствии со стадиями социализации индивида. С учетом этого мы получаем двумерную систему координат в системе показателей статистики личности, определяемую, с одной стороны, тремя блоками, описывающими условия и результаты процесса формирования человека как личности, а с другой – стадией социализации, на которой рассматривается этот процесс. Таким образом, имеются четыре крупные подсистемы статистических показателей, описывающих жизнедеятельность изучаемых совокупностей людей на каждой выделяемой стадии жизненного цикла человека: стадии ранней социализации, стадии социализации молодого человека, стадии социальной зрелости и в послетрудовом периоде. На каждой стадии показатели сгруппированы в виде трех основных содержательных блоков, входящих в постоянные подсистемы.

Наличие системы статистических характеристик личности позволяет говорить о выделении статистики личности в самостоятельную отрасль статистического знания. На уровне эмпирических социологических исследований изучение проблем личности базируется на широком спектре эмпирической социологической информации, в состав которой входят и материалы социально-экономической статистики вообще и статистики личности в особенности. До последнего времени статистические данные, характеризующие специфику массовых процессов формирования человека как личности в специфических социально-экономических и политических условиях конкретного общества, были разрозненны и недостаточно структурированы. Все это значительно затрудняло применение статистических материалов в качестве источника социологической информации при изучении проблем человека.

С разработкой и построением системы статистических показателей формирования человека как личности появляется возможность эффективного использо-

вания статистических данных, непосредственно описывающих характеристики его социального развития.

Использование статистических данных помогает конкретизировать изучение ряда социологических проблем, которые базируются на следующих положениях:

- формирование человека как личности длится фактически всю жизнь и делится на несколько периодов; отслеживание этого процесса приводит к накоплению большого количества численных характеристик;

- процессы формирования и социального развития человека протекают под воздействием окружающей социальной среды, т.е. различных социальных факторов, значимость которых меняется в зависимости от этапов социализации индивида; поэтому возникает потребность в точных объективных статистических характеристиках этих условий и факторов;

- представление процесса становления человека как личности в виде последовательных стадий, в свою очередь, требует специфических эмпирических социологических данных, описывающих каждую стадию;

- при исследовании процессов жизнедеятельности людей в обществе возникает необходимость в четких количественных характеристиках результатов этих процессов, например: направления профессионального движения, изменения уровня образования, динамики уровня доходов, изменений в социальном статусе.

Предлагаемая система статистических показателей личностных характеристик человека в определенной мере восполняет недостаток соответствующих данных и помогает социологу получить новый пласт эмпирической информации.

Система статистических характеристик человека базируется на социологической теории личности, включающей периодизацию этапов ее формирования. Это позволяет новому комплексу статистических материалов органично вписываться в уже существующую систему социологической информации при изучении личности, что увеличивает эффективность исследований в социологии личности в целом. Использование единого комплекса статистических материалов социального формирования человека облегчит сравнимость результатов социологических исследований во времени и пространстве, что значительно расширит возможности вторичного анализа социологической информации в социологии личности.

Необходимо отметить, что особенности статистических характеристик человека схожи со спецификой социологических данных лонгитюдных исследований. Наиболее рациональной формой организации сбора, обработки и хранения таких данных считается статистический мониторинг. А поскольку важнейшим условием успешного проведения лонгитюдного исследования является интеграция данных, полученных на разных этапах исследования из различных источников, то наиболее эффективной для этого исследования является система социального мониторинга, представляющая собой разветвленный комплекс получения, обработки и хранения социологической и статистической информации по наиболее актуальным проблемам жизни общества.

Статистические характеристики социального развития человека отражают существенные и типичные черты этих процессов в конкретных исторических, социально-экономических условиях жизни людей. На их основе можно определить главные тенденции и закономерности развития такого сложного и многопланового явления, как жизнь поколений людей и каждого отдельного человека как личности.

В.Л.КЛЮНЯ

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Обеспечение устойчивого и эффективного развития агропромышленного комплекса (АПК), повышение отдачи от созданного на селе потенциала во многом определяются коренными изменениями социально-экономической структуры аграрного сектора, радикальной перестройкой экономических отношений, приведением их в достаточно полное соответствие с новым характером и уровнем развития производительных сил. Все другие факторы (техничко-технологические, природно-биологические, экономические) действуют не сами по себе, а в рамках определенных форм хозяйствования.

Общественное производство, как известно, представляет собой единство и неразрывную взаимосвязь и взаимообусловленность двух сторон: производительных сил и производственных отношений. В связи с этим важно не только развивать производительные силы, но и не оставлять неизменными экономические отношения, обуславливающие темпы и характер развития производства, а в случае их отставания – сдерживающие или приводящие его к кризисному состоянию. Ошибочность и низкая эффективность ряда попыток решения важнейших проблем развития АПК, проводившихся ранее, как раз и состояла в том, что на эти направления выделялись большие материальные ресурсы и капитальные вложения, которые, однако, не подкреплялись фундаментальными изменениями в экономических отношениях.

Объективная необходимость радикальных перемен в системе экономических отношений вызвана прежде всего глубоким кризисом самой системы. Наиболее остро это проявляется в сельском хозяйстве, АПК. Чтобы активно содействовать стабилизации положения и устойчивому развитию всей системы АПК, экономической науке необходимо переосмыслить различные теоретические представления и методологические подходы к реформированию этой системы.

Решение сложных проблем аграрной реформы требует углубленных теоретических исследований на основе использования исторической практики и современных достижений мировой науки и опыта. Актуальность исследования фундаментальных проблем аграрной теории во многом определяется обретением Республикой Беларусь своей государственности. Если раньше приоритет теоретических исследований принадлежал "центру", то теперь таким центром являются научные учреждения Беларуси. Поэтому анализ проблем перехода к новой системе аграрных отношений должен исходить из реальных условий белорусской действительности, из оптимальной возможности соблюдения баланса между объективной необходимостью и действительными возможностями осуществления социально-экономических преобразований в АПК республики. Особого внимания требует предметный анализ проверенных мировой практикой объективных экономических закономерностей развития аграрных отношений, конкретных шагов их трансформации в рыночную систему отношений.

Выработка принципиальных методологических подходов к проведению аграрной реформы заключается прежде всего в исследовании теоретических основ аграрных отношений, выработке принципов, форм их эффективной реализации, которые максимально способствовали бы "активизации созидательных функций закономерного развития этих отношений в сложном и противоречивом процессе преобразования аграрного строя на последовательно демократической основе"¹. Необходимыми являются методологические обобщения аграрной экономической теории белорусской действительности, социально-экономической, нравственной, психологической специфики. Важны не сами по себе факты о снижении эффективности агропромышленного производства, выражающиеся в конкретных цифрах и показателях, а фундаментальные теоретические обобщения социально-экономических процессов. Как отмечают К.Макконнелл и С.Брю, "теория без фактов может быть пуста, но факты без теории бессмысленны"².

С этих позиций, когда происходят огромные перемены в системе экономических отношений, в производстве, распределении, обмене и потреблении, требуется в первую очередь определить сущность аграрных отношений. В современной научной и учебной литературе политэкономическая категория "аграрные отношения" определяется по-разному. Однако по существу они рассматриваются, с одной стороны, как производственные отношения в сельском хозяйстве, а с другой, — как отношения, основанные на принципах классовой борьбы. Если исходить из строго научных политэкономических позиций, то аграрные отношения выступают как важнейшая составная часть, хотя и специфическая, общей системы экономических отношений. Они основываются на взаимодействии между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг, обусловленных характером земельной собственности. Это касается сущностного определения аграрных отношений. Видимо, следует также согласиться с той точкой зрения, что не совсем правомерно характеризовать содержание аграрных отношений только с производственной стороны, нельзя "исключить ... социальные, нравственно-психологические, историко-культурные аспекты жизнедеятельности самих субъектов аграрных отношений"³.

Основу производственных отношений, в том числе и их подсистемы — аграрных отношений, составляют отношения собственности. Отношения собственности на материальные условия труда вообще определяют своего рода социальный "каркас" экономической системы. Этот признак отношений собственности на средства производства, выступающий экономической основой общественной формы производства, в одинаковой мере относится к материальным условиям труда как искусственного, так и естественного происхождения. Что же касается социальной природы отношений, то ее сущность определяется земельными отношениями, характером земельной собственности. Собственность на землю, занимая особое место в подсистеме отношений собственности на другие средства производства, тесно с ними взаимосвязана. Поэтому лишь реформирование всей системы отношений собственности создает адекватные условия преобразования и земельных отношений.

В разговоре о рыночной трансформации аграрной сферы экономики представляется методологически важным учитывать особенности и принципиальные отличия содержания отдельных сторон аграрных отношений, определяемых понятиями "присвоение", "собственность", "пользование" и "владение". Так, по мнению В.Цакунова, "присвоение как экономический процесс есть способ превращения предметов и явлений природы и общества, их полезных свойств в реальные условия жизнедеятельности экономических субъектов"⁴. Поэтому во всеобщем процессе присвоения исторически возникают, развиваются и сменяются отношения собственности как его особая форма. При этом она есть полная, абсолютная, безраздельная (монопольная) социальная форма присвоения людьми предметов и явлений природы и общества, прежде всего средств производства, определенными субъектами экономических отношений. Все различные субъекты присваивают такую долю жизненных условий и такими способами, которые определяются тем, "кто и как в данный период присваивает в собственность средства производства"⁵.

Вследствие того, что существует множество субъектов аграрных отношений, реализация их интересов и потребности эффективного развития отрасли объективно обуславливают необходимость и возможность передачи средств производства определенного собственника во владение и пользование другому субъекту. Это происходит потому, что собственник средств производства сам не всегда может эффективно их использовать. Поэтому, сохраняя статус собственника, он передает средства производства во владение и пользование, основу которых в материально-вещественном аспекте составляет конкретное использование различных средств производства, в том числе и земли. Самым принципиальным моментом в рассматриваемой нами проблеме является то, что владение выступает как "способ осуществления, форма реализации, важнейшее звено ... движения" собственности. В связи с этим оно "обеспечивает присвоение не объектов в целом и абсолютно, а отдельных их свойств (например, плодородия почвы ...), частичных результатов, что и отличает его от собственности"⁶.

В свою очередь, "владение как экономическое отношение присвоения, создающего реальные условия потребления и полезного эффекта, полученного в результате использования объекта ... собственности, может осуществляться" различными экономическими субъектами⁷. Поэтому "экономические формы реализации отношений присвоения средств производства – пользование, владение, собственность – различаются полнотой функции распоряжения ими"⁸. Другими словами, "экономические компетенции владельца перекрывают функции пользователя, а прерогативы собственника шире компетенции владельца и тем более пользователя"⁹. Это значит, что "владелец может осуществлять и функции пользователя, а собственник – соответственно и владение, и пользование"¹⁰.

Достаточно часто суть проблемы собственности сводится к юридической форме. ее правовой, а не экономической стороне. С экономической же стороны, по мнению В.Корнякова, собственность характеризуется рядом важнейших признаков, основу которых составляют экономическая деятельность, экономическое поведение и хозяйское отношение к производству, его факторам и продукту¹¹. Следует подчеркнуть, что основным признаком эффективно функционирующей собственности является только такое положение, когда работник является полноправным хозяином как условий, так и результатов труда. Это дает возможность преодолеть отчуждение работника от средств, результатов, процесса труда, не допустить его превращения в наемного исполнителя, у которого отсутствует чувство хозяйской заинтересованности и ответственности, а преобладает чувство иждивенчества. Именно эти негативные явления во многом предопределили кризисное состояние аграрного сектора.

Развитие нашей аграрной сферы в советское время происходило медленно и болезненно, поскольку сельское хозяйство, как и экономика в целом, находилось под полным контролем политики, в "объятиях" командно-административной системы, когда жестко регламентировалось выполнение планов по посевным площадям, поголовью скота, обязательным поставкам. Административно-командная система аграрных отношений игнорировала объективные экономические законы, не допускала минимума производственной демократии. Аграрные отношения и не могли развиваться иначе в условиях существовавшего в стране общественного строя и его идеологического обеспечения, не допускавшего признания каких-либо иных социально-экономических структур, объективно отражавших многообразие и противоречивость, тенденции развития социально-экономической среды.

Причины аграрного кризиса коренятся также в систематическом изъятии из аграрного сектора экономики всего прибавочного и значительной части необходимого продукта, что не позволяло осуществлять расширенное воспроизводство в этой отрасли и усиливало ее отставание от других отраслей. Серьезный урон развитию агропромышленного производства нанесла замена взаимовыгодных товарно-рыночных отношений между промышленностью и сельским хозяйством планово-директивной системой, а также хроническая неэквивалентность обмена между городом и деревней.

Определению путей и форм развития аграрных отношений препятствовало игнорирование их специфики, связанной с непосредственным использованием и воспроизводством в аграрной отрасли ресурсов и сил живой природы и земли в качестве предметов, средств и орудий труда. Их наличие обуславливает необходимость прямой производственной связи работников с землей в таких формах и такими способами, которые наиболее эффективны при ее использовании, производстве продукции.

Учет специфических обстоятельств, лежащих в основе аграрного сектора экономики, определяет возможности эффективного использования его производственного потенциала только на базе экономически свободного ведения хозяйства на земле, позволяющего максимально приблизить формы и способы организации и производственную структуру любого сельскохозяйственного предприятия к особенностям каждого конкретного участка земли, других природных ресурсов и их изменчивости, а также развития и трансформации традиционных, возникновения и распространения новых форм хозяйствования в соответствии с тем эффектом, который они дают и сельскохозяйственным работникам и национальной экономике.

Но жизнеспособность данных условий эффективного ведения земледелия в концентрированном виде выражается в том, в какой мере они позволяют реализовать личный интерес. Человеческий интерес, являющийся наряду с правом собственности на средства производства, и прежде всего землю, первоосновой аграрных отношений, определяет особенности этих отношений, их роль и место в экономике и всей системе общественных отношений. Поэтому реформирование аграрных отношений должно осуществляться с учетом интересов личности, ее свободы выбора форм и видов деятельности, преобразования отношений собственности в сельском хозяйстве и всей системе АПК. Все это выступает в качестве главной предпосылки и условия эффективного развития многообразных форм хозяйствования, преобразования социально-экономической структуры аграрного строя.

В современных условиях стало очевидным, что для реального изменения ситуации в аграрной сфере необходимо не просто осуществление перемен в экономических отношениях, а переход к новой социально-экономической системе в земледелии. Речь идет о формировании в аграрном секторе многоукладной экономики, представляющей собой "организационно-экономическую структуру агропромышленного производства, основанную на рациональном сочетании различных форм собственности и хозяйствования". При этом надо учитывать, что "каждая форма хозяйствования отражает определенный тип отношений собственности, который и формирует в конечном итоге тот или иной хозяйственный уклад"¹².

Отсюда следует, что для формирования многоукладной экономики в аграрном секторе, развития аграрных отношений необходимо провести разгосударствление и приватизацию собственности. В теоретико-методологическом плане речь идет о создании системы аграрных отношений на принципах свободного рыночного сельского хозяйства, о трансформации колхозов и совхозов в рыночные структуры.

¹ Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития / Буздалов И.Н., Крылатых Э.Н., Никонов А.А. и др. М., 1993. С.8.

² Макконнелл К., Брю С. Экономикс. М., 1992. Т.1. С.21.

³ Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития. С.11.

⁴ Цакунов В. // Вопросы экономики. 1989. №1. С.96.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Будылкин Г., Овчинников В. // АПК: экономика, управление. 1994. №3. С.18.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Корняков В. // Экономист. 1994. №3. С.75.

¹² Кузнецов В., Шляхецкий А. // АПК: экономика, управление. 1994. №6. С.3.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И МИКРОЭКОНОМИКИ

В условиях рыночных преобразований экономики возрастает значение предпринимательства, что является причиной повышенного внимания к теоретическому обоснованию предпринимательской деятельности, анализу эволюции теории предпринимательства. Основная задача теории предпринимательства – объяснить, каким образом хозяйствующие субъекты добиваются предпринимательского успеха. Первостепенное значение здесь приобретает микроанализ теоретической базы предпринимательства как деятельности, которая для достижения долгосрочного рыночного успеха должна строиться на микроэкономической основе.

Различия между микроэкономикой и теорией предпринимательства можно выразить следующим образом. Микроэкономика имеет дело в первую очередь с моделями. Реальность моделируется на базе тех или иных предположений, что дает возможность делать выводы о логических связях в экономике. Теория предпринимательства оперирует скорее конструкциями, которые могут быть охарактеризованы как концептуальное представление решаемой проблематики с опорой на теорию. По своему содержанию такие конструкции отражают прикладные взаимосвязи, поскольку предлагаемая проблематика вытекает непосредственно из практики. Поэтому и сама теория предпринимательства ориентирована прежде всего на разработку практических рекомендаций и имеет, таким образом, интеграционный прикладной характер, так как пытается в своих построениях как можно полнее охватить взаимозависимость и связи практических проблем.

Несмотря на расхождения в ориентациях обеих теорий, они имеют определенное сходство и оказывают друг на друга взаимное влияние. Анализ в этом плане целесообразно базировать на двух основаниях – социальном и экономическом. Содержанием социального основания является удовлетворение потребностей человека. Экономические процессы воспринимаются при этом как результат стремления к удовлетворению этих потребностей путем создания необходимых благ. В рамках экономического основания внимание уделяется хозяйственному аспекту и экономическим результатам отношений партнеров. Речь идет о той стороне деятельности человека, которая направлена на получение дохода и его рациональное использование.

Основным вопросом современной теории предпринимательства является вопрос о том, каким образом хозяйствующие субъекты в равных условиях достигают разных результатов. Согласно микроэкономике, преимущества, которые обеспечивает предпринимательство в ходе долгосрочной конкурентной борьбы, должны постепенно убывать, сходить на нет. Практика, однако, показывает, что этого не происходит вовсе или происходит не так, как предсказывает микроэкономика. Поэтому задача теории предпринимательства заключается в том, чтобы объяснить, каким образом предприятие, руководствуясь определенными "правилами игры", в течение длительного времени добивается результатов, превышающих общий уровень конкурентов. Предпринимательский успех часто связывают с наличием устойчивых конкурентных преимуществ, позволяющих фирме сохранить свои позиции на рынке. В рамках теории предпринимательства экономический успех анализируется с учетом трех аспектов: человеческого, процессуально-структурного и содержательного.

Человеческий аспект рассматривается преимущественно теорией поведения, которая связана с психологическими и социальными исследованиями. Предпринимательский успех с этих позиций объясняется различными свойствами человеческого характера, такими, как упорство, энтузиазм и т.п. При этом он увязывается с взаимодействиями партнеров, ибо, согласно так называемой теории ролей, каждому действующему лицу предписывается определенная роль в решении общей задачи. Фирма должна знать, кто ей нужен в той или иной ситуации: лидер, т.е. харизматическая личность, обладающая даром предвидения, или менеджер, который, опираясь на знания, ориентируется

непосредственно на суть дела. В этом же плане следует упомянуть и культуру предприятия, которая воздействует на решения человека через общефирменные ценности, нормы, уровень знаний. Организационное обучение и человеческие ресурсы также должны быть отнесены к группе бихевиористских факторов, влияющих на успех фирмы.

В основе процессуально-структурного аспекта лежит анализ динамики решения проблем с участием многих заинтересованных лиц. Согласно "теории процесса", для успеха фирмы особенно важны следующие процессы:

- эволюция и трансформация предпринимательства с течением времени или в зависимости от изменений внешней среды;
- разработки, адаптации и внедрения в предпринимательское поведение;
- управленческие решения на уровне фирмы;
- решение стратегических проблем фирменного масштаба, например: освоение другой предпринимательской деятельности, слияние предприятий, глобализация деятельности.

Под структурной частью в рассматриваемом аспекте понимается прежде всего система уровня управления корпорацией. Объектом исследования здесь является в первую очередь организационная структура управления, например структура собственности, состав руководящих органов, правовое регулирование и социальные факторы влияния, определяющие предпринимательский успех.

Содержательный аспект предпринимательского успеха сместился в исследованиях последних лет в сторону так называемой теории содержания. Она исходит из того, что фирмы различаются по содержанию предпринимательской деятельности и что они по-разному развиваются, хотя и работают в одинаковых рыночных условиях и внешней среде. Эти различия, от которых в конечном счете зависит предпринимательский успех, объясняются тремя группами причин. Во-первых, это причины рыночного характера. Предполагается, что не все фирмы одинаково точно могут выбирать выгодный для себя рынок. Компании по-разному оценивают возможности стабильно выступать на рынке за счет преимуществ в издержках или благодаря дифференциации производственной программы. Вторая группа причин заключается в различном обеспечении предприятия ресурсами. Эти различия, в свою очередь, объясняются не только разными возможностями предприятий в приобретении этих ресурсов, но и способностями фирменного менеджмента рационально увязать их со специфическими ключевыми компетенциями. Наконец, третья группа причин имеет социальную направленность. Предприятие в этом случае рассматривается как часть общественной и экологической систем. Поэтому оно должно учитывать в своей деятельности рамочные условия системы более высокого порядка, избегая при этом детерминистского подхода к оценке влияния факторов, действующих в этой системе.

В современных условиях четко наметилось несколько направлений эволюции теории предпринимательства. Прежде всего, поскольку теория предпринимательства является интеграционной дисциплиной, в ней продолжают поиски новой объединительной парадигмы. Однако исследования показывают, что единственной доминирующей парадигмы здесь быть не может. В этой связи весьма важно выработать интеграционный подход, который позволит воспользоваться всеми возможными парадигмами в решении вопросов предпринимательства.

Еще одно направление эволюции теории предпринимательства заключается в поиске концепции, используемой в качестве базы для создания атмосферы доверия как внутри фирмы, так и вовне. В непредсказуемом и быстро меняющемся мире, который мало поддается рациональным оценкам, доверие между людьми становится важным фактором деятельности предприятия. В этом плане характерна цепочка обоснования предпринимательского успеха: этичное поведение партнеров порождает доверие, которое стимулирует взаимные обязательства держателей акций, что гарантирует участие в выполнении данных обязательств и в конечном счете обеспечивает предпринимательский успех. В таком случае атмосфера доверия внутри предприятия и между предприятиями является параметром предпринимательской деятельности, имеющим экономическое значение.

Наконец, третье направление эволюции теории предпринимательства состоит в применении положений из других отраслей знания, т.е. обоснование ее с помощью метатеории. Так, из области физики и механики используется теория хаоса, биологии – эволюционная теория, социологии – системная теория. Для экономистов же в этом плане особый интерес представляет использование микроэкономики в теории предпринимательства. Современная микроэкономика утверждает, что использование близких к реальности предположений, таких, как ограниченная рациональность, наличие трансакционных издержек, несовершенство рынков, информационная асимметрия, приводит к значительным смещениям в спектре выдвигаемых для решения проблем. Под влиянием этих предположений происходит сдвиг интересов от чисто рыночных вопросов в сторону внутрифирменных проблем. Подобная смена ориентации ставит микроэкономику на службу теории предпринимательства. В частности, в современной теории предпринимательства из микроэкономической науки успешно используется "динамическая модель" фирмы, парадигма "затраты – выпуск" и теория трансакционных издержек.

"Динамическая модель" фирмы помогает осуществить столь необходимый переход от статистических методов анализа предпринимательской деятельности к динамическим. Ее применение базируется на двух главных принципах. Во-первых, делается попытка опробовать биологические механизмы на экономических взаимосвязях. Так, инновации оцениваются по аналогии с мутациями в биологии, а уход с рынка в результате конкуренции рассматривается по аналогии с естественным отбором. Второй принцип вытекает из теории Й.Шумпетера, согласно которой важное значение для экономического развития имеет феномен разрушения в созидательных целях. Концепция так называемого творческого разрушения для отдельного предприятия означает, что в целях выживания на рынке оно должно постоянно внедрять инновации после отмирания всего устаревшего. Поэтому фирма находится в процессе перманентных перемен и всегда должна обладать способностью адекватно реагировать на них. Технологические различия между фирмами возникают, например, как следствие внутрифирменных решений по выбору технологической альтернативы, т.е. являются как бы результатом мутации в условиях ограниченной рациональности возникающих изменений: тот, кто делает неправильный выбор, выбывает из борьбы в ходе естественного отбора; тот, кто делает правильный выбор выживает, так как приобретает конкурентные преимущества.

Организационные изменения также представляют мощный стимул предпринимательского прогресса. Возможности активного расширения диапазона действий менеджеров в этом случае более очевидны, чем в примере с технологией, поскольку способности предприятия к организационным изменениям могут быть оценены с большей точностью, чем к технологическим. К тому же эволюционная теория тесно связана с ресурсным подходом к анализу предпринимательства. Предпринимательский успех здесь объясняется внутрифирменными актами выбора ресурсных комбинаций с целью укрепления конкурентных позиций предприятия в будущем. Предприятия, которым удастся найти удачную комбинацию ресурсов, выживают на рынке, в противном случае они погибают в конкурентной борьбе.

Эволюционная теория, по мнению американского экономиста П.Дракера, только начинает набирать силу. В ближайшие 30–50 лет она будет определять пути развития экономики. Так это или нет, но любая новая теория должна исходить из того, что конкурентная борьба – динамичный, эволюционирующий процесс. Крайним выражением идеи эволюционной теории стала выдвинутая в 1994 г. западноевропейским экономистом Р.Д'Авени концепция так называемой гиперконкуренции, согласно которой нормой жизнеспособности является не равновесное состояние, а непрерывная ломка тенденций во всех областях связей и сфер активности предприятия. Это ведет к постоянной и обостряющейся борьбе за выживание между конкурентами.

Использование в теории предпринимательства микроэкономической парадигмы "затраты – выпуск" объясняется тем, что структура отрасли, в которой фирма

выступает как конкурент, определяет выбор предпринимательской деятельности и ее успех. От некоторых важных структурных параметров, например от наличия барьеров для вступления на рынок, зависят показатели предпринимательского успеха. Американский экономист М. Портер расширил эту модель, включив в нее возможности оценок и диапазон действий современного предпринимателя. Структура отрасли рассматривается при этом не только как детерминант предпринимательства, но и как объект воздействия со стороны предприятия путем предпринимательского выбора. Так, предприятие, наметив определенную позицию в отрасли, может вызвать в ней соответствующие изменения. Сама же структура отрасли или свойственная ей конкурентная борьба устанавливают лишь границы возможных преимуществ предпринимательской деятельности. Оценочные фирменные решения при завоевании позиций в отрасли являются самыми важными факторами предпринимательского успеха. Структура стабильных барьеров, которые должна преодолеть компания в попытке проникнуть в отрасль и закрепиться в ней, и структура мобильных барьеров при предпринимательском выборе представляют собой экономические факторы, объясняющие различия в предпринимательских преимуществах.

Теория транзакционных издержек используется там, где отказываются работать чисто рыночные модели интерпретации событий. Говоря упрощенно, ее сторонников интересует, каким образом фирма может увеличить эффективность обменных процессов непосредственно на рынке. Благодаря учету транзакционных издержек удастся наилучшим образом в долгосрочной политике фирмы определить рациональные издержки, что также гарантирует предпринимательский успех. Следует отметить, что сама предпринимательская деятельность рассматривается здесь несколько иначе, чем в традиционной теории предпринимательства. Она касается внутрифирменного процесса, а не рыночного положения компании. По различным вариантам подхода к транзакционным издержкам с учетом организационной иерархии моделируется внутрифирменная эффективность. Внешняя же эффективность определяется ценообразованием на рынке.

В последние годы в рамках общественного выбора появилась микроэкономическая теория, объектом которой стали области, отдаленные от традиционной микроэкономики, – это политика и семья. Центром этой теории являются модели поведения "экономического человека", стремящегося максимизировать личную выгоду. Отличительная сторона этого подхода состоит в том, что он позволяет системно охватить широкую гамму моделей человеческого поведения, включая его социально-политический и семейный статусы. В настоящее время активно разрабатывается так называемая новая микроэкономика, которая исследует взаимосвязи между политикой и экономикой. Согласно этой теории, максимизация правительством собственной выгоды приводит к тому, что политики для обеспечения своего переизбрания искусственно создают политические конъюнктурные циклы, как это можно наблюдать в США.

Итак, обоснование теории предпринимательства микроэкономикой позволяет объяснить причины стабильного рыночного положения и предпринимательского успеха фирм. Если же микроэкономика подвергается многократному воздействию со стороны теории предпринимательства, то возникает ряд принципиально важных вопросов: какие проблемы должна решать микроэкономика? Какие цели она преследует и какие методы использует при этом? Ответ на эти вопросы должно дать развитие микроэкономической теории, но уже сегодня можно предположить, что систематическое воздействие теории предпринимательства на микроэкономику вынуждает последнюю решать проблемы повседневной жизни и рассматривать конкретные потребности фирмы и ее окружения: диверсификацию производства, концентрацию усилий на ключевых видах деятельности, организацию предпринимательских сетей и фирменных объединений, создание, развитие и оптимальное использование ключевых компетенций фирмы. Оценка реальности приобретает, таким образом, основное значение в микроэкономическом анализе.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Интеллектуальная собственность (ИС) как экономическая категория уже давно стала дискуссионным объектом. В чем состоит экономическое содержание данного понятия, можно ли доказать товарную природу объектов ИС, что является выражением стоимости объектов ИС, как трансформируется понятие "цены" в приложении к объектам ИС – на все эти вопросы нет идентичных ответов.

Экономическая ситуация, складывающаяся в Беларуси на рынке ИС, подталкивает к теоретическому осмыслению, обобщению и систематизации данных о функционировании объектов ИС в экономическом обороте как отдельных субъектов хозяйствования, так и на отраслевом и межотраслевом уровнях, к определению их места и роли в общественном производстве, выработке методик, позволяющих дать рыночную оценку объектам ИС как факторам производства.

Проблемы ИС до сих пор негласно являлись вотчиной права. Современная законодательная база в основном регламентирует охрану авторских прав. Однако спектр экономических проблем, связанных с обращением объектов ИС как самостоятельного ресурса общественного производства, законодательно не обеспечен. Причина во многом кроется в неразработанности теоретических основ возникновения, формирования и обращения ИС как экономической категории и в отсутствии их научного обоснования.

В определении категории ИС нужно исходить из двух ключевых составляющих: собственности и ее интеллектуального наполнения. Собственность является исходным и определяющим элементом системы экономических отношений, так как процессы распределения и обмена общественного продукта осуществляются в соответствии с правом присвоения.

Сутью отношений собственности является возможность использования объекта для получения определенных благ, участия в процессе производства, возможность влияния на его ход в зависимости от величины производственных факторов, возможность участия в распределении и обмене через присвоение части дохода от реализации произведенного продукта в соответствии с долей вложенных факторов производства.

Право определяет категорию собственности как систему правовых отношений между субъектами по поводу присвоения имущества, пользования им и возможности распоряжаться. Система отношений собственности включает в себя элементы и связи между ними. Элементами данной системы являются субъекты и объекты собственности, связями – три звена отношений: владение, пользование и распоряжение объектами.

Функционирование данной системы заключается в установлении оптимальных отношений, дающих положительный результат субъекту собственности от присвоения ее объекта. Отрицательный результат вызывает противоречия внутри системы, ведущие либо к изменению условий пользования и распоряжения объектом, либо – к смене владельца.

Если с правовой точки зрения собственность интересна сама по себе – кому принадлежит объект, – т.е. ее статичное состояние, то с экономической точки зрения интересна цель ее использования. Экономике интересуют динамичное состояние собственности: с одной стороны, динамика, т.е. использование, самого объекта – его функционирование во внешней среде (причем применение здесь понятия "динамика" как развития объекта не приемлемо, так как любое внутреннее противоречие влечет изменение самого объекта, а значит, замену его новым); с другой стороны, динамику отношений собственности можно понимать как поиск оказывающих влияние на величину присваиваемых доходов оптимальных взаимосвязей субъектов по поводу использования определенного объекта.

Интеллектуальное наполнение отношений собственности заключается в том, что объектом присвоения становятся результаты интеллектуальной деятельности.

Не субстанции материального мира – в центре интересов субъектов присвоения, а нематериальные субстанции: идеи, информация, знания, опыт, выраженные через материальные носители.

Право определяет интеллектуальную собственность как исключительное право гражданина или юридического лица на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, работ, услуг.

Ядро данного определения – результаты интеллектуальной деятельности, на нем построено и определение ИС с экономической точки зрения.

Под результатами интеллектуальной деятельности понимается любая полезная для получателя информация, являющаяся производной от входящей информации, подвергшейся интеллектуальной переработке.

Смежной для категории "результаты интеллектуальной деятельности" является категория "интеллектуальный продукт". В понятии интеллектуального продукта подчеркивается завершенность результатов интеллектуальной деятельности, оформленная в виде технических или конструкторских решений, технической документации, методик, отчетов о результатах НИР, произведений искусства, литературы и т.д. Однако не всегда результаты интеллектуального труда получают завершенную форму, позволяющую судить о содержании как цельном предмете изучения. Очевидно, что только те результаты, которые представлены в виде, доступном изучению, могут лечь в основу права собственности, т.е. быть присвоенными.

Исходя из этого, категорию ИС можно понимать как систему отношений, возникающих в процессе создания и использования интеллектуального продукта, а также распределения результатов этого использования. В данном определении соединены ключевые составляющие системы отношений собственности: права владения, пользования и распоряжения объектами собственности, а также главная характеристика объектов – их принадлежность к интеллектуальному продукту. Выделение в самостоятельную категорию группы объектов интеллектуальной природы необходимо для выявления специфических черт данных объектов и определения их места и роли в общественном производстве.

Рассмотрим отдельные стороны проявления специфики ИС.

Во-первых, интеллектуальный продукт как основа ИС имеет особую, нематериальную, форму: он существует в виде знаний и информации; материальными являются лишь носители этой информации – бумага, дискеты и др. Однако когда говорится о завершенной форме результатов интеллектуальной деятельности, имеется в виду неразрывное единство содержания и формы. Иначе говоря, установить право собственности можно лишь на тот нематериальный продукт, который можно идентифицировать с аналогами.

Во-вторых, интеллектуальная собственность обладает качеством особого рода: лежащий в ее основе интеллектуальный продукт способствует расширению или улучшению качественного состава интеллектуального потенциала обладателя этого продукта. Причем в интеллектуальный потенциал здесь включаются и научно-техническая, и производственная составляющие.

В-третьих, по отношению к ИС отчуждение особого рода проявляется как частичное, с сохранением за субъектом авторского права на интеллектуальный продукт. Это означает, что при частичном отчуждении интеллектуальный продукт может быть использован другим субъектом, причем в процессе использования объекта каждый новый пользователь получает доступ как к его форме, так и к содержанию, но права на распоряжение объектом он не получает.

В-четвертых, интеллектуальный продукт может иметь особую форму использования путем тиражирования, что не означает его воспроизводства, как это происходит с материальными объектами. Многократное повторение в процессе производства материальных объектов – это создание новых объектов, на каждый из которых возникает отдельное право собственности субъекта. Многократное повторение объекта интеллектуальной собственности – это его использование.

В-пятых, важной составляющей совокупного права собственности на интеллектуальный продукт является охрана индивидуального авторского права.

Защита авторского права является юридическим актом, утверждающим право собственности, который, однако, не является определяющим условием достижения желаемого результата при использовании конкретного объекта. Для многих видов интеллектуальных продуктов охрана авторского права выражается в официальной демонстрации достигнутого результата, позволяющей утверждать право собственности на него.

Таким образом, категория "интеллектуальная собственность" является конгломератом юридического факта принадлежности интеллектуального продукта определенному владельцу с соответствующей защитой этой принадлежности и экономической целесообразности применения данного продукта в той или иной области общественного производства. Сущность ИС как экономической категории проявляется именно в неразрывной связи этих двух составляющих, так как первая составляющая без второй является чисто юридическим понятием, но в то же время не все объекты ИС удовлетворяют требованиям экономической целесообразности.

Особенности основных составляющих отношений собственности для ИС проявляются в различных функциях. Так, функция владения фиксирует принадлежность объекта тому или иному субъекту и устанавливает собственника интеллектуального продукта следующими путями: созданием объекта (т.е. продукта интеллектуальной деятельности), финансированием процесса создания (т.е. использованием факторов производства, необходимых для создания продукта), наследованием права собственности, продажей объекта с полным правом собственности.

Однако что касается права собственности, возникающего на основании трудового участия работников, не являющихся авторами идеи, то здесь не возникает автоматического права лишь на основании факта участия. Здесь возникает другая проблема – разграничение прав собственности на созданный объект в тех случаях, когда создание и финансирование создания объекта ИС осуществляется разными субъектами: каждая из сторон осуществляет участие в процессе создания ИП в соответствии с главным критерием – определением степени участия принадлежащих ему факторов производства, без которых данный объект не мог бы быть создан (материальные факторы – со стороны финансирующей стороны, и нематериальные – интеллект – со стороны автора).

В соответствии с функцией пользования специфичность объектов ИС проявляется в их качественном предназначении: они либо являются вспомогательным инструментом для другой деятельности (информация), либо являются необходимой составляющей процесса производства (новые технологии; ноу-хау производственного характера), либо являются базой для НИОКР (результаты НИОКР, научно-техническая документация).

В функции распоряжения специфика ИС проявляется в том, что основной формой распоряжения выступают лицензионные договоры. Объем и характер передаваемых прав определяется собственником, но доля участия в доходах, получаемых за счет использования объекта лицензии (или реализации лицензионной продукции), определяется не первоначальной стоимостью объекта лицензии, а его потенциальным производственным эффектом для конкретного пользователя (лицензиата). Продажа (или передача) объекта ИС с полным правом собственности встречается довольно редко, этот случай скорее можно рассматривать не как правило, а как исключение.

Несмотря на то, что основополагающей составляющей ИС является правовая защищенность объекта, по ее специфическим признакам необходимо рассматривать объект как результат интеллектуальной деятельности.

С точки зрения интеллектуального наполнения содержания ИС, объекты, относящиеся к ней, должны соответствовать следующим признакам:

- 1) являться результатом интеллектуальной деятельности независимо от формы, в которой они представлены;
- 2) иметь новизну, т.е. нести в себе отличие по содержанию или форме от существующих аналогов;
- 3) заключать в себе индивидуальность или указывать на индивидуальность субъекта хозяйствования, атрибутом или неотъемлемой частью которого они являются.

Ключевыми понятиями в данной характеристике выступают: новизна, индивидуальность, непосредственное отношение к интеллектуальной деятельности.

В соответствии с выделенными признаками можно сгруппировать виды ИС и дать им характеристику. Первая группа объединяет те виды ИС, объекты которых представляют собой результат деятельности в области науки, техники, производства (объекты промышленной собственности): изобретения, промышленные образцы, ноу-хау промышленного и технического характера, полезные модели. В объектах этой группы явно проявляются все три названных признака.

Вторая группа объединяет собственно объекты ИС, защищаемые авторским правом: произведения науки, литературы и искусства, программные продукты, информационные системы и базы данных, научные открытия.

Здесь очевидно присутствие первого и третьего признаков, однако что касается второго признака, то он представлен неявно, так как не все виды интеллектуальной деятельности явно отличаются от аналогов, отличие можно установить только путем сравнения с наличными данными.

Третья группа – это товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, коммерческие обозначения, защита от недобросовестной конкуренции, гудвилл. Это группа объектов, называемых средствами индивидуализации субъектов хозяйствования. Индивидуальность как главное качество составляет основу этого определения, т.е. относится к третьему признаку. Но третий признак – производная величина первого и второго признаков. В самом деле, за счет чего достигается индивидуальность? За счет приобретения таких свойств и особенностей, которые отличают субъект от аналогичных. Атрибуты субъекта хозяйствования, отличающие его от аналогов (товарные знаки, знаки обслуживания и др.), – это формальное выражение качественного содержания субъекта: качество продукции, работ или услуг (товарный знак), качество работы предприятия, его престиж и положение на рынке (фирменное наименование), производственные и организационные связи, профессиональный и интеллектуальный потенциал, авторитет предприятия (гудвилл) и т.д. Качественные показатели продукции и управления, положение в конкурентной среде, профессиональный и интеллектуальный потенциалы предприятия имеют в своей основе интеллектуальную деятельность.

Если учесть, что любой интеллектуальный и приравненный к нему продукт становится объектом собственности в момент, когда зафиксированы или оглашены (обнародованы) его форма и/или содержание, заключающие в себе определенную потребительную стоимость, можно сказать, что с экономической точки зрения объекты ИС интересны и реализуются не как охранные документы, за которыми стоит приоритет научно-технической новизны, а как субстанции, содержащие эту новизну.

В продуктах интеллектуального труда проявляется высшая степень индивидуализации труда, ибо его основа – процесс мышления. ИС, основанная на результатах интеллектуального труда, является высшей формой частной собственности, которая является собственностью на индивидуальность.

Н.А.САВЕНКОВА

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Содержание современной экономики определяет прежде всего процесс преобразования отношений собственности, в ходе которого происходят разложение и внеэкономическая ликвидация государственно-бюрократической системы, легализация криминальной собственности, спонтанный рост частной собственности на основе первоначального накопления капитала, а также параллельная трансформация формально частной или смешанной собственности.

В результате развивается своеобразная олигополистическая конкуренция: множество сталкивающихся между собой корпораций, отличных от рыночных, ибо они далеки от задач долгосрочной максимизации прибыли и “привязаны” к росту корпоративной власти, своеобразному корпоративно-бюрократическому

партнерству. Главным фактором конкуренции в такой экономике становятся не издержки и цены, а уровень и объем власти, контроль за рынком, производством, социальными процессами, статус предприятия, близость к ресурсам, степень сращивания с государственным аппаратом. В этих условиях становятся "нормой" неплатежи, бартер, преобладание в расчетах иностранной валюты над национальной, деформация цены (под воздействием локального контроля корпораций и государства), ценовая дискриминация.

В современной белорусской экономике сложился особый тип монопольного хозяйства и самих монополий, отличных от классических рыночных. Это проявляется в специфических формах и условиях хозяйствования, вызванных особенностями социально-экономического развития Республики Беларусь в составе СССР, а также в формальном лидерстве и подчинении вышестоящим инстанциям, а не в обладании монопольной властью. Республика Беларусь была включена в систему союзного разделения труда: обеспечивала потребности союзного рынка, функционировала на базе привозного сырья, топлива. Развитие экономики РБ в течение многих лет в системе общехозяйственной специализации привело к масштабному монополизму основных производителей на белорусском рынке. Монополия конкретного предприятия опосредовалась монополией государства. Министерства преобразовались в концерны (Беллеппром, Беллеспром и т. д.), союзные предприятия машиностроения, химической, медицинской, нефтехимической и другой промышленности вошли в Госпром (Минпром), что привело к созданию гигантских структур, эффективность функционирования которых сомнительна. В экономике РБ сегодня господствует монополия государственной собственности – по содержанию, а по форме – олигополия (наличие ограниченного числа производителей однотипной продукции, взаимозаменяемой, но не идентичной).

Как известно, чистая монополия и конкуренция не исключают друг друга, а переплетаются. Модель современной чистой монополии достаточно известна и исследована. В полностью монополизированной отрасли равновесие поддерживается меньшим, чем в условиях свободной конкуренции, выпуском продукции, но более высокими ценами. Для реальной рыночной экономики ситуация чистой монополии так же маловероятна, как и ситуация свободной конкуренции.

В промышленности РБ функционирует более 60 хозяйствующих субъектов, которые являются единственными производителями определенного вида товара (производство черного, цветного металлов, фосфорных удобрений, синтетических смол, резиновых изделий и т. д.)¹. Большинство предприятий сосредоточило у себя весь объем производства определенного вида продукции (Гомельский химический завод, Солигорский "Белорускалий", Минский тракторный завод, Минское ПО "Атлант" и др.)².

Уникальность отечественных монополий заключается в том, что многие из них находятся в крайне тяжелом финансовом положении, а некоторые – на грани банкротства. Наличие устаревшего оборудования, затоваривание продукцией вследствие потери рынков сбыта, отсутствие средств на выплату заработной платы, низкая рентабельность – таков далеко не полный перечень признаков отечественных монополий. В современных условиях монополизм отдельных хозяйствующих субъектов, обусловленный потерей управляемости экономикой и преждевременной либерализацией цен, проявился в необоснованном росте последних, сокращении объемов производства, в навязывании обременительных условий заключения договоров и т. п. Альтернативой монополизму может стать экономическая свобода многих хозяйствующих субъектов, создающая предпосылки для развития конкуренции.

Очевидно, что замена планового хозяйства рыночным потребует много лет. И никакие экономические мероприятия центральной власти – либерализация цен, приватизация, финансовая стабилизация и т. п., в каком бы темпе и в какой бы очередности они не проводились, – сами по себе не способны предотвратить закономерный спад производства.

Специфику данного процесса определяет поведение производителей, которое во многом испытывает воздействие старых стереотипов, хотя изменяются

параметры внешней среды, в которой функционируют производители, и их внутренняя мотивация (целевая функция бывших государственных предприятий). Формирование новых стереотипов поведения – процесс достаточно длительный и сложный, зависимый от разных факторов. Во-первых, наблюдаются значительные и непрерывные изменения политической среды; во-вторых, неблагоприятное влияние кризиса осложняет поведение предприятий, а руководство не всегда понимает, чем уже можно поступиться ради максимизации прибыли, а чем еще нельзя. В текущей ситуации, главная и самая трудная задача производителей продукции заключается в том, чтобы как-то вписаться в сложившиеся ограничивающие условия, а не в том, чтобы что-то максимизировать в рамках этих ограничений. Третьим фактором выступает устаревший опыт определения того, что для предприятия “хорошо”, а что “плохо”. К тому же в директорском корпусе над многими давит инерция идеологического компонента хозяйственной мотивации. Приоритет “социальной справедливости” и “общественной пользы” как слагаемых экономической эффективности стал традицией действовать “по-старинке”. Отсюда попытки перенести навыки устаревшего хозяйственного механизма на новую почву, воспроизвести прежний стереотип поведения в максимальном объеме.

Достижение целей планового предприятия в недавнем прошлом нередко сочеталось с производством нерентабельного продукта. Преследуя нерыночные цели, предприятия продолжали расширять выпуск продукции, невзирая на ее низкую рентабельность, убыточность. Расширение выпуска продукции современным рыночным предприятием сдерживает низкая эффективность производства. Необходимость же ликвидации нерентабельных и малорентабельных участков ведет к сокращению всего производства, что невыгодно заинтересованным сторонам: трудовому коллективу (сохранение рабочих мест, размер заработной платы), директорскому корпусу (сохранение размера предприятия, социального статуса), инвесторам и акционерам (размер собственности и доходов). В таких условиях прекращение нерентабельных производств еще долгое время будет неприоритетным. Исследования, проведенные экспертным институтом Российского союза промышленников и предпринимателей, показали, что приоритетными целями руководителей многих предприятий являются поддержание или увеличение объема производства, сохранение числа занятых, а рейтинг цели максимизации прибыли намного ниже³. Итак, если внешние условия деятельности предприятия претерпели существенные изменения в сторону рынка, то во внутренней, мотивационной, сфере прогресс значительно скромнее.

Все многообразие типов поведения предприятий условно можно представить тремя обобщенными моделями. Первая модель – консервативного поведения предприятия, которое во многом инерционно. Сохраняются преимущественно старые связи, затратная модель ценообразования является единственным методом установления цен, сохраняется старый кадровый состав предприятия, несмотря на падение производительности труда, увеличение издержек производства на выпуск единицы продукции. Руководство предприятия продолжает финансировать начатые инвестиционные программы, несмотря на их неэффективность в новых условиях. Политика в области заработной платы формируется под давлением трудовых коллективов, рост же заработной платы зависит не от результатов экономической деятельности предприятий, а от роста потребительских цен в стране (или, еще хуже, от объема льготных кредитов). Такого типа предприятие в лице своего руководства не готово экономить на финансировании социальных программ. Для данной модели характерны и устаревшая структура организации производства, и осторожность при вступлении в новые объединения: обычно такие предприятия остаются в составе концернов, ассоциаций, учреждений на базе министерств, и возникшие проблемы решают традиционным образом: ждут решения на государственном уровне.

Вторая модель – активного приспособления, ее основу составляет стратегия самостоятельного выживания. Ставка делается на собственные силы, собственные ресурсы. В отличие от консервативного поведения деятельность предприятий данной модели поведения активна во всех отношениях. Предприятия

активно ищут и устанавливают новые хозяйственные связи, пытаются расширить географию сбыта, выйти на внешний рынок, приспособить структуру производства к требованиям рынка, выпускать рентабельные виды продукции, находящие сбыт. Предприятия применяют гибкое ценообразование, т.е. устанавливают цену в зависимости от возможностей покупателей или ориентируются на биржевые, аукционные цены и т. п. Они свертывают неэффективные инвестиционные программы и активно занимаются поиском инвестиций под программы, дающие быстрый эффект. Ради этого многие руководители готовы на ликвидацию убыточных производств или свертывание деятельности предприятия в целом. Перестраивается также и организационная структура, в частности наделяются самостоятельностью структурные звенья предприятия, создается сеть дочерних предприятий, филиалов и т. п. Устанавливается жесткий режим экономии, включающий снижение себестоимости, сокращение лишних работников. Оплата труда производится в зависимости от результатов деятельности, а также от выбранной финансовой стратегии (обеспечение конкурентоспособности продукции, стабильности сбыта и т. д.). Отметим, что выбор рыночной модели, если не разрушает, то существенно сужает сферу неформальных отношений между руководителями предприятий, в частности традиционное безоглядное доверие, вера на слово подрываются хронической неплатежеспособностью контрагентов. К тому же актуальная ситуация конкуренции побуждает предприятия "закрывать", засекречиваться друг от друга, чтобы обезопасить себя уже в рамках формального партнерства.

Третья модель – смешанная, когда еще не сложился окончательный выбор модели. Предприятия могут опираться в одних ситуациях на помощь государства (льготы, кредиты и т. д.), а в других – на собственные силы. Процессы модернизации на этих предприятиях происходят медленнее, чем на предприятиях второй модели.

Представленная классификация предельно упрощена. На практике конкурентное поведение предприятий гораздо сложнее и зависит от различной комбинации факторов, благоприятствующих выбору того или иного типа поведения. Уже сложился широкий "разброс" вариантов поведения предприятий в рамках трех названных моделей. Однако выделение основных моделей позволяет уловить направления развития предприятий, важнейшими объективными факторами поведения которых являются следующие: форма собственности, производственная мощность, отраслевая надежность, монопольное положение, возможности экспорта, зависимость от зарубежных связей, особенности государственного регулирования, развитость социальной инфраструктуры. Для некоторых предприятий нет необходимости изменять характер своего поведения и приспосабливаться к требованиям внутреннего рынка (монополисты, экспортные предприятия), ибо их традиционная продукция пользуется большим спросом. Другие предприятия по объективным причинам не могут включиться в рыночные отношения. Если они будут ориентироваться на требования и возможности рынка, то вероятность их банкротства возрастает, ибо высоки их расходы на содержание социальной сферы. Иногда это объясняется, во-первых, неумением и некомпетентностью руководителей (понимают необходимость выпуска новой продукции, но не знают, что им выпускать); во-вторых, неопределенностью государственной экономической политики, в частности промышленной, отсутствием четко сформулированных государственных приоритетов и целей.

В рамках основных моделей поведения выделяется несколько стратегий выживания, отличающихся выбором того звена в деятельности предприятия, которое способно "вытянуть всю цепочку" (то, на что конкурентное предприятие "делает упор" в своей деятельности). Это стратегии развития экспорта (разработка специальных инвестиционных программ, программ модернизации и реконструкции с привлечением прямых зарубежных инвестиций и кредитов), диверсификации деятельности или самого производства, структурных изменений (децентрализация управления, формирование финансово-промышленных групп), финансовой политики, маркетинговой стратегии и др.

Каковы же предпосылки наиболее успешной реализации перечисленных стратегий? Сформулируем основные условия успеха: 1) стратегическое видение ситуации – определение общей цели предприятия; 2) сплоченность управленческой команды; 3) активная заинтересованность администрации предприятия в сохранении социальной инфраструктуры, обеспечении его материальной поддержки (смягчение влияния негативных факторов), в защите локальных рынков от конкуренции и расширении зон сбыта продукции.

Таким образом, в процессе экономических преобразований на первых порах формируется новый тип предприятия, не являющийся ни социальным, ни рыночным. Предприятия в этот период ориентируются на выживание и пытаются обеспечить продолжение своей деятельности в крайне нестабильных институциональных условиях. Новый тип предприятия формируется в процессе разрешения наиболее острых проблем, осложняющих их экономическое положение: рост издержек производства под влиянием повышения цен на энергоносители, падение валютного курса и удорожание импорта, инфляционные ожидания, высокая степень монополизации производства. Все это осложняет возможности прогнозировать финансовое положение, оценивать финансовые результаты, планировать свою деятельность. Увеличению издержек и использованию “дорогих” кредитов способствует и политика постоянного повышения заработной платы. Текущие проблемы отвлекают руководителей предприятий от актуальных стратегий развития. Как правило, краткосрочные инвестиции вкладываются туда, где особенно требуются (освоение новой продукции, совершенствование технологий и т. п.). Это обеспечивает быструю отдачу вложений, а также ассортиментные сдвиги в производстве продукции. Что же касается крупных инвестиционных проектов, то у большинства предприятий не хватает на это средств. Такие проекты осуществимы только с участием иностранных инвесторов или с помощью государства в виде льготных кредитов или бюджетного финансирования. Немаловажен и доступ к долгосрочным кредитам либо при помощи отраслевых объединений, либо через участие в учреждении банка, так как долгосрочных кредитов, предоставляемых на рыночных условиях, практически нет.

Итак, наши предприятия медленно адаптируются к новым рыночным условиям. Более того, эту адаптацию нельзя однозначно охарактеризовать как овладение основами рыночного поведения. К тому же в современной белорусской экономике значительную роль играют корпоративные структуры, в основном представляющие собой реорганизованные структуры отраслевых министерств и их подразделений. Многие предприятия продолжают входить в подобные структуры, которые помогают им в снабжении, сбыте, внешнеэкономической деятельности, обеспечивают финансовую поддержку и создают условия для лоббирования их интересов верхними эшелонами власти.

¹ Санько Г. // Финансы, учет, аудит. 1995. №2. С.16.

² Она же // Там же. №4. С.7.

³ Российские предприятия: процесс адаптации. М., 1993. С.11.

В.Г.БУЛАВКО

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

До недавнего времени у нас бытовало представление о социалистическом государстве как едином предприятии, которое всегда эффективно работает на основе планомерной организации и централизованного нормирования и гарантирует всем определенную социальную защиту. Однако вывод об эффективности сознательного управления общественным производством не подтверждался данными современных научных исследований и практики. Доказано, что сознательно можно управлять лишь в тех пределах и с учетом такого количества взаимосвязей, которые воспринимаются управляющей системой. Сам человек, находясь в реальном многомерном мире, в состоянии фиксировать и контроли-

ровать процессы лишь в двух-трехмерном измерении, не представляя, как они протекают в других измерениях. Понятно, что народное хозяйство страны по количеству и сложности взаимосвязей и занятых в нем работников превосходит самые крупные предприятия и управлять им во много раз сложнее.

"Преимущества" планомерного управления народным хозяйством высветили и такие пороки, как монополизм, товарный и сырьевой дефицит. Сложившееся в советской науке и практике мнение об эффективности планового управления экономикой, хотя и служило долгое время базовой основой учения для экономических дисциплин, теоретически не было обосновано. Поэтому и в настоящее время для большинства руководителей экономика остается директивно управляемой машиной, а рынок представляется базаром, который никак не вписывается в технократически-приказные методы руководства. И когда госпредприятия начали повышать цены в соответствии с требованиями рынка, большинство хозяйственных и политических руководителей предпочли выдвинуть в качестве встречных мер административные.

Такая реакция убеждает в том, что совершить прыжок из одного положения экономики в другое и оказаться сразу в рынке невозможно. Чтобы осилить эту сверхзадачу, необходимо прежде всего качественно преобразовать сущностные основы управления экономикой и ее организационные структуры, а затем, на "вновь созданном фундаменте", сформировать новый хозяйственный механизм, адекватный рыночным отношениям. Однако отдельные ученые, экономисты, руководители, хозяйственники ратуют за немедленный переход к рыночным отношениям, что, по их мнению, может стать эффективным "лечением больной экономики" и выводом ее из кризисного состояния. В то же время значительная часть ученых, экономистов, руководителей, хозяйственников, а также населения продолжают оставаться во власти сомнений: не усугубит ли и без того тяжелое положение в экономике и жизни общества такой переход к рыночным отношениям, и в какой мере рыночные отношения согласуются с уже намеченными планами улучшения экономического положения?

В условиях рыночных отношений функционирование хозяйственного механизма зависит в первую очередь от действия экономических законов, а также выработанных наукой и проверенных практикой принципов хозяйствования, которые обеспечивают эффективные внутренние стимулы развития общественного производства, побуждают производителей работать на потребителей. Чтобы начинить такой механизм новыми элементами, определить его сущностную основу и придать ему соответствующую направленность и целостность, вначале надо выяснить: что такое рынок? Тождественно ли понятие "рынок" понятию "рыночные отношения"? И только после этого установить, возможно ли посредством использования их в короткие сроки добиться стабилизации народного хозяйства, а затем перейти к рыночной экономике, обеспечив при этом социальную защищенность населения.

Нам представляется, что под рынком следует понимать экономический механизм регулирования народного хозяйства, действие которого, в первую очередь, направлено на более тесное соединение рабочей силы со средствами производства, сопоставление индивидуальных затрат труда с общественно необходимыми, определение потребительских свойств продуктов труда свободных товаропроизводителей и установление на этой основе оптимального соотношения между спросом и предложением. При таком условии каждый гражданин страны сможет купить или заказать товар по своему усмотрению в любом городе или поселке. Только при таком рынке можно говорить о внедрении настоящего хозрасчета в виде коммерческих структур.

Из данного определения вытекает, что рынка не может быть без свободных товаропроизводителей. А свободный человек — это прежде всего человек экономически независимый, собственник, в том числе располагающий правом собственности на продажу не только произведенных для этих целей продуктов собственного труда, но и своей способности к труду. Следовательно, надо полагать, что система экономических отношений станет рыночной лишь тогда, когда товаром наряду с продуктами труда станет и рабочая сила.

Экономическая свобода зависит, в первую очередь, от форм собственности. Если руководствоваться диалектическим методом исследований данного процесса, то многообразие форм собственности окажется одним из главных элементов хозяйственного механизма, действующего в условиях рыночных отношений. Основными элементами этого механизма будут выступать: рынок, конкуренция, устойчивая денежная единица, внешнеэкономическая деятельность, а его базу, фундамент, будет составлять капитал.

Структуру нашего хозяйственного механизма и хозяйственного механизма в условиях рыночных отношений можно представить так. Если нашему хозяйственному механизму свойственны такие элементы, как планирование, ценообразование, организация заработной платы, стимулирование труда, хозрасчет, то в течение переходного периода осуществляется замена элементов старого хозяйственного механизма новым, который отличается созданием системы, обеспечивающей баланс экономической эффективности и социальной справедливости, предоставляющей равные возможности всем гражданам для гармоничного развития и полноценного использования их способностей. Хозяйственный же механизм, адекватный рыночным отношениям, включает такие элементы, как многообразие форм собственности, рынок, конкуренцию, устойчивую валюту, государственное регулирование экономики.

Создать новый хозяйственный механизм не просто. Эта задача усложняется еще и тем, что одновременно с перестройкой и заменой элементов ныне действующего хозяйственного механизма на новые необходимо полностью изменить и его сущностную основу. Но пока еще не до конца выясненным остается один из главных вопросов: какой по продолжительности необходим переходный период, в течение которого возможно было бы создать нормальные стартовые условия для функционирования вновь созданного хозяйственного механизма?

Анализ развития нашей послевоенной экономики позволяет констатировать, что наиболее высокого уровня она достигла в 1990 г., хотя и тогда далеко отставала по этому показателю от развитых капиталистических стран.

По данным Атласа Всемирного банка, валовой национальный продукт (ВНП) Беларуси на душу населения составлял в 1990 г. 3330 долларов (в США – 22380, в ФРГ – 22720), а в 1995 г. – только 2000 долларов. Показатель 1995 г. в 2000 долларов еще не плох в сравнении с успешно развивающимися странами (Турция – 2,3 тыс. долларов, Польша – 2,4, Чехия – 2,7, Венгрия – 3,4, Чили – 3,5 тыс. долларов). Выйти же нам в ближайшей перспективе на жизненный уровень развитых стран мира представляется нереальным. Если бы ведущие страны вдруг остановились в своем развитии, то при 10%-ном ежегодном экономическом росте получать 23–24 тыс. долларов валового национального продукта на душу населения мы смогли бы только через 26 лет. В 1991 г. Беларусь и Россия достигли производства ВНП в текущих ценах в расчете на душу населения выше среднего уровня СНГ примерно в 1,2 раза; в 1995 г. Россия превысила средний по содружеству показатель в 1,6, а Беларусь – в 1,1 раза.

По нашему мнению, дальнейшее развитие экономики страны возможно по трем направлениям. Первое – по пути развитых капиталистических стран. В этом случае ориентиром развития экономики будет служить путь, пройденный капиталистической цивилизацией. Для нашей практики появится возможность использовать уже накопленный опыт и наработки данной системы хозяйствования. Однако реализация этих преимуществ возможна лишь при условии осуществления сущностных преобразований в общей системе экономических отношений и, самое главное, – в системе собственности.

Для этого нашей экономике необходимо провести приватизацию государственной собственности, одновременно перестраивая соответствующим образом хозяйственный механизм, что позволит максимально приблизиться к условиям и уровню экономики развитых стран. Начатая же в нашей стране чеховая приватизация проводилась локально, изолированно, в отрыве от других актуальных мероприятий по разгосударствлению собственности. По этим и другим причинам должного развития она не получила и фактически никто из нас владельцем какой-либо госсобственности не стал. Выявились лишь попытки некоторых дельцов использовать ее в целях личной наживы.

Как свидетельствует зарубежная практика, такие "преобразования" однозначно сопровождаются заметным снижением темпов общественного производства, уровня жизни, вероятностью попадания общества в зону хаоса, абсолютного обнищания и попрания человеческих прав, что в том или ином виде уже находит проявление в нашей повседневной жизни.

Второе – развитие по консервативному пути, которое, думается, в определенной мере отражает состояние нашей экономики в настоящее время. В условиях продолжающейся поляризации политических сил и тенденций, определенной консолидации оппозиционных сил, "пробуксовки" экономической реформы и нарастания кризисных явлений у нас происходит реанимация антирыночных концепций. Опасность здесь заключается в том, что формирующиеся позиции в значительной степени отражают интересы наиболее консервативной части аппарата власти, а обострение политической борьбы в определенной мере способствует порождению борьбы экономической, которая ныне находит одностороннее выражение в форме декретов, указов, распоряжений, т.е. директивных начал. Здесь явно просматривается тенденция на свертывание нарождающихся рыночных отношений, и наоборот – расширение масштабов рационализирования потребления, административных мер борьбы с новыми формами хозяйствования: кооперацией, арендой, фермерством, акционированием. И даже если нам представится возможность восстановить разорванные производственно-экономические связи со странами СНГ, сохранить наметившийся рост валового продукта, промышленной и других видов продукции, наша экономика подняться выше уровня 1990 г. не сможет. Практически возможности дальнейшего развития экономики будут исчерпаны еще на этапе становления и выхода из кризиса.

Совершенно очевидно, что и первое и второе направления развития экономики смогут осуществиться за относительно продолжительные периоды, измеряемые десятилетиями. В сложившихся условиях они не могут стать ориентирами быстрого и эффективного вывода народного хозяйства из кризисного состояния. Какой же путь развития избрать нашей экономике, чтобы уже к 2000 г. выйти из экономического кризиса?

Нужно принимать экстренные и кардинальные государственные меры по стабилизации экономики и снятию кризисной напряженности. Такие меры, особенно в отраслях, определяющих экономическое положение страны, должны носить чрезвычайный характер и обеспечивать проведение жесткой социальной и финансово-кредитной политики. В них должна прослеживаться четкая система слаженных действий центра и областей по разрешению главной проблемы формирования рыночных отношений – утверждения многообразных форм собственности. Этот процесс может осуществляться в формах: 1) разгосударствления собственности посредством вывода большинства крупных предприятий из-под непосредственного государственного управления с продажей или передачей части акций населению; 2) приватизации – путем продажи или передачи мелких предприятий в частную собственность. Данные мероприятия должны сопровождаться проведением государством жесткой налоговой политики с одновременным стимулированием хозяйственной активности, рационализацией производства с целью создания новых рабочих мест и максимального предотвращения безработицы. Незамедлительное осуществление этих мер позволит уже в текущем году добиться определенной стабилизации экономики и самое главное – убедить население республики в возможностях повышения его жизненного уровня.

В.Е.ЛИЗГАРО

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПАМЯТНИКОВ ПРИРОДЫ

Объявление уникальных объектов (комплексов) природы памятниками — одна из наиболее распространенных форм их охраны. В настоящее время в Республике Беларусь насчитывается более 570 памятников природы. Возросший интерес к этой форме охраны природных объектов объясняется тем, что она имеет специфические достоинства сравнительно с заповедниками, заказниками, национальными парками.

Во-первых, организация и содержание памятников природы не влекут за собой крупных расходов; во-вторых, объявление отдельных объектов памятниками природы не сопровождается изъятием больших территорий из хозяйственной эксплуатации; в-третьих, повышается ответственность местных исполнительных и распорядительных органов, предприятий, учреждений и общественных организаций, осуществляющих охрану памятников природы¹.

Закон Республики Беларусь "Об охране окружающей среды"² от 26 ноября 1992 г. определил, что к особо охраняемым объектам природы относятся государственные заповедники, национальные парки, заказники, памятники природы, а также животные и растения, занесенные в Красную книгу Республики Беларусь.

Принятие Закона Республики Беларусь "Об особо охраняемых природных территориях и объектах"³ открывает новый этап в развитии законодательства о памятниках природы. Согласно данному закону, особо охраняемыми территориями и объектами являются территории заповедников, национальных парков, заказников, памятников природы и сами памятники природы. Последние определяются как невозвратные, ценные в экологических, научных, эстетических, историко-культурных отношениях природные объекты естественного происхождения, в отношении которых установлен особый режим охраны и использования. В законодательство Республики Беларусь об охране окружающей среды, которое регулирует правовой режим памятников природы, входят также специальные нормативно-правовые акты. К ним, прежде всего, относится "Положение о памятниках природы в Республике Беларусь", утвержденное решением коллегии Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды 28 февраля 1995 г.

В связи с разнообразием памятников природы необходима их научная классификация, основанная на различных критериях. В зависимости от экологической и научной ценности памятники природы объявляются на различных уровнях государственного управления и соответственно получают административно-правовой статус *республиканского и местного значения*. Объявление природных объектов памятниками природы республиканского значения — это процесс, осуществление которого возлагается на Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь по согласованию с соответствующими местными исполнительными и распорядительными органами. Природные объекты объявляются памятниками природы местного значения

местными исполнительными и распорядительными органами. Таким образом, одним из основных критериев классификации памятников природы в законодательстве является их ценность. Неоспоримо утверждение О.С.Колбасова, что ценность не может быть определена с точки зрения коммерческих интересов, но она возрастает со временем и тем больше, чем сильнее развивается промышленность и сельское хозяйство, энергетика и транспорт, градостроительство и другие атрибуты современного общества⁴. Однако четкость в определении критериев разграничения памятников природы по данному признаку как в законодательстве Республики Беларусь, так и в законодательстве Российской Федерации достаточна условна.

Следующим критерием классификации памятников природы является *характер объекта*, который объявляется памятником природы. Исходя из их естественного происхождения, памятники природы можно подразделить на: *ботанические* (произведения садово-паркового искусства, участки леса с ценными древесными породами площадью, как правило, до 100 га, отдельные вековые или редких пород деревья, участки территории с реликтовой или особо ценной растительностью, места произрастания видов растений, находящихся под угрозой исчезновения); *геологические* (обнажения ледниковых отложений, коренных пород; отторженцы, характерные элементы рельефа – камы, озы, а также крупные валуны и их скопления, другие геологические объекты); *гидрологические* (озера, болота, участки рек с поймами, водохранилища и пруды, участки старинных каналов, родники). *Зоологические* памятники природы не выделяются ни в одном законодательном акте Республики Беларусь. Даже в Положении о памятниках природы, где дается перечисление отдельных природных объектов, объявляемых памятниками природы, не называются природные объекты зоологического характера. В научной литературе также этот вопрос не решен однозначно. Лишь в некоторых источниках имеются сведения об объявлении животных памятниками природы⁵. Вместе с тем существует точка зрения, что природными объектами могут объявляться не отдельные виды фауны, а места обитания редких или исчезающих видов животных⁶. Необходимо признать данную точку зрения более правильной, так как ошибочно именовать памятниками природы сами ценные или исчезающие виды животных, поскольку их охрана предусмотрена "Законом об охране и использовании животного мира" в иных организационных формах.

Поэтому в законодательстве о памятниках природы целесообразно было бы установить нормы об объявлении памятниками природы лишь мест обитания редких или исчезающих видов животных, организмов и т.п. По этому пути пошли законодатели Литовской Республики, определившие в Законе "Об охраняемых территориях"⁷, что наиболее ценные из охраняемых ландшафтных объектов объявляются памятниками природы, в том числе и зоологические объекты. Ими являются места обнаружения (места размножения и кормления) занесенных в Красную книгу видов животных, места нахождения колоний редких животных, уникальные птичьи гнезда, другие уникалы и реликты деятельности животных. В Законе Украины "О природно-заповедном фонде"⁸ лишь определяется, что одним из видов памятников природы являются зоологические памятники, однако это понятие не уточняется.

По *продолжительности существования* памятники природы нецелесообразно объявлять временными или сезонными, так как это несовместимо с целями их охраны. Однако в законодательстве о памятниках природы не говорится о продолжительности их существования. Поэтому в целях более четкой регламентации правового режима памятников природы в законодательстве следовало бы указать, на какие сроки возможно объявление уникального природного объекта памятником природы.

Очередным критерием классификации памятников природы является *характер или степень охранного режима*. Представляется, что охранный режим памятников природы может быть только абсолютным (полным). Как правило, памятники природы создаются для сохранения отдельных объектов природы в естественном состоянии. В Законе Республики Беларусь "Об особо охраняемых территориях и объектах" устанавливается, что на территориях, где находятся

памятники природы, запрещается любая деятельность, угрожающая их сохранности. Аналогичную норму содержит и Закон Российской Федерации "Об особо охраняемых природных территориях". Но данное положение не исключает вмешательства в целях поддержания памятников в благоприятном состоянии.

Классификация памятников природы осуществляется и *по условиям их функционирования*, когда они подразделяются на поддерживаемые и неподдерживаемые в зависимости от активных или пассивных методов охраны. К активным можно отнести методы, заключающиеся в воздействии на охраняемые памятники природы и окружающие условия с целью обеспечить их сохранность и восстановление. Примерами активных методов могут служить: восстановление лесов – памятников природы или осуществление ремонта памятников. Пассивные методы охраны заключаются в предотвращении вредного внешнего воздействия на памятники природы. Установление границ, ограждений, запрещение угрожающей им деятельности человека, охрана от разрушения или порчи – примеры пассивных методов охраны. Но практика требует разумного сочетания активных и пассивных методов.

В системе правовой охраны памятников природы существенное место отводится организационно-правовым вопросам. В ходе их решения определяются характерные черты правового режима памятников природы, пробелы в законодательстве, выявленные практикой его применения, уточняются способы их устранения. Важное значение имеет порядок учреждения и оформления природных объектов памятниками природы, в результате которого природный объект получает юридический статус памятника природы и возникают определенные правовые последствия. Например, права и обязанности организаций и лиц по охране конкретного природного объекта, признанного памятником природы. В сложном процессе учреждения и оформления природных объектов в качестве памятников природы можно выделить четыре этапа: 1) выявление уникальных объектов, нуждающихся в охране; 2) натурное обследование предполагаемого памятника; 3) представление его для утверждения в качестве памятника природы; 4) принятие компетентными государственными органами решения об объявлении уникальных природных объектов памятниками природы. Вторая часть процессуальных отношений, которая формирует памятник природы в юридическом смысле, – оформление памятника природы, складывается из следующих этапов: 1) передача памятника природы под охрану; 2) оформление паспортов на памятники; 3) установление границ памятников в натуре; 4) регистрация.

Процесс учреждения (объявления) памятника природы начинается с *выявления соответствующих природных объектов* на территории республики. К сожалению, до сих пор этот порядок не урегулирован законодательством. На практике это осуществляется двояко. Во-первых, выявление вероятных памятников природы включает составление для компетентных органов аннотированных списков объектов наиболее ценных в научном или рекреационном плане. Во-вторых, выявление объектов – кандидатов в памятники природы – может осуществляться также "стихийно", под влиянием внезапно возникшей или резко изменившейся социально-экологической ситуации на данной территории или в связи с получением новых научных данных. В таком случае список объектов не требуется. На втором этапе уполномоченные органы проводят натурное обследование выявленных объектов. *Натурное обследование* включает: проверку (подтверждение) научной или рекреационной ценности объекта; выявление характера воздействия деятельности человека и ее возможных последствий на сохранность объекта; определение возможного режима охраны; уточнение площади, занимаемой объектом; принадлежность территории, на которой он находится; описание, фотографирование. Проведение всех мероприятий по выявлению и натурному обследованию природных объектов, вероятных памятников природы, оформляется следующими документами: 1) списком объектов, претендентов на памятники природы; 2) научным обоснованием целесообразности учреждения (объявления) памятника природы; 3) картой-схемой расположения будущего памятника природы; 4) планом землепользования; 5) договором-согласованием с землевладельцами, землепользователями, собст-

венниками; 6) фотографиями объекта. После натурного обследования объекта, заслуживающего охраны в качестве памятника природы, соответствующие организации *представляют* его в министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды или в областные комитеты природных ресурсов и охраны окружающей среды (третий этап). На последнем этапе компетентные органы принимают *решение об учреждении (объявлении) памятника природы*.

Вторую часть правового порядка учреждения (объявления) и оформления памятников природы составляет, как уже было отмечено, *процесс оформления*, первый этап которого – *передача их под "охранное обязательство"* – начинается после принятия решения об учреждении памятника.

В соответствии с Законом Республики Беларусь "Об особо охраняемых природных территориях и объектах", передача памятников природы под "охранное обязательство" означает закрепление их за хозяйствующим или иным органом для особой, более высокого ранга охраны (в отличие от остальных хозяйственно-используемых природных объектов). В связи с этим землевладельцы, землепользователи и собственники, на землях которых находится памятник природы, подписывая "охранное обязательство", возлагают на себя функции по обеспечению установленного режима охраны памятников природы. На практике организации, на территории которых находятся памятники природы, не всегда заинтересованы в их охране, которая, собственно, не является их прямой обязанностью. Поэтому часто они принуждаются к этому исполнительными органами или же охрану памятников природы берут на себя школы, детские сады. В случае когда памятники находятся на территории нескольких организаций, они передаются одной из них. Передача памятников природы нередко затягивается из-за отсутствия строго установленного законодательством срока. Поэтому было бы целесообразно установить в Положении о памятниках природы, что такой объект передается под охрану не позднее месячного срока со дня принятия решения об объявлении его памятником.

Почти одновременно с оформлением охранных обязательств на памятники природы происходит *составление паспорта*. Паспорт – это индивидуальный правовой документ памятника, который в соответствии с Положением ведется: на памятники природы республиканского значения – Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды; на памятники природы местного значения – областными комитетами и районными инспекциями природных ресурсов и охраны окружающей среды. В паспорте указывается: наименование, местонахождение, краткое описание памятника природы; его площадь; режим охраны; допустимые виды использования, сезонные и иные ограничения деятельности на территории памятника природы; наименование и юридические адреса собственников, владельцев, пользователей и арендаторов земельных участков, на которых расположен памятник природы, а также наименование и адрес физического или юридического лица, взявшего на себя обязательство по охране памятника природы и обеспечению установленного для него режима. Кроме того, паспорт включает фотографии, иллюстрирующие состояние памятника природы и его наиболее ценных участков или отдельных объектов на момент составления паспорта; карту-схему, позволяющую четко определить границы и местоположение памятника.

Установление границ памятника природы в натуре (на местности) практически начинается со времени его выявления и обследования. Сначала составляется карта-схема расположения природного объекта, намеченного для учреждения памятником природы, а также план (чертеж) землепользования с обозначением границ и площади земельного участка, на котором находится объект. В составлении документов участвуют собственники, владельцы, пользователи и арендаторы земельных участков, а после их утверждения границы памятника природы отмечаются на местности знаками установленного образца.

Необходимо отметить, что памятники природы как земельно-правовое понятие представляют собой довольно сложное явление. Отграничение памятников природы и установление для них особого режима охраны и использования не нарушает административно-территориального деления и не влечет за собой

изъятия земельных участков, на которых они находятся, у землевладельцев, землепользователей и собственников. Территория, занимаемая памятником природы, никому не отводится, хотя и ограничивается на местности с целью установления пространственных пределов действия специального режима памятника, а не для отвода земель. Таким образом, памятник природы по земельному праву представляет собой не особый вид земель несельскохозяйственного назначения, а особый вид несельскохозяйственного земельно-правового режима пользования, который распространяется на определенную местность в дополнение к уже существующим режимам.

Оформление памятников природы – *их регистрация или учет* – регулируется специальным законодательством Республики Беларусь. Согласно Положению о памятниках природы, каждому памятнику природы республиканского значения Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды присваивается регистрационный номер, который одновременно является и номером паспорта. Памятникам природы местного значения регистрационный номер присваивается областными комитетами природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Сохранению памятников природы способствует *охранный режим*, который включает закрепленные в правовых нормах требования и меры двоякого рода, определяющие: 1) сохранение природного объекта в естественном состоянии; 2) условия пользования памятником природы.

Основным правовым вопросом поддержания охранного режима памятников природы является характер их использования в хозяйственной деятельности. Однако правовые требования по данному вопросу в законодательстве об особо охраняемых природных территориях и объектах не сформулированы достаточно четко. В эколого-правовой литературе встречаются утверждения об абсолютном режиме памятников природы, т.е. о полном исключении их из хозяйственной деятельности⁹. Закон Республики Беларусь "Об особо охраняемых природных территориях и объектах" запрещает на территории, где находятся памятники природы, любую деятельность, угрожающую их сохранности. Но это означает, что законодательство не запрещает хозяйственного использования данного природного объекта.

Памятники природы нельзя отнести к ресурсам природы в обычном понимании данного термина¹⁰. Поэтому законодательство должно строго регламентировать их хозяйственное использование. На практике чаще всего осуществляется нехозяйственное использование памятников, которое включает научно-исследовательскую работу, туризм, культурно-просветительную деятельность, направленные на достижение особых эколого-социально-экономических целей.

Находясь под особой охраной государства, объекты природы выполняют и культурно-оздоровительную функцию. Она проявляется в нравственном, просветительном воздействии на человека окружающей среды, в благоприятном влиянии естественных условий жизни на здоровье и трудоспособность человека, его культурный облик¹¹.

Требования охранного режима памятников природы можно подразделить на три группы: требования запрета; условно-допустимых действий; безусловно-обязательных действий. Если требования запрета направлены на то, чтобы исключить совершение действий, связанных с эксплуатацией природных богатств, нарушающей охранный режим памятника природы, то требования условно-допустимых и безусловно-обязательных действий предполагают вмешательство человека в естественный процесс. В Положении о памятниках природы в Республике Беларусь сформулированы конкретные запреты, несоблюдение которых приводит к нарушению охранного режима памятников природы.

Условно-допустимые действия охватывают: научно-исследовательские работы; создание и оборудование туристическими организациями смотровых площадок; расчистку в отдельных местах геологических памятников обнажений коренных пород от осыпей и маскирующей растительности. К условно-допустимым действиям относится также установление охранной зоны, т.е. территории с особым режимом, благоприятствующим сохранению памятника. Хотя Положение не предусматривает установление охранных зон вокруг памятников природы,

в Законе Республики Беларусь "Об особо охраняемых природных территориях и объектах", указывается, что на территориях, прилегающих к памятникам природы, органами, принявшими решение об объявлении их государственными памятниками природы, могут запрещаться проведение работ, размещение новых и функционирование действующих объектов, оказывающих негативное влияние на их состояние.

В действующем законодательстве одним из безусловно-обязательных действий, направленных на сохранение памятников природы, называется реставрация. В соответствии с Положением, реставрация памятника природы проводится в случае необходимости по проектам, согласованным с Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды, — по памятникам республиканского значения; областным комитетом природных ресурсов и охраны окружающей среды — по памятникам природы местного значения.

Итак, создание памятников природы является особой формой охраны уникальных и редких природных объектов Республики Беларусь. Однако даже принятые в последнее время актуальные нормативные акты, регулирующие правовой режим памятников природы, не в состоянии охватить всех проблем нашей динамичной практики, которая требует их постоянного дополнения и уточнения.

¹ См.: Жураев Ю. А. Проблемы правового режима и охраны государственных памятников природы. Ташкент, 1990. С.6.

² См.: Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. №1. Ст.1.

³ См.: Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1994. №35. Ст.570.

⁴ См.: Колбасов О. С. Охота и охотничье хозяйство. 1970. №4. С.17.

⁵ См.: Пысин К. Г. О памятниках природы России. М., 1983. С.4.

⁶ См.: Жураев Ю. А. Указанная работа. С.23.

⁷ См.: Ведомости Литовской Республики. 1994. №2. Ст.17.

⁸ См.: Ведомости Верховной Рады Украины. 1992. №34. Ст.502.

⁹ См.: Петров В. В. Экологическое право России. М., 1995. С.467.

¹⁰ См.: Лаптев И. П. Научные основы охраны природы. Томск, 1970. С.333.

¹¹ См.: Петров В. В. Экология и право. М, 1981. С.27.

И.И.МАРТИНОВИЧ

СУД ПРИСЯЖНЫХ: ОТСРОЧКА ВВЕДЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Одной из фундаментальных новелл белорусского судостроительного законодательства новейшего времени является введение суда присяжных — наиболее совершенной формы участия граждан в осуществлении правосудия.

Согласно ст.8 "Закона о судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь" от 13 января 1995 г., уголовные дела о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде смертной казни, если обвиняемый не признает себя виновным и требует назначения суда присяжных, рассматриваются указанным судом в составе судьи и коллегии из семи присяжных заседателей.

Напомним, что суд присяжных — эта демократическая форма судопроизводства, выработанная в сфере разрешения социально-значимых споров (конфликтов), — не является новой для Беларуси. На наших землях она появилась в виде войтовско-лавницких судов еще в XVI в., а в классической модели (по образцу английского суда присяжных) — в результате судебной реформы 1864 г. Причем, как свидетельствуют современники-профессионалы, деятельность суда присяжных в Северо-Западном крае была вполне удовлетворительной и случаев вынесения неправильных вердиктов (что, как правило, вменяется в вину этому суду) не было¹. Это, однако, не исключало нападков на него со стороны консервативно настроенных представителей власти и общества, особенно в периоды усиления реакции и репрессий.

Советской властью, признававшей сугубо классовый суд, независимый суд присяжных, как и многие другие демократические институты, был отвергнут. Лишь спустя десятилетия глубокие преобразования в государственной и общественной жизни привели к возрождению идеи о суде присяжных как форме

истинного народовластия, прямой, непосредственной демократии, важной гарантии прав человека, независимости и самостоятельности судебной власти.

Вопрос о том, быть или не быть в Республике Беларусь суду присяжных, решался трудно. Было очень непросто заложить идею восстановления этого правового института в проект концепции судебно-правовой реформы, одобренной Верховным Советом Республики Беларусь весной 1992 г. Однако, несмотря на острые дискуссии, эта идея пробилась себе дорогу и нашла отражение в названном документе.

Сложно проходило и обсуждение вопроса о конституционном закреплении положения о рассмотрении некоторых категорий дел с участием присяжных заседателей в парламенте республики. В итоге, в отличие от Конституции Российской Федерации 1993 г. и Конституции Украины 1996 г., белорусский Основной закон как в действующей, так и в прежней редакции не содержит нормы о рассмотрении дел с участием народных представителей. Следует, однако, подчеркнуть, что это не исключает введения такой формы судопроизводства, поскольку в ст. 113 Конституции Республики Беларусь зафиксировано правило о коллегиальном рассмотрении дел в судах, а в случаях, предусмотренных законом, — единолично судьями.

Базовый основополагающий закон о судебной организации — "Закон о судостроительстве и статусе судей", модернизируя судебную систему, предусмотрел, как отмечалось, суд присяжных заседателей, правда, в весьма узких пределах, по ограниченному числу дел (о преступлениях, за которые может быть назначена исключительная мера наказания; если обвиняемый отрицает свою вину в совершении данного преступления; если он требует назначения ему суда присяжных заседателей).

Введение суда присяжных в наше судостроительное законодательство даже в урезанном объеме является несомненным демократическим завоеванием. Суд присяжных станет существенной гарантией защиты прав и свобод граждан, их законных интересов по спорным и тяжким обвинениям. Развернутая юридическая процедура с участием независимых присяжных заседателей и последовательной реализацией всех демократических принципов судопроизводства (в частности, презумпции невиновности, состязательности, обеспечения обвиняемому права на защиту и др.) обеспечит всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора. Повысится профессионализм и воспитательно-предупредительная направленность деятельности всей уголовной юстиции. Важно и то, что суд присяжных является точнейшим показателем (индикатором) состояния политического режима демократии и вектора ее развития к возрождению или закату. "Изучение истории появления и развития суда присяжных от Афинского суда гелиастов до современного суда присяжных в демократических странах наглядно свидетельствует об этом"².

Итак, суд присяжных — это "украшение" белорусской судебно-правовой реформы — законом предусмотрен. Но радоваться еще рано... Срок введения этого правового института в действие, предусмотренный Заключительными положениями вышеназванного закона с января 1996 г., оказался нереальным. Отсутствие финансовых средств, надлежащих материально-технических условий, дефицит квалифицированных кадров и т.п. привели к тому, что по инициативе Верховного суда Республики Беларусь Верховный Совет 7 июня 1996 г. принял закон об отсрочке введения суда присяжных (как и рассмотрение дел по первой инстанции в составе трех профессиональных судей) до 2000 г. Одновременно было утверждено Временное положение о порядке утверждения списков народных заседателей³.

В республике, таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: предусмотренный "Законом о судостроительстве и статусе судей" правовой институт (суд присяжных) не действует, а отмененный новым законом, изживший себя и не поддержанный концепцией судебно-правовой реформы институт народных заседателей реанимирован и продолжает применяться в практике белорусского судопроизводства.

Было бы весьма целесообразно, по примеру России, и у нас вводить суд присяжных поэтапно, на альтернативной основе. Его введение хотя бы в одной из областей республики или в столице позволило бы изыскать необходимые финансовые и материально-технические средства, подобрать и подготовить кадры, накопить необходимый опыт для последующего распространения этой формы судопроизводства и в других регионах Беларуси, что ускорило бы и реформирование уголовного судопроизводства.

Сейчас же есть основания опасаться за судьбу суда присяжных: он может быть похоронен, так и не появившись на свет! На такой пессимистический настрой наводит более чем сдержанное отношение к этому институту определенной части юристов-практиков и ученых, а также отсутствие всякой подготовительной работы по созданию условий для его введения. Между тем без суда присяжных не может быть осуществлена и полноценная судебно-правовая реформа и утвердиться гуманное отношение к правам человека.

Никто не собирается отрицать, что суд присяжных имеет свои уязвимые стороны (сложность и медленность судебной процедуры, дороговизна судебного процесса, наличие эмоций при оценке доказательств). На них обычно и делают акцент его противники. Но достоинства этого суда намного превосходят недостатки. Как указывалось, он может сыграть важную роль в правовом и нравственном развитии народа, воспитании уважения к личности, повышении уровня всей системы правосудия, утверждении независимости и влияния судебной власти. Суд присяжных — не идеальная, но прогрессивная форма разрешения спорных правовых ситуаций. Она в полной мере отвечает двум основным требованиям, которые характеризуют судебные системы демократических государств: участие народа в осуществлении правосудия и независимость суда.

Немаловажно и то обстоятельство, что по действующему белорусскому законодательству суд присяжных ориентирован на рассмотрение небольшого числа уголовных дел об особо тяжких преступлениях. По предварительным подсчетам это примерно около 1% дел, а будет и того меньше, поскольку Уголовный кодекс должен ограничить до минимума применение судом смертной казни. В будущем, при ее отмене, суд присяжных адекватно смог бы рассматривать уголовные дела о преступлениях с длительными сроками лишения свободы.

Хотелось бы подчеркнуть, что за российским экспериментом по введению суда присяжных в некоторых регионах на альтернативной основе⁴ мы следим с неослабевающим интересом и желаем ему успеха. Судя по печати, отношение к этому правовому институту и в России неоднозначно. Да иначе и быть не может. Как мудро заметил почти сто лет тому назад великий юрист А.Ф.Кони, суд присяжных "слишком глубоко затрагивает многие стороны общественной жизни и устройства. Поэтому он всегда и почти повсюду вызывал... нападки на свою деятельность..."⁵ Он высвечивает дефекты в практике судопроизводства, обнажает общественные недуги, не позволяет коррумпированным чиновникам оказывать давление на суд.

Подводя итоги сказанному, надлежит обратить внимание на то, что в целях приближения нашей системы правосудия к европейской модели, содействия процессу интеграции между народами в правовой сфере очень ценна международная поддержка возвращения на белорусскую землю суда присяжных, который у нас неплохо прижился в дореволюционные годы и, будем надеяться, станет функционировать и принесет пользу и в наше время. Как пролог к этому следует рассмотреть проведенную 26–28 ноября 1996 г. в Минске международную конференцию "Суд присяжных в уголовном процессе". Она была организована Белорусским союзом адвокатов, Американской ассоциацией юристов (АВА), Центрально- и Восточно-Европейской правовой инициативой (СИИЛИ) и прошла с большим успехом. На конференции обсуждались актуальные проблемы организации и деятельности суда присяжных в Республике Беларусь, России и США. Впервые в Беларуси был проведен показательный учебный судебный процесс с участием "присяжных заседателей" и американских юристов по реальному российскому уголовному делу, но по законодательству США.

Есть уверенность, что присутствующие (преобладала студенческая молодежь юридических вузов) убедились, что суд присяжных — это истинно народный, независимый, беспристрастный суд, который может функционировать лишь в демократическом гражданском обществе и в цивилизованном правовом государстве.

¹ Кони А. Ф. Собр.соч. М., 1967. Т. 4. С. 280.

² Нажимов В. П., Расторопина А. В., Шенеберг С. В. // Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Проблемы эффективности и практика применения. Калининград, 1996. С. 45—46.

³ См.: Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1996. № 21. Ст. 377, 386.

⁴ См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1313.

⁵ Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 214.

Е. В. НОВИКОВА

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ С УСЛОВНЫМ НЕПРИМЕНЕНИЕМ НАКАЗАНИЯ

Для эффективного действия института условного неприменения наказания требуется тщательно продуманная система организационных мероприятий на период испытания осужденных. Учитывая опыт и недостатки действующего порядка исполнения условного неприменения наказания, равно как и опыт организации системы *пробации* в западных странах, необходимо четко определить и закрепить в законе основные организационно-правовые требования испытания осужденного при условном неприменении наказания. Прежде всего это касается обеспечения контроля за такими осужденными: кто должен осуществлять контроль за их поведением в условиях испытания и проводить с ними воспитательную работу; каким образом такая работа должна организационно обеспечиваться соответствующими обязанностями осужденного в течение испытательного срока.

Любые, удачно разрешенные законодателем и разработанные в теории вопросы (о юридической природе и содержании условного неприменения наказания, основаниях его применения, системе мер испытания) могут быть сведены на нет, если не будут определены строго правовой порядок реализации и система мер обеспечения испытания и профилактики осужденного в течение испытательного срока.

В этой связи представляется очевидным необходимость надлежащего правового урегулирования комплекса вопросов, определяющих не только содержание самого института условного неприменения наказания, но и порядок его реализации, особенно в сфере, касающейся правомочий органов, осуществляющих контроль за осужденными.

Достижение целей уголовной ответственности при осуждении с условным неприменением наказания в значительной мере зависит от своевременного и правильного обращения приговора к исполнению. Согласно закону, приговор об условном неприменении наказания не приводится в исполнение в части назначенного судом наказания при условии, что осужденный в течение испытательного срока не совершит нового преступления и примерным поведением оправдает оказанное ему доверие. В части контроля за поведением осужденного и применения дополнительного наказания (если оно назначено судом) приговор подлежит обращению к исполнению. Распоряжение об исполнении приговора направляется судьей соответствующему органу внутренних дел для взятия такого осужденного на учет и осуществления контроля за его поведением, а в отношении несовершеннолетних — и в комиссию по делам несовершеннолетних. В чем конкретно заключается такой контроль и как глубоко он может затрагивать поведение осужденного — об этом ни уголовный, ни уголовно-испытательный закон ничего не говорят.

Некоторые общие положения ст. 43 УК о контроле за поведением осужденных содержатся в инструкции "Об организации работы органов внутренних дел по

учету, трудоустройству и контролю за поведением условно осужденных и осужденных, в отношении которых исполнение приговора к лишению свободы отсрочено", утвержденной приказом МВД СССР от 4 февраля 1983 г. В соответствии с этим нормативным актом учет условно осужденных, их трудоустройство, а также контроль за поведением организуют инспекции исправительных работ районных (городских) отделов внутренних дел. Непосредственный контроль за поведением условно осужденных по месту жительства осуществляют старшие участковые инспектора и участковые инспектора милиции.

В юридической литературе справедливо отмечалось, что деятельность этих органов по осуществлению контроля за условно осужденными сводилась к их учету¹. Что касается ресоциализирующих факторов контроля, то им вовсе не уделялось внимания.

До 1987 г. учет условно осужденных и контроль за их поведением осуществлял суд, применивший данную меру, хотя возможности суда здесь крайне ограничены. В 1987 г. законодатель возлагает контроль за поведением условно осужденных на инспекции исправительных работ органов внутренних дел. Нет сомнения, что это был существенный сдвиг в решении проблемы контроля за осужденными в период "прохождения" ими испытания.

Инспекции исправительных работ первоначально были созданы для исполнения приговоров об уголовных наказаниях в виде исправительных работ без лишения свободы. Затем из-за отсутствия иных исполнительных органов в системе МВД их компетенция постоянно расширялась за счет возложения на сотрудников этих органов обязанностей по применению самых различных мер уголовно-правового воздействия. Сегодня в компетенцию инспекций исправительных работ входят и контроль за поведением лиц, осужденных с условным неприменением наказания, и многие другие функции, что приводит к отсутствию реального контроля за поведением осужденных. На практике инспекции исправительных работ реально занимаются лишь учетом осужденных с условным неприменением наказания, а проблемами испытания начинают заниматься только при совершении осужденным нового преступления.

Не способствует эффективности испытания осужденных и правовая необеспеченность деятельности инспекций исправительных работ. Они функционируют в системе органов внутренних дел уже длительное время, однако единого нормативного акта, регулирующего организацию и порядок их работы, так и не принято. Правовое регулирование деятельности инспекций исправительных работ осуществляется несколькими ведомственными нормативными актами, принятыми в разное время, что порождает противоречивость в определении их функциональных задач. Слабый кадровый потенциал инспекций исправительных работ выявляет их неспособность профессионально вести работу по ресоциализации осужденных.

Институт осуждения с условным неприменением наказания станет эффективным средством испытательно-профилактического воздействия на лиц, совершивших нетяжкие преступления, если контроль за осужденными в течение испытательного срока будет осуществляться специальной службой профессиональных сотрудников. В ряде западных стран подобная служба существует как особая система государственной деятельности. Это прежде всего аппарат подготовленных чиновников службы пробации (probation — "испытание"). Так, в ФРГ суд, принимая решение об условной отсрочке наказания, передает осужденного на период испытательного срока под надзор специального помощника службы пробации. Должностное лицо такой службы помогает осужденному подготовиться к законопослушному образу жизни и информирует суд об образе жизни осужденного через строго определенные промежутки времени, сообщая также суду о грубых нарушениях осужденным возложенных на него обязанностей².

Во Франции контроль за осужденными с отсрочкой исполнения наказания с режимом испытания также осуществляет специально назначенный сотрудник службы пробации. Осужденный должен являться к своему "опекуну" по его вызову, принимать его у себя дома и давать исчерпывающую информацию о своей жизни, предупреждать об изменениях места жительства, смене работы и т. п.

Таким образом сотрудник службы пробации осуществляет контроль, который по своему содержанию является испытательно-профилактическим и направлен на адаптацию осужденного в рамках законопослушного поведения.

Кроме того, закон создает все условия для успешной работы сотрудника пробации, наделяя его конкретными правами в отношении осужденного и определяя корреспондирующие этим правам обязанности осужденного. Речь здесь не идет о создании какого-либо специального органа, осуществляющего функции контроля за осужденными с условным неприменением наказания. Такой орган должен выполнять функции контроля и при реализации иных мер уголовной ответственности, не связанных с исполнением наказания: отсрочки исполнения наказания, освобождения от наказания³. Порядок организации контроля за любой из форм уголовной ответственности в основе своей опирается на общие для всех осужденных обязанности, которые применительно к конкретной мере ответственности уточняются (становятся более жесткими при отсрочке исполнения наказания либо минимальными – при осуждении без назначения наказания).

Новый УК России функции контроля за поведением условно осужденных возлагает только на специализированные государственные органы, а именно: службу ресоциализации, а в отношении военнослужащих – на командование воинских частей и учреждений. Хотя по принятой в России концепции УК недопустимо перекладывать эти обязанности на общественные организации и трудовые коллективы, однако общественность может принимать участие в контроле за поведением таких осужденных.

Проект УК Республики Беларусь, принятый 18 декабря 1997 г. в первом чтении, закрепляет контроль поведения осужденных с условным неприменением наказания за уголовно-исполнительными органами, а в отношении военнослужащих – за командованием воинских частей и учреждений.

Проект Уголовно-исполнительного кодекса предусматривает, что контроль за поведением осужденных с отсрочкой исполнения и условным неприменением назначенного наказания, а равно профилактическое наблюдение за осужденными без назначения наказания соответственно в период отсрочки, испытательного срока и срока судимости будет осуществляться уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства осужденных, а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей. Кроме того, подчеркивается, что в порядке, предусмотренном законодательством и нормативными актами, к осуществлению контроля и профилактического наблюдения могут привлекаться работники других служб органов внутренних дел⁴.

Определив органы, которые должны осуществлять контроль за условно осужденными, закон должен создать надлежащие условия для организации такой работы. Теоретически обоснованно, что правовое регулирование испытательного контроля за условно осужденными, чтобы выявить его юридическую основу, должно базироваться на режиме осуждения. Законодательное решение этой проблемы позволит организовать работу с условно осужденными в едином правовом режиме, адекватно реагировать на негативные отклонения в их поведении. Сейчас в большинстве случаев лишь преступления, совершенные осужденным, вызывают определенные действия со стороны контролирующих органов, что, по существу, ведет к отмене данной меры уголовно-правового воздействия. Иные же антисоциальные отклонения в поведении лица, как правило, не вызывают никакой реакции со стороны контролирующих органов. О таких отклонениях эти органы чаще всего не знают, так как отсутствует четкая система проверки поведения осужденных, а полномочия контрольно-исполнительных органов все еще не закреплены законом.

Проект Уголовно-исполнительного кодекса, на наш взгляд, содержит положения, позволяющие эффективно организовать проведение испытательно-профилактического контроля за условно осужденными. Во-первых, кодекс определяет обязанности осужденных без применения наказания⁵. Такие осужденные обязаны в течение испытательного срока являться по вызову в уголовно-исполнительный орган, осуществляющий наблюдение за ними, не чаще одного раза в месяц. В случае неявки осужденный может быть подвергнут принудительному приводу;

давать объяснения сотрудникам контрольного органа о своем поведении и образе жизни; предварительно уведомлять данный орган об изменении места жительства, о выезде в другую местность на отдых, лечение или по другим личным делам на срок свыше двух недель⁶.

Кроме того, на осужденных с условным неприменением наказания могут возлагаться дополнительные обязанности ресоциализирующего характера. Так, условно осужденные обязаны в полном объеме отчитываться о своем поведении перед уголовно-исполнительной инспекцией и являться в инспекцию по ее вызову без ограничений периодичности явки. Выполнение условно осужденными установленных для них обязанностей учитывается уголовно-исполнительной инспекцией при решении вопроса о необходимости внесения представления в суд об отмене назначенного наказания⁷.

Установление в законе подобных обязанностей позволит осуществлять действенный контроль за поведением осужденных с условным неприменением наказания. Как уже говорилось, без законодательного закрепления этих обязанностей права уголовно-исполнительных органов по осуществлению контроля превратятся в юридическую фикцию.

Важным моментом, отраженным в проекте Уголовно-исполнительного кодекса, является установление порядка осуществления контроля и профилактического наблюдения за осужденными. Данное положение является весьма значимым с практической точки зрения, поскольку формирует принципиально новую, эффективную систему контроля за осужденными.

¹ См.: Музеник А. К., Уткин В. А., Филимонов О. В. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора. Томск, 1990. С. 81–82.

² См.: Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996. С. 31.

³ См.: Хомич В. М. // Право и демократия: Межвуз. сб. науч. тр. Мн., 1994. Вып. 6. С. 99.

⁴ См.: Правовая концепция реализации (исполнения) мер уголовной ответственности в Республике Беларусь (проект Уголовно-исполнительного кодекса). Мн., 1996. С. 101.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 102.

М. И. САВЧЕНКО

АРЕСТ МОРСКИХ СУДОВ*

Под арестом имущества в гражданско-процессуальном законодательстве практически всех стран мира понимается задержание имущества должника, осуществляемое судом (арбитражем), направленное на ограничение права собственника или законного владения на распоряжение и пользование этим имуществом. Делается это для защиты интересов кредитора или требований любого другого истца. Так, согласно ст. 130 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (ГПК РБ), одной из мер обеспечения иска может быть наложение ареста на имущество или денежные суммы, принадлежащие ответчику и находящиеся у него или у других лиц.

Для производства ареста с целью получения обеспечения необходимо подать исковое заявление, добиться его принятия судом, уплатить госпошлину, а затем ходатайствовать об аресте, и если суд сочтет, что такая мера необходима для обеспечения последующего исполнения его решения, то он или судья единолично может на основании ст. 131 ГПК РБ вынести определение об аресте, которое приводится в исполнение немедленно в порядке, установленном для исполнения решений суда. Подобные нормы содержатся в гражданско-процессуальном законодательстве России, Украины, стран Балтии и многих других государств мира.

Арест в торговом мореплавании – это принудительное задержание судна или груза на основании решения суда (арбитража). При этом если арест груза в большинстве случаев производится в порядке гражданско-правового судо-

* Окончание. Начало см.: "Вестник БДУ. Сер. 3". 1997. № 2.

производства, то арест такой категории имущества, как морские суда, во многих прибрежных государствах имеет ряд специфических особенностей. Это обусловлено целым рядом таких факторов, как значительная стоимость судов, их способность самостоятельно перемещаться в пространстве и переходить из одной юрисдикции в другую и, наконец, тем, что задержание судна даже на краткое время может нанести его владельцу или фрахтователю значительные убытки.

Необходимо отметить, что арест морских судов преследует три основные цели. Прежде всего он представляет собой так называемую "промежуточную помощь" кредитору, предпринимаемую им для защиты своих интересов еще до начала судебного-арбитражного процесса. Так, по законодательству ряда стран, если должник не выставит надлежащего обеспечения и не предпримет других действий по защите своих интересов в установленный законом срок, арестованное судно может быть продано с торгов под надзором суда без рассмотрения спора по существу и требования кредиторов будут удовлетворены из полученного от продажи дохода.

Другой целью ареста судна является установление юрисдикции суда определенного государства. Законодательства довольно значительного количества морских стран предусматривают, что суд, вынесший решение об аресте судна, компетентен, а в ряде стран просто обязан рассмотреть спор и вынести решение по существу.

Третьей, а по значимости главной, целью ареста морского судна является принуждение должника выдать в установленном законом порядке требуемое кредитором обеспечение. Согласно законодательству абсолютного большинства государств мира, в случае предоставления должником обеспечения требуемого размера задержанное судно, как правило, подлежит немедленному освобождению.

Таким образом, арест судна представляет собой такую меру воздействия на должника посредством обращения в суд или иной правоприменительный орган, которая позволяет кредитору на любой стадии процесса, а по законодательству большинства стран и до его начала, принудить должника на законном основании без признания ответственности, отказа от средств защиты или права на ограничение ответственности с его стороны выставить обеспечение в удобной для кредитора и в установленной законом форме и, согласно законодательству некоторых стран, обеспечить рассмотрение спора по существу в конкретном суде с применением местного законодательства.

Однако законодательства различных стран по-разному регламентируют условия и процедуру ареста морских судов. Для преодоления этих разногласий на международном уровне, обусловленных особенностями гражданско-правового законодательства различных государств, еще 10 мая 1952 г. в Брюсселе была принята Международная конвенция по унификации процедуры ареста морских судов (далее – Конвенция), которая вступила в силу 24 февраля 1956 г. Ее участниками в настоящее время являются более 50 государств.

Конвенция ограничивает право наложения ареста на морские суда в обеспечение гражданского иска так называемыми "морскими требованиями", к которым относятся: ущерб, причиненный в результате столкновения; причинение личного вреда; спасание; договоры, относящиеся к использованию и найму судна; договоры о перевозке груза; ущерб, причиненный грузу или багажу; снабжение судов; расходы, связанные с эксплуатацией судна; общая авария; буксировка; лоцманская проводка; постройка и ремонт судна и оборудования, расходы на докование; зарплата капитана и команды; дисбурсментские расходы; споры, касающиеся собственности, владения и распоряжения судном и доходом от его эксплуатации; залог судна.

Список этот является достаточно широким и практически полностью охватывает все операции, связанные с морским судоходством. При предъявлении любого из этих требований судно должника может быть арестовано.

Следует особо подчеркнуть, что судно может быть арестовано только судом или иным правоприменительным органом в соответствии с законодательством государства-участника Конвенции. Так, согласно п.1 ст.7 Конвенции устанавли-

ливается юрисдикция суда, арестовавшего судно для рассмотрения спора по существу в соответствии с законодательством этой страны, если кредитор либо его контора находятся в стране, где произведен арест; либо требование возникло в результате столкновения судов или операции по спасанию и, наконец, если требование возникло из залога судна.

Ст.5 Конвенции устанавливает, что судно освобождается из-под ареста после предоставления достаточного обеспечения должником. Исключение составляют лишь случаи, когда судно было арестовано по требованиям в связи со спорами о праве собственности на судно и спорами нескольких собственников, перечисленных в ст.1 Конвенции. В указанных случаях суд может разрешить судовладельцу использовать корабль до предоставления надлежащего обеспечения. При этом, если стороны не договорятся о форме и размере обеспечения, то они будут установлены решением суда.

Следует подчеркнуть, что ч.3 ст.5 Конвенции оговаривает, что требование об освобождении судна в связи с выдачей надлежащего обеспечения не может быть расценено как признание ответственности должником или его отказ от права ограничить свою ответственность. В этом выражается обеспечительный характер положений Конвенции, направленных к основной цели, – получению кредитором надлежащего обеспечения своих требований.

Защита прав судовладельца устанавливается отсылочной нормой ч.1 ст.6 Конвенции, предусматривающей, что кредитор несет ответственность за убытки, нанесенные должнику арестом судна, на основе положений законодательства государства-участника Конвенции, в чьей юриспруденции произведен арест судна.

Конвенция предусматривает, что судно государства, не участвующего в Конвенции, может быть арестовано в порту государства-участника по требованиям, предусмотренным ст.1 Конвенции или в соответствии с законодательством государства-участника.

Нельзя не обратить внимания на то, что Конвенция не устранила в законодательстве государств-участников многих различий в условиях и процедуре ареста судов и, как вытекает из содержания статей 3, 8, 9 и 10 Конвенции, ее целью не является введение общего международного режима ареста морских судов. В связи с этим в одних странах судно может быть арестовано только по морским требованиям, перечисленным в Конвенции и перенесенным в национальное законодательство. В других – арест судна возможен по иску, связанному с такими долговыми требованиями, по которым законодательством разрешается обращение взыскания на имущество должника, и по требованиям, связанным с залогом судна. Наконец, есть страны, где арест может быть произведен по любым долговым требованиям кредитора.

Для того чтобы арестовать судно, во многих странах требуется доказать наличие имущественного требования, т.е. доказать суду законность самого иска. В других странах, таких, например, как Бельгия, Голландия, судно практически может быть арестовано без предъявления каких-либо доказательств о наличии обоснованного требования и права на иск. В Германии для ареста судна необходимо доказать суду, что без ареста требования кредитора нельзя удовлетворить. И.еще. Есть страны, где для ареста судна достаточно сделать заявление под присягой о наличии таких требований.

Необходимо остановиться на особенностях ареста морского судна, когда требования кредитора не имеют прямой связи со страной, где предполагается арестовать судно. Например, когда ни истец, ни ответчик не находятся в данной стране, а также когда ни отправитель груза, ни его получатель, равно как и стороны договора купли-продажи товара или договора морской перевозки груза, не имеют связи с этой страной. В этом случае законодательства большинства стран либо прямо разрешают арест судна, либо такое разрешение сопровождается дополнительными для кредитора условиями. Это положение Конвенции неплохо было бы усвоить белорусским грузоотправителям и грузополучателям.

Важным вопросом является защита интересов собственника арестованного судна, которая сводится к тому, что лицо, по требованию которого судно арес-

товано, несет ответственность за любые убытки, причиненные собственнику необоснованным арестом судна или предоставлением им чрезмерного обеспечения. С целью защиты интересов законного владельца судна суд или иной правоприменительный орган могут в качестве условия ареста судна обязать лицо, заявившее требование об аресте, предоставить контробеспечение. Предоставление контробеспечения лицом, требующим ареста судна, направлено на защиту прав судовладельца.

Размер контробеспечения, предоставляемого кредитором для производства ареста, часто связывается с его возможностью наглядно доказать наличие имущественного требования, т.е. продемонстрировать суду законность самого иска. При этом есть страны, где отсутствие таких доказательств делает арест судна невозможным. По законодательству других стран недоказанность наличия имущественного требования значительно повышает размер контробеспечения.

Важно иметь в виду, что ответчику предоставляется право требовать от кредитора через суд возмещения всех убытков, нанесенных ему в результате необоснованного ареста его судна или требования о выставлении чрезмерного обеспечения.

Представляется, что настало время унифицировать международные правила, относящиеся к аресту морских судов. Сближение норм, регламентирующих условия и процедуру ареста и освобождения морских судов, будет содействовать защите интересов всех участников международного торгового оборота и морского судоходства. Правда, уже предпринимаются определенные шаги в этом направлении. Так, Международный морской комитет (ММК) начал подготовку предложений по изменению или даже полной замене Международной конвенции 1952 г. Завершение этой работы будет значительным вкладом в совершенствование международного морского права.

Актуальныя старонкі мінуўшыны і сучаснасць (публікацыі і пераклады)

АНДЖЕЙ ГЖЕГОРЧИК (Польша)

РАЦИОНАЛИЗМ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (К 100-летию львовско-варшавской школы)*

От переводчика

В 1895 г. кафедру философии Львовского университета возглавил молодой профессор Казимеж Твардовский (1866–1938), научные интересы которого сформировались в Венском университете под непосредственным духовным влиянием Франца Brentano. Публикации работ К.Твардовского положили начало семиотическим и логико-методологическим исследованиям в Польше и сделали их автора основоположником известной **львовско-варшавской философской школы**. Поэтому закономерно, что именно с момента деятельности К.Твардовского на кафедре философии Львовского университета датируется начало истории этой школы.

Основными представителями этой школы являются Я.Лукаевич, С.Лесневский, Т.Котарбинский, К.Айдукевич, В.Татаркевич, В.Витвицкий, Р.Ингарден, А.Тарский, И.Домбска, Ю.Бохеньский, Т.Чежовский и др. Их труды внесли значительный вклад в теорию множеств, логическую семантику и семиотику, модельную и многозначную логику, в разработку "неоклассических" систем математической логики. Львовско-варшавской школе принадлежат ценные металогические и методологические исследования в области теории индукции, строения и функции научной теории, разработки аксиоматического метода, теории вероятностей, принципов построения иерархии формализованных языков, а также ряд важных трудов по психологии, социологии, науковедению, истории философии и логики.

Львовско-варшавская школа сыграла значительную роль в польской науке и культуре первой половины XX века, создав устойчивую традицию и свой стиль философских исследований.

Накануне второй мировой войны ученики К.Твардовского возглавляли большинство философских кафедр в польских университетах. Плодотворную деятельность львовско-варшавской школы прервала вторая мировая война. Некоторые ученые погибли, другие эмигрировали. Те же, кто остался на родине и выжил, активно включились в процесс возрождения польской науки и культуры, в философские исследования актуальных проблем.

К числу ученых, в трудах которых получили развитие прогрессивные идеи львовско-варшавской школы, относится и автор публикуемой статьи, доктор философских наук, профессор Анджей Гжегорчик (род. в 1922 г. в Варшаве). Им опубликованы ряд монографий и многочисленные статьи по проблемам логики и методологии науки, многие из которых переведены на русский язык. Предлагаемая статья на русском языке публикуется впервые.

В.Ф.Шалькевич

Согласно палеонтологическим исследованиям, наш вид существует по меньшей мере тысячи лет, а может и миллионы лет. В течение такого длительного периода он прошел значительную эволюцию от довольно примитивного уровня до более совершенных форм жизни, опирающихся на технический прогресс.

Первый этап этой эволюции можно назвать этапом примитивной культуры. Хотя это название мало о чем говорит. Оно скорее свидетельствует о трудности нашего проникновения в первобытную жизнь людей. Человечество со времени своего возникновения обладало определенным уровнем культуры, о котором мы знаем очень мало.

Несколько десятков тысячелетий назад постепенно складывались различные обособленные культурные очаги, о которых известно значительно больше. Развитие происходило внутри определенной культуры и имело весьма ограничен-

* Перевод с польского и подготовка статьи к печати осуществлены доктором философских наук, профессором В.Ф.Шалькевичем.

ное влияние на культуру соседней общности. Так, Америка, Африка и Австралия на протяжении многих веков ничего не слышали друг о друге и развивались независимо. Черная Африка, например, до недавнего времени не знала о применении колеса. Второй этап можно назвать этапом великих самостоятельных культур.

Сегодня мы вступаем в период активной культурной интеграции, создания множества универсальных культурных элементов, которые охватывают все человечество. Наука становится универсальным элементом, связывающим людей между собой. Современный этап развития можно назвать этапом глобализации культуры. В создающуюся сегодня всеобщую культуру каждая из великих культур предыдущего периода вносит определенные ценности. Важно правильно оценить вклад каждой культуры или отдельного народа.

В данной работе мы рассмотрим лишь европейскую культуру. Мне кажется, что средиземноморско-европейская культура вносит в мировую культуру прежде всего интеллектуальные ценности, которые можно обозначить как методологически-упорядочивающие. Эти ценности находились у истоков науки, участвовали в формировании и далее формируют современную науку. Они становятся своего рода реализацией интеллектуального потенциала человечества.

Реализацию данного потенциала можно назвать европейским рационализмом, ибо его окончательное оформление происходило прежде всего в Европе. Хотя его зачатки можно обнаружить в культуре Северной Африки и Месопотамии. Каждая из великих культур по-своему реализовала рационализм; иногда это сближало их между собой, а иногда подчеркивало характерную самобытность. Своеобразием средиземноморско-европейской культуры является то, что она раньше всех и более решительно совершила переход от образного мышления к мышлению дискурсивному. Этот переход способствовал возникновению науки, ставшей современным универсальным благом.

Для европейского рационализма характерно не только дискурсивное мышление и преэмптильность, но и совершенно абстрактные понятийно-языковые структуры. Было бы интересно сравнить, встречаются ли в иных культурах подобные структурные инновации или же их языковые структуры более стабильны. Именно подобным инновациям европейская культура обязана развитием своей науки.

В исследовании феномена европейской цивилизации необходимо выделить два вопроса: во-первых, собственно имманентное развитие интеллектуальной жизни данной цивилизации, и, во-вторых, условия и обстоятельства, способствующие этому имманентному развитию, придающие ему направленность и смысл.

Необходимо последовательно рассмотреть каждый из этих вопросов.

I. Имманентное развитие интеллектуальной жизни европейской цивилизации

Его сущностью является решение методологических задач.

Общая историческая гипотеза, требующая обоснования, выглядит так: в средиземноморско-европейской культуре зародилась тенденция методологического упорядочения мысли. Подобной силы тенденции мы не наблюдаем в иных культурах. Она постоянно присутствует в процессе развития европейской цивилизации. Именно ей европейская наука обязана своим становлением.

Аргументами для обоснования данной гипотезы могут служить исследования, сопоставляющие отдельные факты различных культур. В данном случае, на мой взгляд, следует обратить внимание на следующие положения.

Зарождающаяся европейская наука уже в VI в. до н.э. начинает приобретать методологическую специфику. Своеобразие европейской мысли начинает проявляться в интересе к особенностям убеждения. Убеждение других играет важную роль в греческой демократии и приобретает в ней особую ценность. Развитие мышления сливается с развитием общественной структуры. Кажется, что открытие полиса как способа совместной жизни было по сути психолого-методологическим открытием силы логической аргументации. Его развитие инспирировалось решением задач создания коллективной жизни. Однако реали-

зация этой возможности требовала благоприятных обстоятельств. Для развития рациональной демократии выгодными были также геодемографические условия греческого мира: естественная изоляция городов-государств, отделенных морем и горами, способствовала формированию небольших самостоятельных общностей, имевших возможность рационально организовать свою жизнь, а существенная близость и взаимная конкуренция ускорили процесс этого развития.

Технические достижения предыдущих веков облегчили существование общин, но еще не привели к деморализации, а экспансия и алчность еще не истощили их живительной силы. Тогда еще не было серьезного имущественного расслоения и отношение жителей друг к другу не зависело от материального уровня жизни.

Полис, безусловно, стал отправной точкой развития европейской цивилизации. Здесь рациональное убеждение набирало свою силу и способствовало скорому появлению своеобразного греческого мастерства убеждения – софистов и школы Сократа. Последняя переносит умение убеждать на почву беспристрастного научного исследования. Аристотель писал: “Есть две вещи, которые надо признать у Сократа: индуктивное рассуждение и дефиниции”. Именно в сократо-аристотелевской школе зарождаются основания современной методологически продуманной науки, которые позже стойки обогатят семантическим анализом.

Далее можно отметить хронологически более конкретный по сравнению с демократией исторический факт, не имеющий, по-видимому, precedентов в иных культурах. Это: 1) возникновение методологии и логики Аристотеля и стоиков. Аристотель создал методологическую систему человеческого знания. Он является “великим систематизатором” всей суммы знания своего времени. Ни в одной культуре этого периода мы не увидим подобных усилий, направленных на упорядочение гуманитарных и естественных знаний, построение целостной системы, базирующейся на философии.

Затем следует: 2) возникновение геометрии Евклида, александрийской астрономии и математики Архимеда. Евклид искал всеобщую истину, из которой путем формальной дедукции можно вывести последующие положения, в данном случае – геометрические факты. Здесь мы сталкиваемся с уникальным явлением возникновения интеллектуальной потребности методологического упорядочения геометрического знания. Трудно указать подобные явления в иных культурах рассматриваемого тысячелетия.

Следующим этапом было: 3) создание системы римского права. В прагматической культуре человеческих действий римское право реализует аналогичный научному идеал методологического упорядочения знаний о совместной жизни. Так возникает рациональное обоснование главной опоры совместной жизни в Римской империи. Создается основа социальной микроструктуры. Быть может, благодаря именно этой роли элемента всеобщей культуры римское право хорошо сохраняется в процессе миграции народов.

Дальнейшее развитие европейского рационализма происходит во второй половине средних веков. Начало этого этапа: 4) возникновение схоластических философских и теологических систем. Например: “Сумма теологии” Фомы Аквинского возникла, как отмечает сам автор, из необходимости упорядочения теологического знания.

Наука конца средневековья подготовила великий скачок познания, который нашел отражение в 5) методологии Галилея–Кеплера–Декарта–Ньютона. Упорядочение достижений физиков и математиков XVII–XVIII в.в. становится основой дальнейшего развития математики, физики, астрономии и всего технического прогресса последующих столетий.

Одновременно в области гуманитарных знаний наблюдается 6) обращение европейской философской мысли к исследованию проблем разума, методов мышления, основ знаний. По меньшей мере половина европейского философского творчества последних 600 лет касается именно этих проблем. Слова “разум”, “познание” чаще всего встречаются в названиях работ того времени.

В XIX в. на базе методологии рационализма создаются 7) атомарная теория структуры материи, 8) биологическая теория развития, эволюции и жизнедеятельности живых организмов.

Понятие "атом" возникло еще в древние времена. Однако тогда оно было более предметом фантазии, нежели инструментом объяснения явлений. В XIX в. химические опыты позволили открыть закон постоянного сохранения массы, единственно возможным инструментом объяснения которого стала атомарная гипотеза. В процессе опытов заметили, что в химических реакциях, приводящих к образованию новых соединений, масса составных частей остается неизменной. Если определенного компонента окажется больше, чем требует пропорция, то излишек останется невостребованным. Это наблюдение позволило впервые выдвинуть гипотезу о том, что химическая связь складывается из одинаковых частиц, имеющих четкое атомарное строение. Например, один атом элемента хлора, связанный только с одним атомом элемента натрия, образует частицу поваренной соли NaCl. Иногда два атома одного элемента связаны с одним атомом другого, иногда происходит еще какое-то сочетание, но для данной субстанции ее атомарный состав неизменен. Принимая как природную аксиому то, что масса каждого атома той же частицы одинакова, можно увидеть: эмпирический закон сохранения массы основан на атомарной теории структуры материи, или же подтверждает эту теорию. Так же теория эволюции объясняет находки при раскопках и актуальное состояние мира живых существ.

Конец XIX – начало XX в. приносят 9) открытие возможности полной формализации нетворческого мышления, а также опыт ничем не ограниченной свободы интеллектуальных конструкций, свободы, в которой мы живем по сей день. Формализация порождает возникновение компьютера, а следовательно, возможность замены простых вспомогательных действий человеческой мысли действиями материальных устройств.

Обозначенные нами этапы культурной жизни образуют непрерывный процесс развития, которому трудно найти эквивалент в другой культуре. Великие культуры накопили много значительных наблюдений о мире и жизни людей. Однако средиземноморская и европейская культуры выдвигают задачу методологического упорядочения знаний. История подтверждает, что решение именно этой задачи обуславливает развитие науки.

Хочу заметить, что тенденция методологического упорядочения не была единственной причиной феномена скачкообразного развития европейской науки. Предположим, что таких причин было несколько. Их можно обнаружить как в чисто внешних условиях (даже климатических), которые вынуждали проявлять определенную предприимчивость или каким-то образом облегчали существование, так и в явлениях духовной жизни. Здесь мы подходим к изложению второго из поставленных вопросов.

II. Условия и обстоятельства, способствовавшие имманентному развитию европейской цивилизации и определившие ее значение

В этой части позволим себе следующее замечание: интеллектуальный потенциал греко-римской культуры был использован христианством, которое в свою очередь обогатило его духовной активностью.

Несмотря на осознание интеллектуального парадокса собственной веры ("Верую, потому что абсурдно") и убежденность в преодолении верой законов разума, христианские авторы с самого начала не отказывались от использования интеллектуальных ценностей предшествующего периода. Напротив, с первых шагов своего развития христианство взяло на вооружение интеллектуальную дискуссию как важный фактор воздействия. Затем исторически оформившаяся христианская (особенно западная) церковь на протяжении столетий стала оказывать мощное воздействие на просвещение, повышение интеллектуального уровня клира, последовательность обучения, а также развитие богословских наук. Была предпринята попытка аннексировать или "привлечь к себе" различные интеллектуальные направления, не связанные с верой. Так, Августин теологически интерпретировал учение Платона, а Фома Аквинский – Аристотеля. Используемый таким образом античный рационализм получил в эпоху средневековья возможность развития. Христианство, в отличие от языческих культов,

побуждает к индивидуальной религиозной жизни, стимулирует развитие индивидуального мышления. Появляются все новые и новые верующие, желающие углубить истину собственным разумом. Это способствует интеллектуальному развитию, несмотря на то, что интеллект часто преследуется церковью как ересь.

Особенно важной в данном случае является активизация деятельности, которую можно назвать европейско-христианской.

Мы наблюдаем здесь определенную особенность, характерную и для других религий, но прежде всего для христианской, суть которой заключается в том, что человеческая жизнь – это период испытаний и его надо пройти надлежащим образом. Может быть, именно эта особенность лежит в основе западноевропейской христианской деятельности. Собственно она усиливает интеллектуальную активность. (Экономическую специфику этой стороны европейской христианской культуры проанализировал Макс Вебер в своей работе “Протестантская этика и дух капитализма”. Однако, как позже отметили критики, он слишком сильно привязал ее к протестантской среде).

Определенный эффект вызвала попытка западноевропейской христианской церкви активно противопоставить себя светской власти, ее стремление к доминации в общественной жизни. Мне кажется, что диалог этих авторитетов и их противостояние породили определенную независимость и стали основой развития интеллектуальной жизни Европы. Подобного мы не наблюдаем, например, в странах ислама, где единство государственного и религиозного авторитетов стало, на наш взгляд, причиной интеллектуальной стагнации данных стран после “золотого” периода их расцвета.

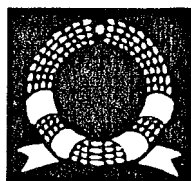
Важны также и определенная доступность специального и общего школьного образования, интеллектуальных институтов (университетов) и интеллектуального меценатства, что прямо противоположно замкнутости институтов и интеллектуальных обществ, например, Китая (мандарины) или Индии (брамины).

Мне кажется, что в данном процессе можно увидеть механизм поэтапного (изложенного выше) развития культуры: этап открытий, этап овладения элитой мастерством управления определенным инструментарием, этап усвоения опыта элиты всей популяцией и этап воплощения достигнутых результатов в жизненные структуры человеческой общности. Процесс вовлечения античного рационализма в интеллектуальную, социальную и религиозную жизнь Европы продолжался вплоть до середины средних веков. Достижение виртуозности в методологическом упорядочении мотивируется в Европе бесспорной (не столь часто встречающейся в иных культурах) целенаправленностью в создании интеллектуальных систем. Вокруг одного или нескольких подвижнически преданных своему делу ученых формируется в Европе (и в античности, и в средние века, и в XX в.) определенная интеллектуальная среда или отдельная интеллектуальная школа. Соперничество научных школ в европейской культуре кажется вторичным по сравнению со стремлением к системотворчеству.

Стремление достигнуть наивысшего результата касается всегда того, что в той или иной мере обладает ценностью. Таким образом, в сфере воспринимаемых ценностей постоянно присутствует системность.

Как видим, европейский рационализм представляет важную, однако недостаточно изученную сторону феномена европейской цивилизации. Необходимость исследования этой проблемы очевидна.

Нашы юбіляры

КАЗІМІР АДАМАВІЧ РЭВЯКА

Споўнілася 60 гадоў прафесару кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў Казіміру Адамавічу Рэвяку.

Нарадзіўся К.А.Рэвяка ў вёсцы Смаленікі (зараз Ляхавіцкі раён Брэсцкай вобласці) у 1937 г. Дзяцінства яго выпала на час ваеннага ліхалецця. Пасля сканчэння ў 1955 г. сярэдняй школы К.А.Рэвяка паступіў у бібліятэчны тэхнікум, але захапленне гісторыяй антычнасці прывяло яго на гістарычны факультэт БДУ. Потым былі работа выкладчыка гісторыі ў вясковай школе і тэхнікуме, аспірантура БДУ, пад час вучобы ў якой ён падрыхтаваў, а затым паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю па антычнай гісторыі пад навуковым кіраўніцтвам выдатнага беларускага антыказнаўца прафесара Ф.М.Нячая.

З 1972 г. Казімір Адамавіч працуе на кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў, спачатку – выкладчыкам, затым – дацэнтам, а з 1997 г. – прафесарам.

Галоўны навуковы інтарэс К.А.Рэвякі – даследаванне гісторыі старажытнага Рыма. Ён аўтар унікальнай манаграфіі "Пунічныя войны" (1988) – адзінай абагульняючай працы па гэтай праблеме ў былым СССР, а зараз – у СНД. Капітальнае даследаванне беларускага вучонага атрымала станоўчыя водгукі ў многіх краінах свету, і зараз бадай што ніводзін даследчык гісторыі Рымскай дзяржавы III–II стст. да н.э. не абмінае сваёй увагай манаграфію К.А.Рэвякі.

У 1996 г. разам з дацэнтам Паўднёва-Чэшскага ўніверсітэта І.Лісавым К.А.Рэвяка выдаў кнігу "Антычнасць у імёнах, тэрмінах і назвах" – першы такога ўзроўню навуковы даведнік у СНД. Па пытаннях антычнай культуры К.А.Рэвяка ў 1993 г. апублікаваў кнігу "Слодыч мудрых рэчаў". Ён адзін з выдаўцоў "Іудзейскай вайны" Іосіфа Флавія (з падрабязнымі каментарыямі) – надзвычай каштоўнай першакрыніцы па гісторыі антычнага хрысціянства. Разам з І.Лісавым К.А.Рэвяка апублікаваў у 1993 г. "Уводзіны ў гісторыю старажытнага Рыма". Яго навуковыя артыкулы публікаваліся ў Расіі, Казахстане, на Украіне, у Польшчы, Чэхіі, у "Весніку БДУ".

К.А.Рэвяка з'яўляецца адным з аўтараў беларускага падручніка для сярэдняй школы па гісторыі старажытнага свету, шэрагу вучэбных дапаможнікаў.

Шмат гадоў ён курыруе работу студэнцкага навуковага гуртка кафедры, і нямала былых гурткоўцаў зараз маюць ужо навуковыя ступені. Гэтай справе К.А.Рэвяка аддае ўсю цеплыню сваёй душы, свой вялікі талент педагога. Яго лекцыі заўсёды ўражваюць навуковай глыбінёй, любоўю да мілай яго сэрцу антычнасці. Многія студэнты назаўсёды запамняць яго неардынарныя заняткі па гісторыі антычнай культуры, якія праходзяць нават не ў аўдыторыі, а на паверсе музея гістфака сярод антычных скульптур, барэльефаў.

У свае 60 гадоў К.А.Рэвяка па-ранейшаму энергічны, ініцыятыўны, поўны бадзёрасці і працавітасці. Зараз ён падрыхтаваў чарговую манаграфію, прысвечаную вывучэнню антычнай гісторыі ў Беларусі, а таксама раздзел па гісторыі старажытнага Рыма ў першым беларускім падручніку па гісторыі старажытнага свету для ВНУ.

Выключная інтэлігентнасць, добразычлівасць К.А.Рэвякі заўсёды выклікалі і выклікаюць павагу да яго як з боку калег, так і студэнтаў. Супрацоўнікі кафедры старажытнага свету і сярэдніх вякоў, выкладчыкі і студэнты гістарычнага факультэта жадаюць прафесару К.А.Рэвяку моцнага здароўя, новага плёну ў навукова-педагагічнай дзейнасці, шчасця.

В.А.Фядосік

АЛЯКСАНДР ВІКТАРАВІЧ ШАРАПА

26 студзеня споўнілася 60 год з дня нараджэння дэкана факультэта міжнародных адносін Белдзяржуніверсітэта, доктара гістарычных навук, прафесара Аляксандра Віктаравіча Шарапы.

А.В.Шарапа нарадзіўся ў 1938 г. у сялянскай сям'і (вёска Хадароўцы Лідскага раёна). Пасля сканчэння сярэдняй школы, а потым (1960 г.) Мінскага педагагічнага інстытута працаваў настаўнікам-выхавателем Вілейскай школы-інтэрната. Займаў розныя пасады ў камсамольскіх і партыйных органах. У 1978 г. пасля сканчэння ВПШ пры ЦК САПГ (Берлін) там жа абараняе кандыдацкую дысертацию.

З 1982 г. працуе ў Белдзяржуніверсітэце прарэктарам па міжнародных сувязях. У 1988 г. абараняе ў Германіі доктарскую дысертацию. У 1992 г. па ініцыятыве А.В.Шарапы на гістарычным факультэце ствараецца кафедра міжнародных адносін, якую ён і ўзначальвае. У кастрычніку 1995 г. быў адкрыты факультэт міжнародных адносін, і прафесар А.В.Шарапа становіцца яго першым дэканам. Менавіта пад яго кіраўніцтвам распрацаваны прынцыпова новыя вучэбныя планы,

упершыню ў Рэспубліцы Беларусь пачата падрыхтоўка кадрў спецыялістаў-міжнароднікаў.

За гады працы ва ўніверсітэце Аляксандр Віктаравіч зарэкамендаваў сябе высокакваліфікаваным спецыялістам і выдатным арганізатарам навуальнага працэсу*, выхавальчай работы, які ўмела спалучае службовыя абавязкі з актыўнай грамадскай дзейнасцю.

Прафесар А.В.Шарапа падрыхтаваў шмат высокакваліфікаваных спецыялістаў. Добра зарэкамендавалі сябе яго выпускнікі-аспіранты, кандыдаты навук як у Беларусі, так і за яе межамі. Пад яго кіраўніцтвам абаронена звыш 10 доктарскіх і кандыдацкіх дысертаций. На працягу пяці апошніх гадоў ён ўзначальвае спецыялізаваны савет па абароне дысертаций у галіне гістарычных навук, з'яўляецца членам рэдкалегіі часопіса "Веснік БДУ".

Важкі і асабісты ўклад А.В.Шарапы ў грамадазнаўчыя і гістарычныя навукі. Ён кіраўнік комплекснай навуковай праграмы "Міжнародныя аспекты развіцця Рэспублікі Беларусь". У рамках гэтага даследавання нядаўна выдадзены ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі зборнік дакументаў і матэрыялаў "Знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь". Раней, у 1995 г., пад яго кіраўніцтвам завершана навуковая распрацоўка па тэме "Рэспубліка Беларусь у сістэме міжнародных адносін Еўропы". Ёй апублікаваны 57 навуковых прац, у тым ліку манаграфія, брашуры і артыкулы аб прыярытэтах знешнепалітычнай стратэгіі нашай дзяржавы. Дзякуючы намаганням А.В.Шарапы ўзначальваемая ім кафедра з'яўляецца членам Асацыяцыі вышэйшай школы Цэнтральнай і Усходняй Еўропы па даследаваннях у галіне міжнародных адносін. Ён наладзіў кантакты з Жэнеўскім інстытутам міжнародных даследаванняў, Венскай дыпламатычнай акадэміяй, са свабодным універсітэтам Берліна (ФРГ).

Як вучоны і практык у галіне міжнародных адносін прафесар А.В.Шарапа працуе ў грамадскім савеце па пытаннях бяспекі пры Міністэрстве замежных спраў Беларусі. Ён быў адным з ініцыятараў стварэння Асацыяцыі вышэйшых школ краін СНД па падрыхтоўцы міжнароднікаў і сёння з'яўляецца членам яе прэзідыума.

Сваё 60-годдзе Аляксандр Віктаравіч сустрэў у росквіце фізічных і творчых сіл. Супрацоўнікі, аспіранты і студэнты факультэта міжнародных адносін, рэдакцыя і рэдкалегія часопіса "Веснік БДУ" жадаюць юбіляру шчасця ў асабістым жыцці, моцнага здароўя і далейшых творчых поспехаў.

У. Емельянчык. **Паланез для касінераў: (3 падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі).** Мн.: Беларусь, 1994. 160 с.

Кніга У.П. Емельянчыка прысвечана праблеме, якая амаль не распрацавана ў гістарыяграфіі Беларусі, – паўстанню 1794 г. пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі. Дастаткова нагадаць, што ў пяцітомнай "Гісторыі Беларускай ССР" 70-х гг. гэтая падзея нават не ўзгадваецца. Савецкая гістарыяграфія ўвогуле абмежавалася артыкулам У.І. Лічэты "К истории восстания Костюшко", апублікаваным у "Вучоных запісках інстытута славяназнаўства" ў 1953 г. Лічылася, што гэта з'ява толькі польскай гісторыі і таму вывучэнне яе на Беларусі было ледзь ці не падазронам. Польскія ж гісторыкі, у сваю чаргу, падрабязна распрацавалі праблематыку гэтага паўстання, але, нягледзячы на шматлікасць публікацый і акцэнтаў, беларускі кантэкст паўстання там не закрануты.

Першапачаткова ў кнізе У.П. Емельянчыка асвятляецца абстаноўка 90-х гг. XVIII ст. на Беларусі, якая прывяла да паўстання: гэта сацыяльна-эканамічны і палітычны стан грамадства Рэчы Паспалітай, спробы яго рэфармавання і вырашвання краіны ад гібелі, нахабнае ўмяшанне суседніх дзяржаў ва ўнутраныя справы. Перадчытачом паўстаюць вобразы самаадданных барацьбітоў за захаванне Рэчы Паспалітай і Вялікага княства Літоўскага, за "вольнасць, цэласць, незалежнасць" Айчыны. Паказана і здрадніцкая дзейнасць тых, хто ў цяжкі для "дзяржавы абодвух народаў" час прадаваў яе прускім, расійскім і аўстрыйскім захопнікам. Зоркамі першай велічыні выступаюць асобы кіраўніка паўстання ў Літве і Беларусі Якуба Ясінскага і нашага вялікага земляка Тадэвуша Касцюшкі. (Апошняму, дарэчы, прысвечана спецыяльная кніга аўтара, напісаная разам з прафесарам Я.Юхю "Нарадзіўся я ліцьвінам". Мн., 1994.)

Даволі пераканаўча раскрыты падзеі паўстання 1794 г. на беларускіх землях, яго падрыхтоўка, пачатак, распаўсюджванне, маштабы і ход ваенных дзеянняў. Прагледжаны баявы шлях паўстанцкай атрадаў, рэальна ацэнены іх вайсковыя магчымасці, прааналізаваны памылкі ў агульным кіраўніцтве імі і рэальныя шансы ў барацьбе з пераўзыходзячымі сіламі расійскіх

войскаў. Не выклікае прэрэчанняў і характарыстыка ролі А.В. Суворова ў беларускай гісторыі, асоба якога была неапраўдана ўзвялічана і рамантызавана савецкай гістарыяграфіяй. Паўстанне слухна падаецца як сапраўды народнае, з удзелам не толькі шляхты, але сялян і мяшчан.

Сялянству на старонках кнігі ўдзяляецца асабліва ўвага. І гэта не выпадкова, бо ад яго ўдзелу як асноўнай масы насельніцтва ў рашаючай ступені залежаў поспех паўстання. Гэта разумеў і супрацьлеглы бок – царскі ўрад. Таму барацьба за сялянскія душы набыла шырокі размах. Касцюшка, Ясінскі, іншыя радыкальны настроеныя кіраўнікі былі гатовыя да кардынальнага вырашэння сялянскага пытання, аж да поўнага скасавання прыгонніцтва. Аднак асноўная маса шляхты, і асабліва землеўладальнікі, да такіх кардынальных крокаў былі яшчэ не падрыхтаваны, што і абумовіла абмежаванасць Паланецкага ўніверсалу і тым больш магчымасці яго рэалізацыі. Царскія ж генералы давалі сялянам дэмагагічныя абяцанні і настройвалі іх супраць паўстанцаў шляхты, што, справедліва адзначае аўтар, з'явілася адной з прычын абмежаванага ўдзелу сялян у паўстанні і нейтральна-пасіўнай пазіцыі іх асноўнай масы.

Праз усю манаграфію праходзіць тэма самастойнасці паўстання на літоўска-беларускіх землях, г.зн. максімальна ўвага ўдзяляецца толькі цяпер паднятай па-сапраўднаму ў нашай гістарыяграфіі праблеме "ліцьвінскага сепаратызму". Як раз у гэтым так званым сепаратызме і высвечваецца месца і роля нашых зямель у паўстанні: што дала б нам перамогу – далейшую паланізацыю ці адкрыла б перспектывы самастойнага дзяржаўнага ўладкавання? Перамогі не атрымалася, але як бачна па матэрыялах кнігі, ліцьвінскі фактар у рознай ступені праяўляўся ў дзейнасці розных кіраўнікоў паўстання, што тлумачыцца як ступенню іх агульнай паланізацыі, так і прывязанасцю да роднай зямлі і адданасцю мясцовым традыцыям. Дзяржавы ж, якія анексавалі тэрыторыю Рэчы Паспалітай і ў крыві падавілі паўстанне Касцюшкі, ушчэнт руінавалі дзяржаўнасць, якая стагоддзямі тут складалася, не пакідаючы ніякіх нацыянальна-дзяржаўных перспектыв у не толькі польскаму, але і літоўскаму, беларускаму, украінскаму народам.

Што ўдалося, што не ўдалося аўтару можна меркаваць з яго вызначэння кнігі як спробы

першага набліжэння да "беларускага следу" ў паўстанні 1794 г. І гэты след ён выявіў. Абагулена вялікая колькасць навуковай літаратуры і апублікаваных матэрыялаў, якія датычацца нашай тэрыторыі; зроблена даволі плённая спроба росшуку дакументаў у мінскім і маскоўскім архівах. Папулярны выклад тэксту, наяўнасць шматлікіх ілюстрацый робяць кнігу даступнай і цікавай не толькі спецыялістам, але і шырокаму колу беларускіх чытачоў.

Л.А.Жылуновіч, Ю.Л.Казакоў, У.А.Сосна

В.Ф.Берков, Я.С.Яскевич, В.И.Павлюкевич. **Логика.** Учебное пособие для высших учебных заведений. Мн.: "ТетраСистемс", 1996. 415 с.; Издание второе, исправленное и дополненное. Мн., 1997. 479 с.

Содержание обоих изданий в основном совпадает. Во втором добавлена новая глава "Обучение", параграф 8 – "Художественные тексты" в шестой главе второй части.

Написание глав и параграфов обоих изданий распределено между авторами весьма неравномерно. "Предисловие", вторая глава второй части "Общение (Словесный диалог)" и "Вместо заключения. Краткий очерк истории логики" написаны совместно В.Ф.Берковым и Я.С.Яскевич. В.И.Павлюкевич написал §§1–4 гл.2 первой части и §8 шестой главы второй части во втором издании. Все остальные главы и параграфы написаны проф. В.Ф.Берковым, в том числе "Введение. Предмет логики как науки", гл.8 первой части в обоих изданиях остались без автора, но рецензент безошибочно определил, что они написаны проф. В.Ф.Берковым.

Оба издания учебного пособия подразделяются на две части. В первой – Предисловие, Введение и 8 глав – раскрывается содержание логики как науки. Во второй части – Приложения логики – в отдельных главах рассматриваются научное познание, общение (словесный диалог), обучение, управление, техника и текст. "Вместо заключения. Краткий очерк истории логики" в равной мере относится к обоим частям.

Деление учебного пособия на две части следует признать оправданным и продуктивным. Во-первых, предметная область науки логики значительно расширяется. Во-вторых, раскрывается не только взаимосвязь и взаимообусловленность содержания логики и других наук, но и плодотворное взаимодействие, способствующее дальнейшему их развитию.

Характерны в этом отношении главы второй части. В них на интересном фактическом материале, в доступной форме раскрыто широкое применение логических знаний в личной и общественной жизни людей, научной и культурной деятельности.

Вместе с тем понятие "приложения логики" весьма велико по объему. Оно позволило проф. В.М.Беркову с достаточным основанием включить во вторую часть самостоятельную небольшую главу "Техника", в которой творческая мысль автора пульсирует не менее интенсивно, чем в других объемных главах. Он отмечает глубокое сходство (изоморфизм) "между отношениями в логике высказываний и в технических устройствах дискретного (прерывистого) действия" (Логика. 1997. С.378). Более того, "...теория алгоритмов, теория рекурсивных функций имеют большое значение для создания современных компьютерных систем. Без достижений в обла-

сти этих теорий был бы невозможен научно-технический прогресс в XX веке" (Там же. С.382).

Очевидно, что возможности применения логических идей в технике и техническом прогрессе в этой главе только намечены. Надо надеяться, что они будут развиты автором в последующих изданиях "Логики".

Нам представляется, что целесообразнее было бы сузить "приложения логики" и конкретизировать их содержание применительно к вузовским запросам. Например, "Педагогические приложения логики" (Логика и педагогика, Логика, обучение и воспитание в вузе, Логические основания методов обучения и воспитания студентов и др.).

Изложение содержания логики как науки начинается Введением, в котором определяется предмет логики как науки, главами Высказывания, Имена, Силлогистические выводы, Отношения, Недедуктивные (вероятностные) выводы, Модальности, Вопросы и ответы и Логические системы.

Такая структура вполне приемлема и продуктивна. Она позволила авторам совместить формально-логическую строгость и последовательность с "живым" содержанием логических форм и средств.

Структура глав также логична и содержательна. Параграфы строго и четко формулируются, содержание их последовательно развивается, иллюстрируется разнообразным фактическим материалом. В конце параграфов даются упражнения, решение которых гарантирует сознательное и прочное усвоение студентом логического содержания.

В конце книги даются ответы к упражнениям, приводится список рекомендуемой литературы, предметный указатель.

Учебное пособие выделяется среди подобных рядом положительных и отличительных особенностей. Авторы стремятся сочетать закономерности и требования формальной и диалектической логики. "Сейчас стало немодным, – пишет проф. В.М.Берков, – ссылаться на классиков диалектического материализма. Представляется, что это неправильный, конъюнктурный подход" (Там же. С.261). В "Логике" умело и творчески используются новейшие достижения логики, гносеологии и методологии, выдвигаются интересные идеи о необходимости дальнейших исследований различных аспектов логической науки (логические основы процесса общения, логика и риторика, логика и системы искусственного интеллекта и др.).

К сожалению, пособие не лишено недостатков. Так, название первой части – "Логический анализ языковых выражений" – не соответствует содержанию большинства глав. К тому же оно отделяет "Введение. Предмет логики как науки" от последующих тем курса логики. По замыслу авторов название второй главы "Имена" должно соответствовать логической форме "понятие". Но даже в "Предисловии" авторы не соблюдают этого тождества и свободно употребляют словосочетания: "содержание понятий", "понятийно-терминологический аппарат" (Там же. С.4), "дефиниции основных понятий" (С.5), ничего не разъясняя, в чем заключается смысл имен и смысл понятий. В главах "Отношения", "Модальности" – первой части, "Техника" – второй части в отличие от других глав отсутствуют параграфы. В предметном указателе приводятся не все термины, употребленные в тексте.

Несмотря на эти во многом чисто "технические" погрешности, "Логика" — полезное и доступное учебное пособие для студентов вузов.

А.С.Клевченя

Кримінальнае права Беларусі (закон, злачынства, адказнасць): Навучальны дапаможнік / А.У.Баркоў, І.А.Грунтоў, Т.І.Доўнар і інш.; Пад рэд. А.У.Баркова. Мн.: "Завігар", 1997. 288 с.

Аўтарскі калектыў кафедры кримінальнага права юрыдычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта пад кіраўніцтвам дацэнта А.У.Баркова ажыццявіў удалую спробу прадставіць найбольш фундаментальны раздзел Агульнай часткі кримінальнага права з улікам шматлікіх змяненняў і дапаўненняў, унесеныя ў Кримінальны кодэкс (КК) Рэспублікі Беларусь за апошнія гады.

У прадмове да кнігі справядліва адзначаецца, што гэта — першы навукавы дапаможнік па кримінальнаму праву Беларусі, выдадзены на беларускай мове. Не ўдаваючыся ў пытанне аб дакладнасці беларускай тэрміналогіі, ужытай аўтарамі для вызначэння шырокага кола кримінальна-прававых паняццяў, адзначу, што выкарыстоўванне некаторых тэрмінаў выклікае пытанні. Так, напрыклад, азначэнне "неабходнай абароны" праз паняцце "правамерная абарона" (с.141) наўрад ці ўдалае па прычыне таўталагічнасці.

Да добрых вартасцей работы трэба аднесці актыўнае выкарыстанне яе стваральнікамі міжнародна-прававых норм, канстытуцыйнага, грамадзянскага і іншых галін заканадаўства, якія маюць важнае значэнне для правільнага разумення і прымянення кримінальнага закона. Арыгінальным уяўляецца выкладанне матэрыялу, прысвечанага саставу злачынства, паняццю і формам кримінальнай адказнасці.

Прадумана пабудавана структура дапаможніка. Так, заслугоўвае адабрэння размяшчэнне главы "Кримінальная адказнасць" у канцы працы. Па традыцыі пытанні аб кримінальнай адказнасці разглядаліся ўслед за выкладаннем пытанняў аб паняцці, задачах і прынцыпах кримінальнага права, што абцяжарвала засваенне матэрыялу, дзе патрэбна веданне такіх паняццяў, як злачынства, састаў злачынства і інш. У дапаможніку аналіз кримінальнай адказнасці і форм яе рэалізацыі выцякае і будзеца на папярэднім матэрыяле. У працы знайшлі адлюстраванне вельмі складаныя пытанні множнасці злачынстваў, вылучаныя ў самастойную главу.

Не можа не выклікаць цікавасці кароткі нарыс гісторыі кримінальнага права рэспублікі і, асабліва, раздзел з адметнай назваю, прысвечаны гісторыі кримінальнага права феадальнай Беларусі. Сцісла і ўзважана выкладзена гісторыя беларускага кримінальнага права 90-х гадоў.

Аўтары дапаможніка нярэдка адмаўляюцца ад асвятлення праблемных пытанняў, хаця ў шэрагу выпадкаў трэба было б паказаць вядомае несупадзенне паміж пастулатамі навукі кримінальнага права і практычнай іх рэалізацыяй. Так, у прыватнасці, патрэбна было б звярнуць увагу на недапушчальнасць аналогіі пры азначэнні злачыннасці дзеяння (с.11), адзначыўшы адначасова, што яна ўсё ж такі мае месца ў правапрымяненні (гл., напрыклад, пастанова пленума Вярхоўнага суда РБ // Судовы веснік. 1995. №1. С.8. П.4).

Вельмі катэгарычным уяўляецца сцвярджанне аб тым, што тлумачэнне кримінальнага закона, які знаходзіцца ў пастановах пленума Вярхоўнага суда рэспублікі, з'яўляецца абавязковым для ўсіх судов, іншых органаў і асоб пры прымяненні імі гэтага закона (с.38). Такое абагульненне, як нам уяўляецца, зроблена на падставе аналізу судовай практыкі, да сённяшняй пары заканадаўча не зацверджанай, і не больш таго.

Пры характарыстыцы ўзаемасувязі кримінальнага і адміністрацыйнага права ў дапаможніку апускаецца разгляд прынцыпова важнага для кримінальнага заканадаўства Беларусі пытання пра спалучанасць кримінальнай і адміністрацыйнай адказнасці ў нормах з адміністрацыйнай прэюдыцыяй. Толькі ў адным месцы (с.47) упамінаецца аб адміністрацыйнай прэюдыцыі, праўда, без прымянення гэтага тэрміна для абазначэння дробнага крадзяжу маёмасці. Да таго ж размежаванне злачынства і адміністрацыйнага правапарушэння ажыццяўляецца з пазіцыі аднясення прэюдыцыі да адзнак аб'ектыўнага боку злачынства, тады як яна — адзнака суб'екта злачынства.

Аналізуючы прававыя вынікі прычынення шкоды пры выкананні загаду (с.157–158), аўтары чамусьці замовчаюць палажэнні арт.226 КК, які дастаткова дакладна рэгламентуе пытанні адказнасці начальніка і падначаленага ў сувязі з выказаннем загаду. Упамінанне ў дапаможніку пра наляўнасць названага артыкула ў Кодэкс важна таму, што ў Агульнай частцы дзеючага КК названая акалічнасць, якая выключае злачыннасць дзеяння, увогуле не прадугледжана.

У азначэнне паняцця "кримінальная адказнасць" цалкам абгрунтавана ўключаны такія элементы, як асуджэнне ад імя дзяржавы па прыговору суда асобы, якая здзейсніла злачынства, і прымяненне да такой асобы (асуджанай) мер пакарання, а таксама іншых мер уздзеяння ў адпаведнасці з кримінальным законам (с.228). Аднак выкарыстанне ў дадзеным азначэнні злучніка "і" наўрад ці да месца, бо кримінальная адказнасць можа быць рэалізаванай, у прыватнасці, і ў форме асуджэння, але без назначэння пакарання (ч.2 арт.48 КК, ч. 2, арт.311 КПК).

Выказаныя заўвагі ні ў якім разе не прымяняюць добрай якасці названага навуальнага дапаможніка. Ён, несумненна, будзе карысным не толькі студэнтам-юрыстам, але і ўсім, хто цікавіцца праблемамі айчынай навукі кримінальнага права.

А.І.Лукашю

А.Н.Данилов. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Мн.: "Універсітэцкае", 1997. 431 с.

Из всего многообразия насущных социологических проблем автор выбрал для исследования, пожалуй, наиболее актуальную: обратился к процессам, начало которым положил распад Советского Союза, историческое событие такого же размаха и значения для всеобщей истории, который имела, пожалуй, только гибель Римской империи. Сегодня это практически еще не осознается. Не осознаются в полной мере и исторические последствия трансформации, которая была задумана прежде всего как средство закрепления победы над Советским Союзом, развивавшим самостоятельный вариант цивилизационной модели, но по ряду известных обстоятельств не сумевшим обеспечить его жизнеспособность.